

А.И. П

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC
VLADIMIR DAHL LUGANSK NATIONAL UNIVERSITY**

Anthropos: Logos and Theos

**(Ὁ ἄνθρωπος:
ὁ Λόγος καὶ Θεός)**

ISSUE 3

RESEARCH WORK'S DIGEST

Lugansk 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

А н т р о п о с : Л о г о с и Т е о с

**(Ὁ ἄνθρωπος:
ὁ Λόγος καὶ Θεός)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Философия религии
Философская антропология
Философия культуры

ВЫПУСК 3

Луганск 2017

УДК 1(060.55)
ББК 87

Редакционная коллегия:

Главный редактор сборника научных трудов

Исаев Владимир Данилович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедры мировой философии и теологии института гуманитарных наук и социально-политических технологий Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск, ЛНР)

Члены редакционной коллегии:

Исаев В.Д.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Золотухина Е.В.	- доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук (г. Ростов, РФ)
Suncica Denic	- доктор философии, профессор (Сербия)
Шмидт В.В.	- доктор философских наук, профессор (г. Москва, РФ)
Августин (Морозов)	- архимандрит, магистр богословия (г. Салерно, Италия)
Липич Т.И.	- доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)
Лазарев Ф.В.	- доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, РФ)
Вениамин (Погребной)	- епископ, кандидат философских наук, доцент (г. Полтава, Украина)
Гужва А.П.	- доктор философских наук, профессор (г. Харьков, Украина)
Рожков В.П.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Фриауф В.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Орлов М.О.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Ольхов П.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)
Муза Д.Е.	- доктор философских наук, профессор (г. Донецк, ДНР)
Титаренко С.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Вовк В.М.	- доктор педагогических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Лустенко А.Ю.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Шелото В.М.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Воронкин С.В.	- доктор богословия, протоиерей (г. Луганск, ЛНР)
Кобылкин Д.С.	- кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР).

Ответственный секретарь – Кобылкин Д.С., кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР)

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 12 от 25.06.2017 г.)

Материалы сборника печатаются на языке оригинала. Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 3. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. – 300 с.

В сборник вошли научные работы, в которых рассматриваются актуальные вопросы религии, теологии, философии, философской антропологии, философии культуры, этики и эстетики. Статьи отражают появление новых контекстов религиозного, теологического и философского знания и реинтерпретацию классических вопросов философии религии. Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Исаев В. Д., Пономарев А.В.....	12
СЛОВО КАК УГРОЗА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Муза Д.Е.	23
РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: ИДЕОЛОГИЯ КАК ОПОРА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Липич Т.И.	28
ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ	
Яковенко А.В.....	33
ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВО СТРАХА	
Ильченко В.И., Токмачёва М.А.	42
ПИСЬМА К.Д. УШИНСКОГО О ВОСПИТАНИИ НАСЛЕДНИКА РУССКОГО ПРЕСТОЛА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ	
Бугаев В. И.....	54
СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСКОГО ИДЕАЛА В.С.СОЛОВЬЕВА В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИЗАЦИИ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Пожидаев Е.А.....	61
МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РУССКОМ МИРЕ	
Кобылкин Д.С.	65
ОСНОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ И СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	
Серикова Т.Е.....	77
МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ	

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Шелюто В.М.....	85
МЕСТО И РОЛЬ САКРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	
Сухина И.Г.	98
ТРАДИЦИЯ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И КУЛЬТУРА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ	

Звонок Н.С.	109
САКРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИИ	
Ширманова М.Ю.	119
Г-КУЛЬТУРА И ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ	
Скворцов Ю.А.	129
К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ СРЕДОВОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ СТУДЕНТОВ)	
Оставная А.Н., Волкова О.А.	140
ПОТРЕБНОСТЬ МИГРАНТОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВЕ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИХ ДЕТЕЙ	
Даренская В.Н.	149
НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ Н.Н.СТРАХОВА И Н.Я.ДАНИЛЕВСКОГО	
Плахотник А.Н., Юсеф Ю.В.	156
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ КАК ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА	
Захаркив М.Р., Юкович Л.Ф., Ермакова Д.В., Лаврентьева Ю.Н.	163
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ НА ПРИМЕРЕ РИБИУ	
Носков В.А.	175
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АНТУРАЖ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА: РОЛЬ РОССИИ В ВОССОЗДАНИИ БАЛАНСА ВЕЛИКИХ ИДЕЙ	
Пивницкий Н.Д., Лебедь В.Н., Кравцов Д.Н.	182
КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ: БОРЬБА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ	
Гавлицкий Е.М., Гавлицкая П.В.	187
БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРОГРЕССИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	
Лисина Д.С.	192
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА	
Глазунов Н.В., Терентьева А.Н.	200
МЕСТО ДУХОВНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	

Колесник О.Р., Колениченко С.В., Воробьева К.С.	205
МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ	
Терещенко Б.И., Лопина Е.М.	212
НОВЫЕ ФАКТОРЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В МИРЕ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВАЛА СИСТЕМЫ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА	

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

Деревянко К.В., архим. Варфоломей (Кузнецов)	219
РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Протоиерей Алексей Слюсаренко	224
ШАФАРЕВИЧ. IN MEMORIAM.	
Протоиерей Сергей Воронкин	229
ДРЕВНИЙ ТЕТРАГРАММАТОН «ЙХВХ» КАК ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
Ильченко В.И.	241
СВЯТОСТЬ ХРИСТОЦЕНТРИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Евстратов С.М.	252
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ НА ВОЕННОЙ КАФЕДРЕ УНИВЕРСИТЕТА КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА	
Воронцова Е.В.	259
ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Кравцов Д.Н.	264
ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА	
Чилигин В.В.	278
УГРОЗЫ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ ЛНР КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	
Швецов Г. Ю.	283
ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ	
Негреев С.А.	289
МИСТИФИКАЦИЯ КАК НЕГАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОСТИ	

CONTENT

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Isaev V.D., Ponomarev A.V.</i>	12
THE WORD AS A THREAT AND SECURITY OF THE INDIVIDUAL IN THE CIVILIZATIONAL AND CULTURAL SPACE	
<i>Muza D.E.</i>	23
RUSSIAN CIVILIZATION IN THE XXI CENTURY: IDEOLOGY AS A SUPPORT OF STRATEGIC SAFETY	
<i>Lipich T.I.</i>	28
THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT	
<i>Yakovenko A.V.</i>	33
THE PROBLEM OF SECURITY AND THE SOCIETY OF FEAR	
<i>Ilchenko V.I., Tokmacheva M.A.</i>	42
LETTERS OF K.D. USHINSKY ON THE EDUCATION OF THE HEIR TO THE RUSSIAN THRONE: SYSTEM ANALYSIS (Sacred and secular in the service of the Lord's Anointed)	
<i>Bugaev V.I.</i>	54
CHARACTERS OF CHRISTIAN IDEAL OF V. SOLOVYOV IN THE PROCESS OF HUMANIZING OF RUSSIAN ARTISTIC EDUCATION	
<i>Pozhidaev E.A.</i>	61
MODELS OF BUILDING CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN WORLD	
<i>Kobylkin D.S.</i>	65
BASES AND THEIR ROLE IN SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AND SOCIAL DEVELOPMENT OF THE PERSON, SOCIETY AND STATE	
<i>Serikova T.E.</i>	77
MORAL ASPECTS OF THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF MODERN MEDICINE	

RELIGION AND PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Shelyuto V.M.</i>	85
PLACE AND ROLE OF SACRAL VALUES IN THE PROCESS OF FORMING CONCEPTION OF SOCIAL SPACE SAFETY	

Suhina I.G.	98
TRADITION, TRADITIONALISM AND CULTURE: EXPERIENCE OF A PHILOSOPHICAL EXPLICATION	
Zvonok N.S.	109
SACRAL ART AS THE FUNDAMENTAL ELEMENT OF TRADITION	
Shirmanova M.Yu.	119
G-CULTURE AND SPIRITUAL HEALTH OF A PERSON	
Skvortsov Y.A.	129
TO THE HISTORY OF THE ENVIRONMENTAL MARGINALITY PROBLEM OF THE SMALL CITIES RESIDENTS IN DONETSK REGION (ON THE EXAMPLE OF THE STUDENTS CIRCULAR MIGRATION)	
Ostavnaya A.N., Volkova O.A.	140
MIGRANTS' DEMAND IN E-LEARNING AS A MEANS OF PRESERVING THE ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY OF THEIR CHILDREN	
Darenskaya V.N.	149
MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CIVILIZATION IN N. STRAKHOV'S AND N. DANILEVSKIY'S CONCEPTIONS	
Plakhotnik A.N., Yusef Yu.V.	156
SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF FUTURE DOCTORS AS SECURITY OF SOCIETY	
Zakharkiv M.R., Yukovich L.F., Ermakova D.V., Lavrentieva Y.N.	163
THE MAIN DIRECTIONS OF WORK FOR DEVELOPMENT OF ETHNIC TOLERANCE OF BACHELORS OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT IN THE PROCESS OF LEARNING IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION ON THE EXAMPLE OF RIBIU	
Noskov V.A.	175
METAPHISICAL ENTOURAGE OF THE MODERN WORLD ORDER: RUSSIA ROLE IN REBUILDING BALANCE OF THE GREAT IDEAS	
Pivnitsky N., Lebed V., Kravtsov D.	182
CRISIS OF MODERN LIBERAL IDEOLOGY: THE FIGHT OF GLOBAL PROJECTS	
Gavlistkiy E.M., Gavlitskaya P.V.	187
SECURITY OF THE PERSON AS A CONDITION OF PROGRESSIVE GOVERNMENT AND SOCIAL DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS	

Lisina D.S.	192
PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE TRANSFER IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF ANTHROPOLOGICAL UNIVERSUM	
Glazunov N.V., Terenteva A. N.	200
THE SPACE OF SPIRITUALITY IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY: THE PHILOSOPHICAL ASPECT	
Kolesnik O.R., Kolinichenko S.V., Vorob'eva K.S.	205
MECHANISM OF PUBLIC SAFETY: REGULATION AND IMPLEMENTATION ISSUES	
Teretschenko B.I., Lopina E.M.	212
NEW FACTORS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY IN THE WORLD AS A CONSEQUENCE OF THE COLLAPSE OF THE SYSTEM OF AN UNIPOLAR WORLD	

ACTUAL PROBLEMS OF THEOLOGY

Derevyanko K.V., archim. Bartholomew (Kuznetsov)	219
THE RELIGIOUS ROOTS OF SPIRITUAL SECURITY	
Slusarenko A.V.	224
SHAFAREVICH. IN MEMORIAM	
Voronkin S.V.	229
THE ANCIENT TETRAGRAMMATON JHVH AS A THEOLOGY PROBLEM	
Ilchenko V.I.	241
THE HOLINESS OF THE CHRISTOCENTRIC PERSON AS THE IMPERATIVE OF SOCIAL SECURITY	
Evstratov S.M.	252
SPIRITUALLY-MORAL EDUCATION OF FUTURE OFFICERS AT THE MILITARY DEPARTMENT OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF STRENGTHENING SECURITY COMPANIES	
Vorontsova E.V.	259
THE RIGHT TO HEALTH AND THE RIGHT TO A FAVOURABLE ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL SECURITY	
Kravtsov D.N.	264
SPIRITUAL SECURITY OF THE MODERN RUSSIAN SOCIUM AS A VALUABLE PHENOMENON OF THE CIVILIZATION CHARACTER	

Chiligin V.V.	278
THREATS TO THE SPIRITUAL AND RELIGIOUS SPHERES OF THE LPR AS A DESTRUCTIVE FACTOR OF STATE-BUILDING	
Shvetsov G.Y.	283
THE INNER MAN AS A MODERN PHILOSOPHICAL CATEGORY	
Negreev S.A.	289
MYSTIFICATION AS A NEGATIVE ELEMENT IN THE UNDERSTANDING OF SPIRITUALITY	

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 130.2:159

Исаев В. Д., Пономарев А.В.

СЛОВО КАК УГРОЗА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье методом анализа диалектики цивилизации и культуры в современном социуме рассматривается как формирование исключительно цивилизационных форм общения деформирует личностные качества человека. На основе закона Кирсанова показывается, что только через возвращение в культурное пространство и ориентирование на православные ценности возможно избежать угроз и обеспечить безопасность человека и человечества, которая формируется как современные филологические метаморфозы цивилизационно-культурного пространства.

***Ключевые слова:** трансинтенция, труд, безопасность, поколение, филологическая угроза, слово, виртус, социальные сети.*

По уже давно устоявшейся традиции, берущей начало от специфически русского демократического способа обсуждения и решения всех социальных проблем, в стране все и каждый считают себя знатоками и специалистами в политике, воспитании и образовании. Однако образование и воспитание – это такие области нашей жизни, эффективное развитие которых зависит в первую очередь не от демократических устоев в социуме, а от **трансинтенции** наших усилий в осуществлении воспитательных и образовательных усилий. Другими словами, в этих областях жизнедеятельности важнейшим условием успеха, получения

положительных результатов – появления в результате наших усилий личности, а не ее разрушения – является ориентация на трансцендентный мир, Волю Божью, упование на божественные энергии и Цели, которыми должна определяться суть нашей целесообразной деятельности по отношению к объектам наших воспитательных и образовательных усилий. *«... Когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут. Но вы, братья, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо вы – сыны света и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы»* [1Фес. 5: 1-5]. Христиане, предупреждает апостол Павел, должны понимать, что никакого мира и безопасности на самом деле быть не может: при исполнении признаков наступления дня Господа христиане должны быть начеку. **Состояние всеобщего мира и безопасности на Земле или «мира и безопасности» в собраниях - не должно усыплять нашу бдительность и заставлять нас забывать о том, что как раз этот мнимый «мир» и является признаком близкого конца веку сему нечестивому.** Так что всякий, кто сегодня считает себя специалистом в области образования и воспитания, кто считает, что он, будучи «специалистом» здесь, вовсе не укрепляет мир и безопасность, если действует во тьме неверия. – Мир, безопасность, воспитание, образование, вера в Господа – вот единая цепь действий, ведущая к нашему спасению, вот – Путь и Истина. Обратим внимание на глубокий смысл слов «мир» и «безопасность». – Есть подлинный мир, и есть мир мнимый, упование на который грозит нам внезапным поражением всех наших упований и надежд; строить надо подлинный, а не мнимый мир, заниматься подлинным, а не мнимым образованием и воспитанием. Как этого достичь? Все зависит от средств, которыми мы беремся решать эти задачи. Инструментальный подход к поискам ответа на поставленный вопрос, приводит нас к мысли о том, что таким инструментом является слово. Оно изначально есть божественный дар, вне которого невозможно никакое целеполагание. *Удерживайтесь от всякого рода зла.* – Говорил Апостол Павел [1Фес.5, 22]. А источником зла, исходящего от нас чаще всего является реальность, осмысленная нами в тех словах, которые подсказывает нам искушение и прелесть. Именно так происходит, когда человек вольно или невольно производит подмену понятий: говорит об образовании, а подразумевает информированность, а говоря о воспитании, исключает нравственность. Умение владеть словом, т.е. умение точно и по возможности однозначно выражать свои мысли, а мысли контролировать соответствием объективной реальности – это и есть главное в умении владеть словом, и это умение достигается упорным трудом, который суть

образование и самообразование. Конечно, и образование, и самообразование – процессы, которые организует сам человек или его учителя по отношению к внешнему человеку, человеку цивилизации, поскольку побудительным мотивом в этом случае выступает полезность, нацеленность в первую очередь на практический результат. Но тогда результат этих усилий – не личность, а ее отсутствие, человек-функция. Именно такого человека – человека-функцию, внешнего человека цивилизационного социального пространства описывал бихевиоризм, когда подразумевалось, что поведением человека можно управлять в зависимости от практических нужд исследователя. Однако активная деятельная сущность, которая определяется нами как через нашего внешнего, так и через нашего внутреннего человека, при этом игнорировалась. Внутренний человек руководствуется не только знанием, но и нравственными установками и интуицией. «Обезьяны гораздо умнее людей: они так и не начали разговаривать – чтобы их не заставили учиться и работать». Так парадоксально можно сформулировать цивилизационную и цивилизаторскую роль слова в нашей жизни. Суть такой роли состоит как раз в том, чтобы как можно точнее сформулировать рациональный смысл целесообразных действий (постановка цели, выбор средств, предвидение результатов в виде следствий и последствий) и при этом игнорировать культурные смыслы указанных действий, по возможности избегая их влияния на выбор целей и средств и одновременно избегая циничного оформления результатов рационального мышления. Бауман, например, понимал, что в современном обществе вопрос «Разве я сторож брату моему?» принципиально находится за пределами нашего внимания [1]. Мы игнорируем и брата как брата и необходимость заботы о нем как о брате. Уже Преп. Ефрем Сирийский в толковании на Книгу Бытия писал: **«И рече Господь Бог ко Каину: где есть Авель брат твой? И рече: не вею: еда страж брату моему есмь аз? И рече Господь: что сотворил еси сие? Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли**

«... Когда Каин думал, что обманул родителей своих, и некому отомстить за Авеля, тогда является Каину Бог и говорит: где есть Авель брат твой? Бог является ему без гнева, чтобы, если покается, произнесенная его устами молитва загладила грех убийства, совершенный его рукой; а если не покается, то определено ему было тяжкое наказание, какого заслуживало злодеяние. Но Каин вместо покаяния исполняется негодования и Всеведущему, вопросившему его о брате, чтобы привлечь Каина к Себе, отвечает с гневом и говорит: не вею: еда страж брату моему есмь аз. Бог продолжает: что сотворил еси сие. Если не знаешь, где Авель, потому что ты не страж его, то Вопросающему тебя о

*сделанном тобой скажи, что сделал ты, чтобы не спрашивать Ему о тебе других. Скажи, что сотворил еси? Если бы Вопрошающий тебя не знал, что сделано тобой, то не стал бы и спрашивать тебя о поступке твоём. Когда же Каин не хотел сказать и этого, то есть что сделано им, тогда обнаруживается Божие ведение, и Бог, отличая преступление, говорит: **глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли.** ...Поскольку же негодно тебе делать доброе, как внушало тебе Правосудие, и ты устремился ко греху, от которого наперед предостерегало оно тебя, проклят ты на земли, потому что причинил скорбь Адаму и Еве, праотцам всей земли, проклят ты на земли, потому что всей земле отверз двери шеола (ада). Егда делаеши землю, и не приложит силы своя дати тебе, - потому что один ты хотел вкушать ее произведения, - стена и трясьишься будеши на земли (Быт. 4:12), - ибо ходил ты по ней с гордостью и высокомерием [2]. По сути в этом анализе показана сущность цивилизационной логики рассуждений и действий, оправдывающих эти действия. Так что вопрос Каина по сути издевательский над самой божественной идеей творения человека. Полякова Е.А. в дипломной работе «Цинизм как тенденция развития современных нравов: философско-этический анализ» совершенно справедливо пишет: «В мире, где царит двойственность, и любая вещь оказывается в действительности не тем, чем казалась ранее, умение занимать отстранённую от обстоятельств точку зрения становится поистине искусством. Скептицизм даёт право на постоянные сомнения и неопределённость, что позволяет снять с человека бремя страха снова оказаться над пропастью между желаниями и возможностями. Отсюда происходят недалёковидность в планировании жизни, своекорыстии и приземленности желаний. Скептицизм не может вместить в себя весь спектр такого разнообразия, возникает необходимость в расширении понятия, поиска новой категории. Таковыми будут являться нигилизм и цинизм»[3]. Так цивилизационная логика диктует не только «порядок слов» и «порядок мыслей», но и порядок поступков, когда нравственные законы, различение добра и зла, красоты и безобразного становится не только лишним, но и невозможным в принципе. Культура требует, чтобы каждый человек, будучи человеком, относился к другому как к брату, был именно сторожем его мыслей и поступков, особенно если идет речь о младшем брате. Это же и относится к тому, как человек относится к самому себе. Между тем, как писал еще Рей Брэдбери, наша цивилизация перестала даже задавать вопросы самой себе.*

Внутренний человек облакает объективный мир в слово и формирует идеальную модель отношения (действий) внешнего человека к этому

объективному миру. Об этом в свое время Вадим Шефнер написал знаменитое стихотворение: Много слов на земле. Есть дневные слова –

В них весеннего неба сквозит синева.

*Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.*

*Есть слова - словно раны, слова - словно суд,-
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.*

*Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.*

*Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить...
(1956).*

Вся драматургия этих стихов, как видим, построена на характеристике разного в своей сущности отношения к слову внутреннего и внешнего человека. Объективный мир мы одеваем в слово, осознаем его и действуем в нем на основе слова. Но самое основное в рамках обсуждаемой нами темы состоит в том, что слово есть главный способ общения, оно – слово – есть способ существования культуры, поскольку Другой для нас в принципе может существовать только в общении и через общение. Оно не только из возможности превращает в действительность межличностность отношений в культуре, не только осуществляет коммуникативность, интересубъективность и перцептивность этих отношений, но и делает возможным существование человека как личности, как субъекта культуры.

Помимо множества революций и «революций» во всех сферах бытия, на которые так богатым оказался двадцатый век, обратим внимание на революцию в сфере человеческого общения, начавшаяся с появлением компьютеров и информационных сетей. Главным в этой революции оказалось превращение реального общения в общение виртуальное. Последствия этой революции для антропосферы или ноосферы, для каждого человека, даже если он не участник виртуального общения, колоссальны. Рассмотрим некоторые из них, которые определяются рамками обсуждаемой здесь темы [4]. Итак:

1. Если еще в XX веке метафора Экзюпери о роскоши человеческого общения как самой великой роскоши была истиной, то сегодня с этой роскошью произошло то, что произошло с алмазами, когда появилась

возможность выращивать искусственно. Как искусственно выращенные алмазы трудно назвать драгоценными, так и нынешние формы общения утратили статус роскоши!

2. Цифровой способ общения не знает времени и скорости. Если в XX веке письма, будучи основным после бесед способом общения, шли месяцами, неделями, днями; если до XX века проблема скорости передачи информации всегда была проблемой, требующей решения в смысле ускорения передачи: сигнальные костры, скороходы, гонцы, курьеры, почтовые лошади, поезда и самолеты, то теперь бывшие до сих пор основными средства общения стали второстепенными, если не потеряли всякое значение в сфере общения: теперь оно стало практически мгновенным, совершенно независимым от расстояний. Время в этой сфере изменило свое качество. Вдруг оказалось, что время разбрасывать камни и время собирать камни – не только разная работа, но и разное время нашей жизни, разные обстоятельства нашей жизни, изменяющимися совершенно по-разному не только нашу жизнь, но и нас самих.

3. Онтология индустрии общения кардинально изменилась. Как производство искусственных алмазов совершенно не похоже на «производство» естественных, так и производство виртуального общения стало производством компьютеров, программ, вирусов и антивирусов. Как сказал поэт (С.Я.Маршак), «между мною и природой возникло тонкое стекло»: общение стало онтологически другим, другими принципиально стали посредники общения – между мозгом и словом встал компьютер!

4. Общение, с одной стороны, перевело общение в контакт в пределах личного поля, сделало его интимно-бесстыдным, в то же самое время сделало эту интимность публичной. Если до сих пор на миру была и смерть красна, то введение в это «И» полуличностного общения как роскоши, обрекло его на полуличностное, не говоря уже о ЛИЧНОСТНОМ, существование, обрекло его на смерть. Как дети сегодня могут стать и становятся сиротами при живых родителях, так слова, рождающиеся нами для общения принадлежат виртусу, а не тому, кто их сотворил или получил по электронной почте [5]. И дети – сироты, и слова наши – сироты. Компьютер (детский дом!) рождает свои слова: «банить», «послать», «клацать батонами по доске», «виндузятник» и т.д. – Можно насчитать тысячи слов, составляющих компьютерную лексику, но поскольку компьютеры стали массовым явлением, компьютерная лексика переходит в сленг, который в молодежной среде становится все более авторитетным: так появляется новый язык и новая личность (Хомо виртус), поскольку язык и умение формулировать мысли есть важнейшее условие как формирования личностных качеств, так и их утери.

5. Перечисленные революционные особенности общения стали доступны любому человеку, и в то же самое время формировали особые постреволюционные личностные качества. Традиционные способы общения как раз формировали человека как личность вне всяких оговорок: ничто так много не поведало нам о личности Чехова или Толстого, как их письма. «Людей хорошо узнаешь по письмам. Допустим, вы встретились с кем-нибудь раньше; вы помните, каким он был и что вы о нем думали, а теперь вы читаете его письма и узнаете его гораздо лучше» – писал Уильям Сароян. Вот именно эта возможность «узнать человека получше» в наши дни почти испарилась от ветра прогресса. Издание полного собрания sms-ок какого-либо сегодняшнего гения (если бы кому-то взбрела в голову такая идея) могло бы рассказать о степени деградации умения этого гения общаться. Разве что он смог бы послать сообщение типа «vini, vidi, vici»! Не случайно не утихает дискуссия о рамках, содержании и формах допустимого общения в инете для, например, священника, поскольку его общение предполагает иной, чем лишенный личностных качеств виртуособщение.

6. Социальное время под влиянием социальных сетей изменило не только формы влияния на жизнь человека, но изменило и саму его жизнь: привычная форма времени, исчезнув из общения – осталось только «здесь» и «сейчас», когда «промедление смерти подобно», – уничтожило прошлое и будущее, ускорило сам ход времени и при этом погубило глубину мысли, сделало банальность сутью и сущностью бытия.

Все течет, слова же фиксируют моменты этого течения, и из этих слов «осознания» реальности рождаются в самой реальности «левые» и «правые», ретрограды, радикалы, экстремисты и террористы. Диалектика сегодня не в чести, поскольку отождествляется с марксизмом. Но, нравится нам это или нет; хотим мы этого или нет – все равно:

*Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья
По тайной воле провиденья
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут... [6, с. 46]*

Когда революция совпадает со сменой поколений (а именно так чаще всего и бывает в истории) утери определенности бытия, изменения его сути новыми поколениями воспринимаются в качестве нормальных и обычных, даже рутинных обстоятельств, которые новыми поколениями истолковываются как возможность увеличить поле свободы путем еще большего погружения в поле цивилизации и еще большего отхода от культуры. Именно так и в таких условиях начинает действовать особый

социальный закон, открытый И.С.Тургеневым и который мы называем **законом Кирсанова**, в уста которого автор его вложил. В романе «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов говорит, обращаясь к Базарову: **«Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление.** Вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчишек». И затем разъяснение – «Прежде молодым людям приходилось учиться, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! – И дело в шляпе. Молодые люди образовались. И в самом деле, прежде они были просто болваны, а теперь они вдруг стали нигилистами»[7, с. 52]. Вместо слова «нигилист» можно сегодня поставить множество других: экстремист, террорист, националист, фашист и более мягкие – глобалист, потребитель, наркоман, зависимый, фанат и т.д.

И начинается действие закона Кирсанова с облачения в слова желаемой реальности, сжатой в «сегодня» без прошлого – «вчера» и будущего – «завтра»: *(нет! Нет! Мы хотим сегодня! Мы хотим сейчас!)*. Слова – не только образ, но и правила, рельсы, образ жизни. Поговорка: «Назвался груздем – полезай в кузов!» – точно передает суть обсуждаемой проблемы. Действительно, весь мир – театр. Но в театре как раз очень важны слова. Если же в жизни только – «СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА!»..., и эти слова только о цивилизации и только о политике, то слова становятся угрозой, нашей безопасностью, поскольку подменяются словами с другим смыслом, и начинает действовать в построении общения логика **«как бы»**. Эта логика чаще всего проявляется как лицемерное использование слов. В словаре Ожегова дается такая трактовка: «Лицемерие – поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью». Так, например, карательная операция правителей нынешней Украины названа ими «антитеррористическая операция», когда автоматически все жители Донбасса называются террористами. По сути лицемерие дополняется всегда явным или скрытым цинизмом. Цинизм сегодня как раз и означает нигилистическое отношение к культуре, религиозным догматам и этическим нормам (закон Кирсанова!). Цинизм – это позиция индивидуума (в этом смысле всегда порождение цивилизации) отрицающая общепринятые нравственно-моральные устои. Слова, впитавшие в свое значение разрушительную энергию цинизма предопределяют не только поведение человека, но и его сущность: по делам их узнаем их. Действительно, цинизм, как мировоззрение отрешено от таких понятий как жалость, милосердие, сострадание и им подобные, исключение составляют только те ситуации, где индивидуум лично заинтересован сыграть в милосердие. Современный цинизм принял форму отрицания мотивов якобы не имеющих материальной основы. В наше

время, вывернув свободу в либерализм, создатели, исполнители и хранители «юридического мышления» как основы современного социума (А.И.Солженицын) стали свободными в том смысле, что они теперь определяют, что есть добро и что есть зло, используя логику цивилизации и отвергая логику культуры как враждебную свободе и как искажающую подлинные с их точки зрения ценности. Мир, т.е. социум оказался вывернутым наизнанку: что было добром, теперь зло, а зло стало добром, цивилизация для такого общества стала единственной реальностью, которой и подчинен дискурс современного человека. Суть такого дискурса цинично выразил один американский миллиардер: «Деньги – это альфа и омега! Это домкрат, поднимающий дух». Понятно КАКОЙ дух поднимается таким домкратом! В этом случае нарастает опасность трансформации культуры в ЯКОБЫ-культуру, в квазикальтуру, а это, в свою очередь, ставит под угрозу существование человека как личности. Спасительное «да будет!» заменяется «ЯКОБЫ да будет», сослагательное наклонение реальности оплодотворяет цивилизацию и рождает уродов-якобы-людей. Между тем культурное пространство требует и одновременно порождает иной дискурс, его уже давно сформулировал авва Дорофей. Говоря про устройство человека, он вместил суть этого дискурса буквально в одну строчку псалма: *уклонися от зла и сотвори благо, взыщи мира и поженн и.* – Не твори злого, сотвори доброе, ищи мира и преследуй его, т.е. следуй этому правилу. Бог Каину говорил: если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним [Быт. 4: 6-7]. Господствовать над грехом, т.е. оставаться человеком, личностью. Быть свободным по отношению ко злу означает отказаться от искусительного дискурса оправдания зла. А.И. Солженицын в знаменитой речи перед выпускниками Гарвардского университета еще в 1978 году сказал пророческие слова: «Запад наконец отстоял права человека, и даже с избытком, – но совсем поблекло сознание человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут – и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике»[8, с. 28]. Юридический эгоизм еще более усилился, стал всеохватным в эпоху социальных сетей, когда духовное стало виртуальным, т.е. «якобы» духовным.

Слово и составило юридическое поле с его юридическим эгоизмом, когда адвокат и культура, и цивилизация в одном и единственном лице. На этой почве вырастает не только трепетное отношение к закону, но и умение его обходить, превращая закон в «якобы» закон, когда цинизм и нигилизм на почве закона Кирсанова перерастает в фанатизм. Верный ленинец

Пятаков в разговоре с Н. Валентиновым в Париже откровенно заявил: «Если партия того требует, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами... если партия для ее побед, для осуществления ее целей – потребует белое считать черным – я это приму и сделаю это моим убеждением»[9, с. 20]. – Не в этом ли разгадка возрождающегося фашизма?! Именно слово становится источником не только дегуманизированного мировоззрения, но и дегуманизированного общества, если оно идет по цивилизационному пути прогресса, а не по пути строительства духовности, и опоры на культуру, как источника рождения слова Истины. Главная опасность ожидает нас тогда, когда порожденные словом эгоистического юридикзма и психологизма, цивилизационные усилия в области образования и лишенные культурной подпитки в области воспитания, первоклассники в ответ на назидательные слова призывающие к труду «Без труда не вынешь и рыбки из пруда» дружно ответят: Зачем нам труд и труд, если папа может нам рыбу купить?!

Проф. Валентин Катаонов размышляя о роли языка и этапах нашего развития написал: *«На праздник Троицы (Пятидесятницы) все христиане на церковной службе читают кондак:*

Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва; и согласно славим Всесвятаго Духа.

Вот перевод этой молитвы: *Когда Вышний, сошедши, смешал языки, то Он тем разделил народы; а когда подал огненные языки, Он призвал всех к единству (веры), и вот мы все единодушно прославляем Всесвятого Духа...*» Если мы не осознаем реальность филологической угрозы в связи с глобализацией, осуществляющейся исключительно в пространстве цивилизации и квазикультуры, то несомненно человечество придет к гибели. И в связи с этим нельзя не согласиться с выводом проф. Катаонова о том, что нам как можно скорее следует «... отвергнуть современный проект боготорческой глобализации. У нас, христиан, есть свой проект глобализации, который стартовал две тысячи лет назад. Именно об этой христианской глобализации поется в Тропаре по случаю праздника Святой Троицы:

Перевод:

Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче слава Тебе.

Благословен Ты, Христе Боже наш, явивший премудрых ловцов [человеков], ниспослав им Духа Святого, и через них привлекший всю вселенную, Человеколюбче, слава Тебе»[10].

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман // Библиотека Гумер : [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/
2. Толкования на Книгу Бытия // Введенский мужской ставропигиальный монастырь Оптиная Пустынь : [Электронный ресурс] – URL: <http://bible.optina.ru/old:gen:04:09>
3. Полякова Е.А. Цинизм как тенденция развития современных нравов: философско-этический анализ : дипломной работа / Елизавета Андреевна Полякова. – 2014 : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gyrnal.ru/library/ru/visshee/1/9/15/>.
4. Напомним, как мы много раз повторяем в своих работах, что по нашему мнению, *культура* – это пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с альтруизм-центром «мы», обслуживаемым цивилизацией и разворачивающийся в логике вечности. Пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с егоцентром – «я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с логикой истории, мы называем *цивилизацией*.
5. Подробнее об этом см.: Исаев В.Д. Virtus як екзистенція // Исаев В.Д., Лугученко Т.В., Журба М.А. Віртуальна занепадальсть людини культури: монографія. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2012. – С. 44-75.
6. Пушкин А.С. / Евгений Онегин // Александр Сергеевич Пушкин / Полн. собр. соч. в 10 т.т., Т.V. – Л., Наука, 1978. – 527 с.
7. Тургенев И. С. / Отцы и дети // Иван Сергеевич Тургенев / Полн. собр. соч. и писем в 30 т.т., Т.7. – М., Наука, 1987. С. 5-189.
8. Александр Солженицын / Солженицын А.И. / Самое драгоценное. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 г. // Слово. 1990., №4. С. 24-29.
9. Н. Валентинов. Разговор с Пятаковым в Париже // Слово. В мире книг. 1989. № 11. С.19-26.
10. Валенин Катасонов. Глобализация в истории человечества. Вавилон и Пятидесятница // [Электронный ресурс] – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/06/05/globalizaciya_v_istorii_chelovechestva_vavilon_i_pyatidesyatnica/&?commsort=back.

Isaev V.D., Ponomarev A.V. THE WORD AS A THREAT AND SECURITY OF THE INDIVIDUAL IN THE CIVILIZATIONAL AND CULTURAL SPACE

In the article, the method of analyzing dialectics of civilization and culture in modern society is considered as the formation of exclusively civilizational forms of communication deforms the person's personal qualities. On the basis of Kirsanov's law it is shown that only through the return to cultural space and orientation to Orthodox values it is possible to avoid threats and ensure the

safety of man and mankind, which is formed as modern philological metamorphoses of the civilizational and cultural space.

Key words: *transintention, labor, security, generation, philological threat, word, virtus, social networks.*

Исаев Владимир Данилович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Пономарев Александр Владимирович – протоиерей о. Александр, магистр-аналитик теологии, старший преподаватель кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, настоятель храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление» (г. Луганск).

УДК 130.2: 327

Муза Д.Е.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: ИДЕОЛОГИЯ КАК ОПОРА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Медведь не отдаст свою тайгу»
Президент Российской Федерации
В.В. Путин

В статье предложен вариант проблемы идеолого-аксиологического протекания проблемы безопасности в её цивилизационном формате. Такая интерпретация востребована на фоне институционального и ценностного кризисов, переживаемых западной цивилизации и её лидером – США. Она позволяет увидеть в нынешней политической прагматике России, Китая и иных не-западных цивилизаций фундаментальные моральными императивами действия. Их синергия – залог стабильности мировой системы.

Ключевые слова: *цивилизационная парадигма, кризис западной цивилизации, идеолого-аксиологический подход, русская цивилизационная альтернатива, идеология как залог стратегической безопасности.*

Сегодня проблема безопасности стала одной из центральных проблем в социально-политических и гуманитарных науках. Её

фактуальность задана мирополитической динамикой и нарастающей хаотизацией международных отношений. Последняя все чаще трактуется как имманентная функция миросистемы, деструктурирующая любые нормативно обеспеченные порядки существования акторов. В том числе те, которые организованы в модусах безопасности пост-ялтинско-потсдамско-хельсинских «шатаний» дискретного и взыскующего новой Вавилонской башни человечества.

Сама же эта хаотизация, её истоки, «формы» (риски, проблемы, угрозы, кризисы) и каналы развертывания осмысливается и оценивается в полидисциплинарном ключе, а именно, с точки зрения макросоциологии (Э. Гидденс, З. Бауман, Ч. Тилли, У. Бек, А.А. Зиновьев), политической теории (А. де Бенуа, М. Хардт, А. Негри, К. Коукер, Ф. Фукуяма, В.А. Никонов, А.С. Панарин, А.И. Фурсов), экономической теории (Ж. Аттали, Э. де Сото, Дж. Стиглиц, П. Кругман, С.Ю. Глазьев), культурологии (Ж. Бодрийяр, С. Жижек), теории международных отношений (Дж. Кьеца, Дж. Миршаймер, А. Пар, А.Д. Богатуров, А.В. Торкунов), социосинергетики (И. Пригожин, В.П. Бранский, Г.Г. Малинецкий), геополитики (Зб.Бжезинский, Р. Каплан, В.А. Дергачев, А.Г. Дугин, Л.Г. Ивашов). Причем, пока без общего концептуального знаменателя, который необходим в качестве основания построения архитектуры, как региональной, так и глобальной систем безопасности.

Причем этот конвенционально-связный результат также отсутствует в теории и практике международных отношений. К примеру, школа неореализма концентрирует свое внимание на безопасности государства, которая трактуется в виде процедур минимизации угроз сугубо военного, экономического, демографического, экологического, реже – информационного и иного характера. Неолиберальная парадигма исходит из постулата о том, что главный объект безопасности – гражданское общество и индивидуум. Радикализм (неомарксизм, неограмшизм) традиционно печется о классовой солидарности и гегемонии. Конструктивизм актуализирует тему идентичности, её защиты, плюс недопустимости бесконечных «битв за идентичность».

Однако понятно, что сверхсложный и взаимозависимый мир обречен на поиск формулы коллективной безопасности, беспрецедентной хотя бы потому, что западным институтам сегодня отказано в легитимности (имеется в виду «Демократии», «Капитализму», «Верховенству права» и «Гражданскому обществу») [1], а значит, актуальной способности воспроизводить адекватное самое мир-системную целостность. И дело здесь по-видимому состоит в неспособности идеологии либерализма (неолиберализма) обеспечить необходимыми смыслами и энергией

общества, возникшие и утвердившиеся в интерьере модерна, но при выходе за его пределы столкнувшиеся с множеством (им же порожденным) нерешаемых проблем.

Этот вопрос сегодня становится (как никогда ранее) актуальным в виду ориентации не-западных цивилизаций на предложенный Западом маршрут исторического развития, имеющего не только имманентные «механизмы» социокультурной динамики, и, что важно, процедуры самосохранения от деградации и распада. Но перенявшие его субъекты истории (Россия, Китай, Индия, исламская и латиноамериканская цивилизации) едва ли оказались готовы к подобным мутациям Запада, т.е. изменениям структуры и характера его социальности. Главным образом – за счет деградации «великой» либеральной идеи.

Проще – на повестке дня вопрос о безопасности цивилизационных систем, принявших либеральную («Великая Французская Революция») доминанту социокультурного творчества, доминанту, оказавшуюся весьма и весьма сомнительной.

Дабы понять и оценить это сдвиг, обратимся к классику неолиберализма – Ф. Фукуяме. В своей недавней работе – «Государственный порядок», (том 1-й), он вывел: «Хотя либеральная демократия сегодня может быть признана наиболее легитимной формой управления, ее легитимность зависит от стиля работы. А стиль работы в свою очередь зависит от способности соблюдать приемлемый баланс между вмешательством сильного государства, когда это требуется, и разнообразными формами индивидуальных свобод, которые являются основой демократической легитимности государства и способствуют развитию частного сектора» [2 а, с. 600]. В таком случае предлагаемая им парадигма политического развития связана с институциональной подотчетностью данного феномена.

Более того, как показывает его аналитика во втором томе, связь с рыночной экономики с политическими институтами оказывается непрочной, поскольку наметившийся в США «политический упадок», как раз и объясняется их ослаблением, но под воздействием интеллектуальной ригидности и укоренившейся во власти политической элиты [2 б, с. 522]. Насколько это предвосхищение правдоподобно, показали последние выборы в США и правление 45-го Президента страны – Д. Трампа, равно как и его флуктуирующий внешнеполитический курс.

В этой ситуации – для продолжения творчества русской цивилизации – необходима реабилитация идеолого-аксиологического подхода, связанного с целым рядом важных установок.

Вспомним, что еще в 1998 году А.С. Панарин, продумывая схему

«реванша Истории», т.е. воссоздания цивилизационного плюрализма и диалогизма, показал, что русская цивилизационная альтернатива должна опираться на: 1) *экологическую идею*, повышающую статус окружающего мира, приниженного модерном и превращенного им в простое средство; 2) *идею культурного многообразия мира*, которому модерн угрожает нивелировкой, достигшей крайней формы в образе массовой потребительской культуры; 3) нравственно-религиозный фундаментализм, на основе которого будет выстраиваться идентичность и безопасность России [3, с. 387-388].

При этом последний пункт видится наиболее важным, в силу того что в те (ельцинские годы) перед Россией и странами СНГ стояла дилемма: «либо найти способ преодоления безответственной потребительской морали, либо окончательно опуститься в пучину геополитического хаоса и скольжения в «третий мир» [там же, с. 358].

Слава Богу, проходя через нешуточные испытания 2008 / 2014 гг. и по сей день, Россия сумела сохранить свои геополитические цели, помноженные на ценностные предпочтения. По сути, находясь в «праведном одиночестве» в мировом цивилизационном процессе, но исполняя заповедь блаженства о «нищих духом» (А.С. Панарин). Отсюда – её реальная сила русской цивилизации, в сознании её «творческого меньшинства» и большинства присутствует идея тождества законов бытия и морального закона [4, с. 463]. Поэтому никакие экономические санкции, рекогносцировки НАТО у её границ, фигуры кибервойны, бесконечные провокации на постсоветском пространстве в виде «цветных революций» не имеют власти над нею.

Напротив, здесь вполне подтверждается гипотеза нашего выдающегося консерватора К.Н. Леонтьева. Для того чтобы встать на точку зрения «вышей, сверхчеловеческой логики истории», нужно вспомнить некоторый несамоочевидный принцип: «нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь глупых либеральностей...». В конце концов, всегда и везде «эти здания держатся прочно на отвлеченных принципах верований и вековых преданий» [5, с. 165] (выделено – К.Н., подчеркнуто мной – Д.М.), а не феноменов гражданского общества и правового государства, этих, якобы, абсолютов, а на самом деле «иероглифов разума» (Г.В.Ф. Гегель).

Собственно с опорой на отвлеченные принципы верований и вековых преданий русской государственно-церковной истории, на понимание общества как «духовного организма» (И.А. Ильин), можно и должно реабилитировать идеологию как залог стратегической цивилизационной безопасности. Последняя, – в виду диалогической

природы исторического процесса – порождается разнообразными инициативами России в отношении ШОС, БРИКС, Большого ближнего Востока, латиноамериканской и африканской цивилизаций [6]. В том числе, из-за этикоцентризма культурных кодов не-западных цивилизаций, не имеющих (как показывает опыт конца XX – начала XXI века) ничего общего с макиавеллистской парадигмой, как и её клонами – идеологемами неоконцов и демократов США и европейских либералов.

Но она, как альтернативный глобализации и глобализму всечеловеческий проект, открывает вполне морально-оправданную и приемлемую большинством человечества перспективу.

Литература

1. Фергюсон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Н. Фергюсон; пер. с англ. И. Кригера. М.: Изв-во АСТ: CORPUS, 2016. 192 с.

2.

а. Фукуяма Ф. Государственный порядок / Ф. Фукуяма [пер. с англ. В.Л. Гончарова]. М.: Издательство АСТ, 2015. 688 с.

б. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. К.М. Королева]. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.

3. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.

4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

5. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Общ. ред; сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 163-170.

6.

а. Муза Д.Е. РОССИЯ в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисловие С.Ю. Житенева; [Центр стратегической конъюнктуры] / Д.Е. Муза. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. 232 с.

б. Муза Д.Е. Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива / Предисловие Э.А. Попова; [Центр стратегической конъюнктуры] / Д.Е. Муза. М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. 240 с.

Muza D.E. RUSSIAN CIVILIZATION IN THE XXI CENTURY: IDEOLOGY AS A SUPPORT OF STRATEGIC SAFETY

The article suggests a variant of the problem of ideological and axiological reading of the security problem in its civilizational formation. Such an interpretation is in demand against the backdrop of institutional and value crises experienced by Western civilization and its leader, the US. It allows us to see in the current political pragmatics of Russia, China and other non-Western

civilizations, substantiated by moral imperatives. Their synergy is the guarantee of the stability of the world-system.

Key words: *The civilizational paradigm, the crisis of Western civilization, the ideological-axiological approach, the Russian civilizational alternative, ideology as a guarantee of strategic security.*

Муза Дмитрий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент КАН, начальник научного отдела Донецкого педагогического института (г. Донецк).

УДК 130.2

Липич Т.И.

ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

В статье рассматривается одна из актуальных проблем анализа понятия патриотизма в русской философской и религиозной мысли, его важнейшие функции, которые он выполняет в обществе. Особое внимание уделяется мировоззренческой, методологической, аксиологической и воспитательной функциям. Автор проводит идею о том, что патриотизм выступает национальной чертой характера русского народа и особенностью становления русской государственности.

Ключевые слова: *патриотизм, национальная идея, патриотический идеал, культура, философия, православие, духовные ценности, государственность.*

Одной из самых актуальных проблем в духовной жизни современного российского общества является проблема патриотизма. Президент РФ Владимир Путин в ряде своих последних речей отмечал, что для России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. «Это и есть национальная идея», – заявил глава государства.

Известно, Россия вовлекается в международные интеграционные процессы, прежде всего, процессы глобализации. Это не может не сказаться и на духовно-нравственных ориентирах общества, когда идет борьба не на шутку между западными либеральными ценностями и традиционными ценностями, имеющими доминирующее значение в нашей стране. Поэтому мы должны понимать, какую важную созидательную роль

в этих процессах может сыграть патриотизм. В связи с этим, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своих выступлениях отмечал, что патриотизм – это способ выживания, способ формирования общности, которая называется народом. И мы должны всячески поддерживать любовь к своей стране, к своему Отечеству, к фундаментальным ценностям своего народа, считает Патриарх.

Проблемы патриотизма в отечественной философской и религиозной мысли рассматривались многими известными мыслителями XVIII-XX веков. Это и М. Ломоносов, и П.Я. Чаадаев, и митрополит Филарет (Дроздов), и митрополит Макарий (Булгаков), а также А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев и др. Все они по-разному трактовали этот явление, вкладывая разные смыслы в его понимание. Но все они исходили из того, что патриотизм является важнейшей традиционной ценностью христианского мировоззрения, проявляющийся в возвышенном чувстве любви к Родине, неутомимом труде на благо своей Отчизны. Об этом же писали в своих художественных и поэтических произведениях представители русской литературы А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.

Поэтому «патриотизм» всегда имел позитивный смысл в русской философии и культуре. Д.С. Лихачев писал: «Патриотизм – благороднейшее из чувств. Это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимается над самим собой, ставя себе сверхличные цели» [1, с. 468]

Патриотизм выступает как своеобразный сплав духовности, гражданственности и социальной активности, как личности, так и всего народа, ориентирующихся в своей деятельности на благо Отечества и безопасность Родины. Он выполняет в обществе мировоззренческую, методологическую, аксиологическую и воспитательную функции. В рамках осуществления этих функций патриотизм предстает своеобразным способом выживания и сохранения целого народа и нации. Многие исследователи придерживаются идеи о том, что патриотизм выступает национальной чертой характера русского народа и особенностью становления русской государственности. Это отражено в древнерусских памятниках литературы, например, «Слово о полку Игореве», «О законе и благодати» Иллариона, и др. В этих поверьях, сказаниях, легендах патриотизм рассматривается в рамках создания русского государства на основе православия.

Постепенно формируется патриотический идеал, своеобразно проявляющийся то в понятии «Святая Русь», то в идее и «Третий Рим» – «Москва – III Рим», то в патриотических устремлениях защитников

Отечества в отечественной войне 1812, декабристов, славянофилов, которые развивали обоснование своеобразного пути русской цивилизации и т.д.

Например, П.Я. Чаадаев был объявлен «сумасшедшим» за выражение в своих «Философических письмах» патриотизма, выраженного в объективной и трезвой оценке прошлого, настоящего и будущего России, не умаляя ее национального достоинства. А В.Г. Белинский в своей критике выступал как истинный патриот. Он писал: «Подлинный патриотизм не в том, чтобы громче других говорить о любви и ревности ко всему отечественному, а в том, чтобы, доказав на деле, получить имя патриотов за свои заслуги от общества в истории, как получили его Минин и Пожарский, Сусанин и другие» [2, с. 374] Полными патриотическими устремлений являются философские размышления В.С. Соловьева о русской идее, или Ф.М. Достоевского об исторической миссии России.

В творческом наследии И.А. Ильина патриотизм выступает как «творческий акт духовного самоопределения» [3, с. 172] как любовь к Родине. Он писал, что дух народа создается в страдании, труде, вдохновении. В этом образуется национальный духовный уклад жизни, отмечал он.

С аксиологической точки зрения, патриотизм рассматривается некоторыми исследователями в тесной связи с духовными ценностями личности и общества (А.Г. Здравомыслов, Л.П. Буева, М.С. Каган и др.). По их мнению, личность, включенная в определенную систему ценностей, доминирующих в обществе, становится патриотически-ориентированной согласно этим ценностям. Когда человек осознает и переживает чувство патриотизма через призму культурных миров, значений, смыслов, тогда появляются произведения художественного и духовно-религиозного творчества.

Поэтому патриотизм, обладая священными, возвышенными характеристиками, поднимает человека над обыденностью повседневности, делая его одухотворенным. Это же происходит, когда мы рассматриваем патриотизм через призму социума, в котором вырабатывается патриотический идеал, реализуемый через национальную идею.

А.Ф. Лосев отмечал, что патриотизм может выступать абсолютной ценностью. На этом основании патриотизм может выступать важнейшим связующим звеном, или своеобразной «скрепой», межнациональных и межэтнических отношений в условиях кризиса массового сознания и международных отношений. В этих условиях начинает формироваться патриотизм российского общества как новое социокультурное духовно-нравственное явление.

Вырабатываются новые модели поведения с учетом интересов различных общностей, выражающиеся в групповой солидарности. Формируется новая национальная идентификация в диалоге «Мы» – «Они», т.е. соотнесения себя с другим. Поэтому патриотическая идентичность помогает осознать себя национальной общностью, которая в процессе идентификации помещается в особую систему общественно-временных взаимодействий. То место, где проживает нация, может приобретать особенное значение. Так, например, Чудское озеро, Куликово поле, Бородино, Прохоровское поле и т.д.

В последние два-три года такой сакральный смысл для русской нации приобретает Крым, присоединение которого стало для всех русских людей объединяющим началом, поддержка борьбы ДНР и ЛНР с карательными батальонами и существующей ныне властью в Украине. Помимо территориальных характеристик самоидентификации нации важнейшую роль играет религиозный компонент, который весьма важен для формирования патриотической идентичности. На протяжении более чем тысячи лет понятия «русский» и «православный» являлись почти синонимами. Интерес к истории Русской Церкви проявляли как светские исследователи (Татищев, Щербатов и Болтин), так и представители духовенства. Уже в 1805 г. Митрополит Платон издает двухтомную «Краткую Российскую Церковную Историю», а Пресвященный Евгений Болховитинов (впоследствии Киевский митрополит), собирал, разыскивал и упорядочивал открывающиеся источники и материалы. Но к середине XIX века сложилась такая ситуация, когда потребности и интересы церковно-исторической науки соединились с интересами всего русского общества, обратившего на свою историю пристальное внимание.

В 1847-1848 гг. архиепископ Филарет (Гумилевский) издает «Историю Русской Церкви», в которой прослеживается путь Русской Церкви, вплоть до 1825г. Но и этот труд был достаточно критично принят современниками, т.к. каждый период им рассматривался достаточно единообразно, что вело к разрушению цельности российской истории.

Начиная с 1845 г. Митрополит Макарий (Булгаков), уроженец Святого Белгородорья, с любовью к отеческой истории начинает публикацию своих трудов. Все общество приняло этого выдающегося патриота, историка и богослова, заботившегося о своей Родине, чье 200-летие отметила вся православная общественность в 2016 году. Еще, будучи юношей, он для себя решил, что будет заботиться о святой истине. И всей своей жизнью он этот принцип исповедовал, совершая ежедневный подвиг в написании своего видения истории Русской Церкви. В этом своем главном труде он проводит идею святой веры, которая объединяла

различные народы. Эту идею подтверждает его высказывание: «Русскую Церковь Первозванный только издала благословил в духе пророческом, утвердивши на горах киевских Святой Крест – её незаблемую опору. И если сей Апостол может быть назван основателем её, то разве только основателем посредственным, именно потому, что он же даровал первого архипастыря (Стахия) Византии, от которого начался непрерывный преемственный ряд иерархов Цареградских, и потом в определенное Богом время начался непрерывный ряд и наших иерархов, продолжающийся донныне. А с другой стороны – потому, что в состав настоящей Русской Церкви мало-помалу вошли, заметно и незаметно, все те небольшие частные Церкви, какие основаны были святым апостолом Андреем в южных пределах нашего Отечества, и из которых, некоторые, по всей вероятности, как далее увидим, едва ли не непрерывно существовали со времени этого апостола».[4, с. 89] Митрополит Макарий считал, что Русь и Русская Церковь были особо отмечены Господом. В этом весь пафос, патриотизм, глубокая вера в высокое предназначение Русской Церкви и русского народа.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что патриотизм является высочайшей духовной ценностью, это одно из необходимых условий существования народа: если исчезает это чувство, то исчезает и народ, и государство с лица истории. Наш патриотизм не носит характер этнический, а является государственным, несущим в себе идею социальной справедливости.

Литература

1. Лихачев Д.С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2, С. 468.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13т. М., 1954, Т. VI. С. 374.
3. Ильин И.А. Собр. соч. В 4 т.: М.: Русская Книга, 1993. Т 1. С. 172.
4. Макарий, архиепископ Харьковский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви. 2-е исправл. издание, СПб., 1868. С.89

Lipich T.I. THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

The article discusses one of the important problems of analysis of the concept “patriotism” in Russian philosophical and religious thought, its basic functions that it performs in society. Special attention is given to philosophical, methodological, axiological and educational functions. The author holds the idea that patriotism is a national trait of the Russian people and the peculiarity of the formation of Russian statehood.

Key words: patriotism, national idea, the Patriotic ideal, culture, philosophy, Christianity, spiritual values, statehood right

Липич Тамара Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

УДК 316.485.26

Яковенко А.В.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВО СТРАХА

«Человек сознателен ровно настолько,
насколько не скрывает от себя своего страха»
А.Камю

В публикации дается оценка взаимообусловленности категорий «безопасность» и «страх». Рассматриваются факторы усиления социальной атмосферы страхов и констатируется эволюционирование от «общества риска» (У.Бек) непосредственно к «обществу страха». На примере перехода из стадии страхов перед оружием массового поражения к страхам от предполагаемых последствий кибервойн обосновывается отчетливая интериоризация проблемы безопасности и страха на очередном витке эволюции человечества.

Ключевые слова: общество, безопасность, страх, оружие массового поражения, кибервойна.

«Безопасность» и «страх» понятия взаимообуславливающие друг друга. Только тогда, когда мы чувствуем себя «без опасности», можно говорить о нивелировке чувства страха (сознательно не рассматриваем здесь экзистенциальный, «немотивированный» и подобные им по сути своей страхи). Стремление, потребность обезопасить и обезопаситься порождается страхами. Перманентно перетекая из одной социальной системы в другую, модифицируясь и преображаясь, данная неразрывная связка достигла едва ли не апогея противоречивости и проблемности в современных условиях, аккумулируя значительное внимание практически всех авторитетных специалистов в самых разных областях гуманитарного и естественно-научного знания. Речь давно уже идет о своеобразных

тотальных фобиях. Ни одна государственная система, ни одна мыслящая и не прячущаяся в круговорот обыденности личность не считает себя в «безопасности». Да и тем, кто лишен или утратил способность к рефлексии в повседневной жизни, приходится сталкиваться, либо с информационным давлением, навязывающим сюжеты уязвимости безопасности, либо непосредственно попадать в ситуации, вызывающие ощущение ее (безопасности) отсутствия, а, следовательно, испытывать страх (страхи).

В этом ключе актуальность рассмотрения данной темы определяется, как масштабностью, а нередко и гиперболизированной заикленностью на проблемах безопасности, так и фокусированной силой влияния фактора «небезопасности» на инициирование страхов, создание соответствующей общественной атмосферы и атрибутивностей социального порядка.

Перечисление только лишь знаковых авторов по тематике, связанной с вопросами безопасности, заняло бы, пожалуй, значительное место, равно как и обращение исключительно к классическим философским, социологическим, религиозическим, психологическим, культурологическим разработкам, детально рассматривающим значение и место страха для индивида и общества. Организаторы международного исследовательского проекта «Катастрофическое сознание в современном мире» справедливо подчеркивали: «Страх вообще, и страх перед катастрофами, в частности, был фундаментальным аспектом человеческого опыта, начиная с древности. Неудивительно, что религия и философия, т.е. те сферы человеческой культуры, где осмыслиется проблема смысла жизни, уделяют такое огромное внимание чувству страха. Почти все религии включают концепцию зла, которое существует как постоянная угроза людям» [1]. Один из наиболее удачных обзоров социальных страхов в контекстах близких исследуемой проблематике был в свое время представлен в популярной работе С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [2]. Как известно, автор в один из драматических периодов постсоветской истории рассматривал социально-философские оценки страхов, логику перехода к страхам эпохи Просвещения, специфику страхов в восточно- и западнохристианской традиции с учетом их прикладного использования в политтехнологическом ключе, отстаивая точку зрения об отсутствии значительных предпосылок для экзистенциального страха в православии, а также приводил многочисленные примеры культивирования иррациональных и маниакальных страхов, создающих специфическое отношение западного обывателя к СССР, а затем и РФ. Из заметных в последнее время работ можно, например, отметить книгу швейцарского автора Петера Утца (Peter

Utz) «Культивирование катастрофы. Литературно-эсхатологические сценарии из Швейцарии» [3]. Обращение к ней примечательно, прежде всего, анализом страхов в государстве, которое по общежитейским меркам воспринимается как одно из наиболее благополучных, достаточно безопасных, умеющего к тому же на протяжении многих десятилетий получать бонусы от сохранения международного порядка в режиме перманентных конфликтов и воспроизводства страхов. Что же касается непосредственно социологической науки, то полномасштабные и многоплановые исследования по данной теме в СССР стали проводиться ВЦИОМом с 1989 года. В настоящее время социологи указывают уже на необходимость детального изучения практик адаптации к страхам (см., в частности, С. Кравченко «Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии») [4].

Обилие добротных, весомых по объему и по содержанию произведений, замеров общественного мнения не снимает с повестки дня, как минимум, два фундаментальных вопроса. Во-первых, способно ли вообще наличествовать, не говоря уже о том, чтобы деятельно функционировать, общество с минимизацией индивидуальных и социальных страхов. С данным вопросом тесно связан и следующий: может ли оно (общество) существенным образом нивелировать и, если ответ утвердительный, то насколько, проблему безопасности, как органично связанную с качеством и структурой людских страхов и порождаемых ими фобий. Поэтому цель публикации целесообразно сформулировать следующим образом: рассмотреть аргументы и определить логику перехода проблем безопасности и страха из внешне социальных контекстов вновь на личностный уровень.

Известная нам общественная система, в которой сформировалась считываемая с нынешнего уровня исторических знаний человеческая культура, сконфигурирована страхами. Ее наивысшие достижения во многом, если не сказать повсеместно, инициированы ими (прежде всего страхами, связанными с конечностью существования), изобилуя примерами попыток их преодоления. Бесстрашие в духовных поисках и поступках, действия наперекор страхам – физическим и общественным – платформа всех великих подвижников. До сих пор среди самых известных людей планеты доминируют, или великие святые, или фигуры, порождавшие «страх и трепет» в душах тех, кем они управляли, да и не только своих подданных. Страхи рожают смыслы, страхи довлеют над ценностями, страхи определяют меру предательства, формируют характеры и определяют судьбы. Безопасность же – социальный «зонтик», своеобразный первый «общественный договор» для продолжения

существования рода в его различных историко-культурных видах и интерпретациях, якобы наперекор страхам.

Пожалуй, бессмысленно в очередной раз дифференцировать, упорядочивать страхи, создавать новые или повторять прежние классификации. Весь пласт интеллектуальных метаний человечества по-прежнему находится в тисках двух ключевых альтернативных концепций. С одной стороны, преобладает скепсис относительно способностей и возможностей человека, и человечества существовать в каком-либо ином режиме, нежели «страх-безопасность». С другой стороны, представления о совершенном мире будь-то после Страшного Суда или торжества гуманного социального проекта, то ли в его коммунистической, анархо-синдикалистской либо же иных светских интерпретациях предполагают снижение значения, если вообще не избавление людского сообщества от страхов. Впрочем, ныне идеологически доминирующий рефрен демократического общества во главу угла также ставит перспективу «расширяющейся свободы», постоянного совершенствования условий, которые казалось бы должны создавать платформы для смягчения давления страхов и вызываемых ими фобий на общественные отношения. По исторической иронии ситуация, в которой пребывает в настоящее время глобальный социум, напротив, характеризуется отнюдь не уменьшением, а, как представляется, постоянным увеличением энергии и пространства страха, а значит и возрастающей актуализацией потребности в безопасности. Мало того, непосредственно сама сфера безопасности становится почвой для расширения страхов, доводя ситуации до крайности, когда кумулятивный эффект от массы страхов становится непосредственной угрозой безопасности на локальных и даже глобальном уровнях.

Для внимательных наблюдателей, очевидно, что система предсказуемо и дозировано контролируемых страхов и удержания сложных балансов безопасности постоянно дает сбой.

Причины также давно визуализированы. Лишь конспективно выделим следующие:

- расширение числа политэкономических субъектов, претендующих на самостоятельную роль и значимые статусы в международной политике. Полицентризм, во-первых, предъявляет повышенные требования к каждому из форпостов геоэкономики и геополитики, во-вторых, несколько размывает привычные, традиционно-полярные «лобовые» страхи, в-третьих, усиливает процессы «трайбализации» или, менее жестко выражаясь, «глокализации» страхов, что, в свою очередь, создает зоны напряженности, которые необходимо держать под постоянным

многосубъектным контролем, практики которого детально не отработаны;

- технологические инновации, способные устранить целые зоны привычных страхов (например, голод), и, одновременно, порождающие очередной виток страхов от их широкого, повсеместного внедрения. Так называемая техносфера своими достижениями и динамикой их массового освоения инициирует в общественной среде некогда экзотические, но в последнее время становящиеся все более популярными и широко тиражируемыми страхи, например, попадание в подчинение от «продукта продуктов» инноваций – субстрат искусственного интеллекта;

- биотехнологии, как особая часть новаторских разработок, предопределяющие контуры радикальных преобразований. Создавая почву для самых смелых надежд на реальность достижения бессмертия (независимо от того, осуществимы они в конечном итоге или нет), в социальном информационном пространстве появляется почва ожидания об аннулировании главного основания страха, обеспечивающего всю инфраструктуру безопасности. В данной связи можно даже констатировать страх перед социумом, способным избавиться от страха физической (!) смерти. Парадоксальным образом приближение биологических разработок к реализации мечтаний людей о едва ли не «вечной» жизни сопровождаются процессами, ставящими под угрозу вообще пребывание человека как биологической особи на планете. Предвкушение триумфа интеллекта в наиболее остром фундаментальном основании, порождающем страх, сопровождается созданием едва ли не тотально-фатального комплекса рисков, делающим реальным вариант самоаннигиляции людской цивилизации, или же, как минимум, откат на целый ряд позиций материального и культурного развития;

- увеличение объема знаний о существовании «предшествующих цивилизаций» и их гибели, несмотря на предполагаемые высокие уровни развитости. И хотя данная тема продолжает пребывать в маргинальном состоянии, будучи изрядно мистифицированной, тем не менее, все большее число ученых высказывают опасения относительно возможности исчезновения нынешней формы организованной социальной материи, апеллируя к прецедентам неких погибших протоцивилизаций. Исторические знания также становятся инструментом нагнетания страхов посредством механизмов широко тиражируемого информационного предупреждения. Страхи будущего дополняются страхами о трагическом прошлом, проецируемым в перспективу.

Все это не устраняет, а в целом ряде аспектов, понятное дело, лишь обостряет значимость вопроса о внутренней безопасности человеческой души. Глобальный мир по содержательной сути своей никуда не

продвинулся. Мы переживаем очередной виток бесконечного кризиса, в период которого, как это неоднократно происходило, единицы апеллируют к моральности и ответственности, а остальные действуют в зависимости от обстоятельств, встраивая все, включая и общественные требования по соблюдению моральных норм, в логику индивидуальных прагматичных интересов.

Парадигмальные рамки социума остаются неизменными. Любая технология продолжает нести качество пресловутого «двойного назначения», лишь увеличивая уровни и степени страха от ее применения. Таким образом, складывается, развивается не только «общество риска» (У.Бек), но уже и своеобразное «общество страха». К слову, в рамках указанного международного исследования «Катастрофическое сознание в современном мире» число параметров, по которым оценивались страхи респондентов, составляло более сорока (!), включая, например, «захват Земли инопланетянами» и «Конец света» [1]. Последние замеры страхов тот же ВЦИОМ проводит по 9 признакам [5].

В самом существовании атмосферы страха, конечно же, нет ничего нового. Тысячелетняя религиозная эсхатология лишь дополняется свежими светскими прогнозами апокалипсического характера. Однако, если еще в прошлом веке ресурс социального оптимизма имел солидную идеологическую, политическую, доктринальную и даже материальную подпитку, то в настоящий момент он в значительной мере обескровлен. Сложностей, дополнительного катастрофизма ситуации прибавляет тот факт, что больше не на кого направить «иллюзию освобождения». Официально наиболее развитые в экономическом отношении общества «освободились» практически от любых возможных внешних диктатов, выход за пределы которых, как обещалось, сулил наступление эры подлинного развития человечества. Секуляризация, классовое, расовое, национальное, гендерное и практически все мыслимые и даже порою немислимые виды равенства никак не прочертили путь не то, что к «светлому», даже «сумеречному» будущему.

На передний план вновь выходит страх «саморазоблачения». Ведь необходимо признание элементарного, а именно того, что корень противоречий, детерминирующих древо проблем безопасности, по-прежнему скрыт в каждом из нас, независимо от принадлежности к той или иной номинальной социальной группе. Возможно, именно это многократно усугубляет страх, усиливая ощущение отсутствия безопасности. Поскольку, каждый, из сохраняющих самосознание, понимает собственную внутреннюю уязвимость, которую, конечно, можно попытаться переадресовать во вне, формируя целые сонмы врагов. Но даже шаблонные

и давно уже небезопасные по своим последствиям игры в «плохих» и «хороших» парней выглядят все менее убедительными.

Наиболее отчетливо это проявилось после вступления человечества в эру гарантированного взаимоуничтожения. С момента появления оружия массового поражения (ОМП) проблема качества страха и представлений о безопасности, а также, что более важно – о моральности/аморальности социума – перешла на ступень непосредственной детерминации рукотворно создаваемого вселенского апокалипсиса. Мировое сообщество, благодаря возникновению прямой и осязаемой угрозы исчезновения, как показывает практика, не стало нравственнее. Однако было вынуждено прочувствовать некие пределы осуществления привычных и далеких от высоких морально-нравственных принципов реализации экономико-политических и военно-стратегических интересов. Как известно, создание ядерного паритета в немалой степени было обусловлено сложным моральным выбором его разработчиков, ряд из которых полагал целесообразным формирование системы баланса сил. Просуществовав без малого семьдесят лет в условиях взаимного сдерживания, мир за последнее время активно втянулся в иную композицию тотального противоборства, потенциально еще более опасную, нежели ядерное противостояние, а именно, – кибервойну[6], породив характерные для нее страхи и требования безопасности, которые продолжают лишь увеличиваться и модифицироваться. Это хорошо наблюдать по литературе, посвященной информационным войнам, когда форсированное развитие интернет-технологий приводит к устареванию прежних и появлению иных угроз и соответственно страхов [7]. Ее (кибервойны) потенциала уже хватает для создания принципиально иных реальностей, включая и предполагаемый театр привычных боевых действий. Именно в этой сфере уже сформировался очередной клубок морально-нравственных противоречий опять-таки сугубо индивидуального плана, неразрешенность которых предсказуемо порождает страхи. Актуальность темы безопасности обостряется, поскольку в отличие от ядерного, никакой «киберпаритет» невозможен. Производство традиционных видов ОМП требует колоссальной концентрации сил и средств, разнообразной кооперации, а в режимах кибератак может быть задействовано минимально-оптимальное число людей, в «идеале» даже автономный субъект. Т.е. вопрос о моральной ответственности за глобальный социум сингулируется до отдельного индивида, способного по голливудским лекалам, поставить под угрозу безопасность всего человечества. Эволюционный цикл по сути своей вновь замыкается. В том смысле, что, возникнув однажды, как этическая проблема смягчения жестких условий взаимоотношений в

столкновении личностных, родовых, а затем и сложнофункциональных интересов социальных институтов, мы возвращаемся в главную единицу социума – персоналию. И с вынужденностью констатируем: на сегодняшний день никаких практических эффективных методов, подходов и средств для воспроизводства повсеместной индивидуальной, общественно ответственной морали не существует. Мало того, нередко амбициозные проявления талантов киберпреступников выступают реакциями на едва ли не тотальную социальную аморальность. Выходы из опасной эскалации киберугроз пока традиционно видятся в создании еще более эффективной, нежели средства нападения, технологий защиты. Взаимообуславливающий круг «страх»-«безопасность»-«новый страх» не разрывается, лишь увеличивая площадь.

Выводы. Понятия «страх» и «безопасность» самым неразрывным образом связаны друг с другом. Вся история человечества пронизана этим взаимодействием, сформировав привычные культурные пласты и системы социальных взаимоотношений.

Считается, что мы вплотную подошли к некому неизведанному обществу будущего, базирующемуся на доминирующей автоматизации и компьютеризации, полному отсутствию приватности, господству биотехнологий, включая и возможности значительного продления привычного цикла существования. Реальность же такова, что, во-первых, в значительной степени не подошли, а уже вошли в новую социальную действительность, испугавшись самих себя в созданной технологической макрообшности, прекрасно зная индивидуальную и коллективную моральную немощь, а, во-вторых, перешагнув за границы привычных форм социальной организации, даже не прорисовали неконфликтных сценариев сосуществования в данном мировом сверхкиберсообществе.

Интересно, хотя, видимо, очень небезопасно, будет понаблюдать за тем, окажет ли очередная угроза взаимоуничтожения какое-либо очищающее воздействие на общественные институты, на критическую численность управленческого класса, подтолкнув их к целесообразности договориться о принципах, платформах именно безопасного морального взаимодействия. Осуществлению подобного рода перспективы противоречит практически весь имеющийся исторический опыт. Страх отказать от тысячелетних привычек может оказаться сильнее страха самоуничтожения...

Литература

1. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова) [Электронный ресурс] / В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов.

URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/index.php. (дата обращения 10.05.2017)

2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. К.: Оріяни, 2000. 448 с.
3. Utz P. Kultivierung der Katastrophe. Literarische Untergangsszenarien aus der Schweiz. – Fink (wilhelm). 2013.
4. Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 3-13
5. Карта страхов россиян: страх отступает? Пресс-выпуск № 3296 ВЦИОМа. : [Электронный ресурс] – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116046> (дата обращения 10.05.2017)
6. Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространстве: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн.: Харвест, 2004. 448 с.
7. Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн / С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов. М.: Академический Проект, 2007. 382 с.

Yakovenko A.V. THE PROBLEM OF SECURITY AND THE SOCIETY OF FEAR

The publication evaluates the interdependence of the categories «security» and «fear». The author considers the factors of strengthening of social atmosphere of fears, and states the evolution from the «society of risk» (W. Beck) directly to the «society of fear». On the example of the transition from the stage of fear of weapons of mass destruction to fear of the alleged consequences of cyberwar, a clear internalization of the problem of security and fear at the next round of the evolution of mankind is substantiated.

Key words: *society, security, fear, weapons of mass destruction, cyberwar.*

Яковенко Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Ильченко В.И., Токмачёва М.А.

**ПИСЬМА К.Д. УШИНСКОГО О ВОСПИТАНИИ
НАСЛЕДНИКА РУССКОГО ПРЕСТОЛА:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ**

***(священное и мирское в служении царя –
помазанника божьего)***

Данная статья представляет собой попытку проанализировать «Письма о воспитании наследника русского престола» К.Д. Ушинского, исследуя два аспекта подготовки будущего монарха к служению: светский и духовный и их соотношение. Рассматриваются основные педагогические идеи, предложенные К.Д. Ушинским, как необходимые для формирования целостной личности будущего Царя-Помазанника для исполнения эффективного священного и мирского служения.

Ключевые слова: *Ушинский, педагогика, воспитание, наследник престола, Помазанник Божий, священное, мирское, монархия.*

На смену советскому образованию с его марксистско-ленинским идеологическим основанием пришла новая педагогическая модель, которая повлекла за собой обращение к родоначальникам русской педагогики с целью переосмысления, анализа и конкретизации научной мысли прогрессивных просветителей XIX века, ярчайшим представителем которых является К.Д. Ушинский.

Одним из до конца не познанных и не понятых трудов создателя русской педагогики, требующего более глубокого изучения, являются четыре его письма о воспитании наследника русского престола. Впервые «Письма» были опубликованы А.Н. Острогорским в «Собрании неизданных сочинений К.Д. Ушинского» в 1908 году. Достоверные обстоятельства написания писем ещё не выяснены до конца. Наибольшую загадку представляет собой второе письмо, из текста которого видно, что его основная часть отсутствует, что составляет для этого документа огромный ущерб, поскольку именно в этом письме К.Д. Ушинский предположительно говорил о духовном воспитании наследника русского престола.

«Письма» являются важным материалом не только для понимания

педагогических, политических и религиозных взглядов К.Д. Ушинского в деле воспитания русского правителя, но и осознания высоты и ответственности той духовной миссии, которая возложена на монарха, как Помазанника Божьего.

Необходимо отметить, что большая часть научных исследований советского периода, посвященных педагогической деятельности К.Д. Ушинского, давала одностороннюю, предвзятую, не выходящую за рамки коммунистической идеологии оценку. Воззрения педагога рассматривались как материалистически ориентированные, основанные на рационализме и свободомыслии. При этом оставались без внимания, критиковались либо искажались духовно-нравственные и христианские ценности, занимающие первостепенное место в трудах мыслителя.

С 90-х годов XX столетия, когда начинается научное переосмысление христианских мотивов в педагогике, об К.Д. Ушинском, как о выразителе православных идей, заявляют В.Я. Василевская, В.М. Меньшиков, В.И. Ильченко, К.В. Деревянко, С.В. Шевчук, С.Ю. Дивногорцева и др. Несмотря на значительное количество монографий и диссертаций, посвященных К.Д. Ушинскому, его педагогическая система, по мнению Д.О. Лордкипанидзе, «еще не изучена во всём её величии» [7, с. 11]. «Непознанным Ушинским» именуют мыслителя В.И. Ильченко и К.В. Деревянко, подчёркивая научно-христианский характер его педагогики [9, с. 20]. С.Ю. Дивногорцева называет Константина Дмитриевича основателем нового научного направления, соединившего русскую православную культуру с просвещением [3, с. 102-110].

Именно с позиции христианской антропологии и обряда таинства Венчания и Помазания на царство важно рассмотреть взгляд К.Д. Ушинского на воспитание монарха, как на правителя русской нации и государства. И одновременно важны мысли Ушинского о светском воспитании будущего монарха.

Цель исследования: системно проанализировать содержание «Писем» К.Д. Ушинского с целью выяснения соотношения светского и духовного воспитания наследника русского престола при подготовке его к таинству Венчания и Помазания на царство, как духовного основания для будущего служения в статусе монарха.

Ход эпохальных событий зависит, как известно, от различных факторов, среди которых, пожалуй, наибольшую значимость имеет человек, вступивший в контакт с историей. Его роль в истории приобретает особую весомость, если этот человек наделен властью, поскольку от его компетентности и убеждений зависит судьба целого народа и страны.

Лишь незначительная группа современных исследователей, занимающихся педагогикой лидерства, задается вопросом о воспитании религиозно-идеологических взглядов будущих руководителей высших государственных и общественных структур. Допустимо ли вообще воспитание правителя без мировоззренческо-идеологических и духовно-религиозных основ того народа, которым он будет править?

К.Д. Ушинский попытался обосновать социально-политическую и педагогическую установку воспитания наследника, отдавая себе отчет в чрезвычайной сложности и значимости этого дела и сравнивая его с «самыми высокими государственными делами и реформами» [18, с. 573].

По мнению историков (М.Л. Песковецкий, В.Я. Струминский) «Письма» были написаны предположительно в 1859 году по личной просьбе императрицы Марии Александровны Романовой и адресованы ей же. В воспоминаниях педагога читаем: «В первый раз в жизни моей дала мне судьба возможность высказать истину в такой высокой сфере, где слово может всегда сделаться делом, неужели я позволил бы какому-нибудь эгоистическому расчету управлять моей речью?» [18, с. 603].

«Дело воспитания такое важное и такое святое, именно святое дело, такое решительное и непоправимое, что рука всякого истинно русского человека, прикасаясь к нему, невольно задрожит. Здесь сеются семена благоденствия и несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей Родины» [18, с. 574], – так начинает своё напутствие педагог, с первых строк послания задавая тон беспримерной ответственности и историчности данного наставления.

В «Письмах» К.Д. Ушинский указывает на особенности образования и воспитания будущего руководителя государством в юношескую пору, когда происходит непостижимое преобразование его мировоззрения, а послушание родителям и воспитателям сменяется жаждой независимости, когда стремительные умственные процессы требуют не столько сухих научных фактов, сколько духовной пищи: «идеи, чувства, одушевления» [18, с. 575]. Перед наследником стоит непростая задача – добиться духовно-культурологической связи с нацией, слившись с нею в традициях, культуре, языке и вере, быть для своих подданных образцом религиозной сознательности, но «лишь при условии, чтобы, стоя впереди, он находился, однако, на той же самой почве» [16, с. 453]. Эта мистическая комплементарность царя и народа на Руси возникла после того, как князь Владимир, первым приняв крещение, крестил затем и народ Киевской Руси, духовно породнившись с ним через святую Днепровскую купель. Во времена Ушинского необходимо было уже подрастающего монарха духовно возвышать и сопрягать с уже воцерковленным народом для их

обоюдного и синергийного взаимосоответствия. Ведь «требуя от подданных бескорыстного служения Отечеству, монарх должен подать собой пример такого служения, тогда только требование его найдет отголосок в сердцах подданных» [18, с. 594].

А это значит – руководить и управлять православным народом и страной по той весте, которую Господь, вкладывает в сердце монарха. Божья Истина может являться в виде интуиции, инсайда, прозрения в знаково-символической и смысловой форме. Но расшифровать содержание этой формы и принять единственно правильное решение возможно только при глубоком воцерковлении монарха, через очищение души покаянием, приобщением Святых Христовых Таин и последующим финальным и кульминационным таинством Венчания и Помазания на Царство, которые знаменуют ниспослание Святого Духа для выполнения миссии, превосходящей человеческие силы. Чтобы точно и правильно перевести значение невербального и метафизического, знаково-символического и смыслового посыла необходимо светское образование высокого уровня, которое поможет перевести этот посыл в логический дискурс в виде государственных указов, реляций, постановлений.

В «Письмах о воспитании наследника русского престола» К.Д. Ушинский пытается обосновать те условия, которые необходимо создать для формирования целостной личности будущего государя, верховного правителя России и покровителя всех христиан, в руках которого находилась духовная и светская власть. Проанализируем наиболее принципиальные из них.

1. Приоритет духовного развития

Предвестником активной педагогической деятельности К.Д. Ушинского, кроме зарубежной литературы о воспитании, стала вышедшая в печать статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» («Морской сборник», 1856, № IX), которая начиналась эпитафией: «К чему Вы готовите вашего сына? – Быть человеком, – отвечал я... Правда это или нет?» [11, с. 47]. Вдохновленный работой известного хирурга, Константин Дмитриевич пишет ряд статей, где выдвигает и подкрепляет доводами теорию народного воспитания (для него самоочевидного православного), построенную на идее о человеке, как образе, как подобии Божьему. «Каков тот принцип, который составляет отличительную особенность русской души и который, следовательно, должен стать целью нашего воспитания? – задается вопросом педагог и сам даёт на него ответ: есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, – это идеал, представленный нам христианством» [17, с. 254-255]. Итак, высшим личностным идеалом совершенства в теории и практике воспитания для

Ушинского является Иисус Христос. Потому «Каждый христианин рожден для высшего совершенства!» [20, с. 323].

О том, что воспитание наследника должно быть прежде всего духовно-эстетическим, Ушинский пишет в начале второго письма, предостерегая будущего монарха от увлечения внешним: «чем выше стоит человек на общественной лестнице, тем привлекательнее и изящнее окружающие его формы жизни и тем легче может он увлечься этими формами и не заметить содержания» и призывая к работе над внутренней сутью.

Придавая значение наукам, Ушинский даёт рекомендации касательно тех или иных дисциплин, подчеркивая важность для будущего правителя социальных наук, поскольку «политиком, законодателем, верховным правителем и верховным судьей он не может не быть по самому сану своему» [18, с. 583]. Однако педагог полагает, что знание мелочей науки для будущего монарха вовсе не обязательны. Значительно более существенным он считает умение самостоятельно мыслить, глобально видеть «все, что вокруг него делается, и ... всему давать направление» [18, с. 575].

Эти слова согласуются и с тезисом великого русского пастыря, праведного Иоанна Кронштадтского: «Старайтесь успевать наиболее не во внешних науках, а во внутренней, сердечной науке» [22, с. 21]. Гуманитарные науки, предлагая в комплексе довольно противоречивое знание о человеке, не дают о нём целостного знания, поскольку считают невозможным рассматривать явления, не имеющие видимой природы. Гармонизирующий центр, рассматривающий человека как существо сложное, состоящее из внутреннего и внешнего, плотского и духовного, существует на метафизическом уровне и раскрывается в сфере христианской антропологии.

К.Д. Ушинский прекрасно освоил христианскую педагогику отцов и учителей русской православной церкви. Истоками его учений стали Старый и Новый Завет, труды Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, жития просветителей-подвижников Кирилла и Мефодия, «Слово о терпении и любви» Феодосия Печерского, «Слово о законе и благодати» Илариона, митрополита Киевского, «Повесть временных лет», «Чтение о Борисе и Глебе», «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского», «Слово о расслабленном» и «Слова» Кирилла Туровского, «Поучение» Серапиона Владимирского, «Похвальное слово и житие Сергия Радонежского», «Азбука» Стефана Пермского, «Слово о житии и учении Стефана Пермского» Епифания Премудрого, «Послание царю Иоанну IV с изложением теории «Третьего Рима» Филофея,

«Послания» Геннадия Новгородского, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Предание» Нила Сорского, сочинения Димитрия Ростовского, «Добролюбие» Паисия Величковского, «Слова и речи» Филарета Московского и пр. [2, с. 69-78]. Из этого неиссякаемого источника К.Д. Ушинский черпал идеи о воспитании человека: от простого крестьянина до Правителя нации.

2. Важность раннего воспитания

Обеспокоенная формированием личности цесаревича императрица обратилась за помощью к педагогу, когда её сын вошел в шестнадцатилетний возраст. На вопрос «не поздно ли уже рассуждать о воспитании?» К.Д. Ушинский обнадеживает Марию Александровну, однако отмечает, что «важная половина воспитательного периода уже прошла», давая понять о предпочтении воспитания с самого раннего возраста. Особую роль в формировании личности ребенка К.Д. Ушинский отводил матери, заявляя, что её влияние укореняется в детях глубже, «чем всякое влияние учителя или воспитателя» [18, с. 576]. Утверждая, что «женщине врождено стремление учить и развивать своё дитя и вместе с тем даны и необходимые для этого способности» [10, с. 55], он соглашается с православным педагогом и хирургом Н.И. Пироговым, назвавшим женщин «главными зодчими общества» [11, с. 51] и русским религиозным философом И.А. Ильиным, который особое внимание родителей обращал на первые часы жизни младенца и подчёркивал ответственную задачу матери пробудить в нём инстинктивную духовность [5, с. 414]. Важность не упустить время в воспитательном процессе отмечали и святые отцы. О воспитании «младенцев в колыбели» святитель Феофан Затворник (Вышенский) писал, что, несмотря на невозможность передачи ребёнку каких бы то ни было знаний в первые месяцы жизни, можно действовать на него опосредованно: «Есть некоторый особенный путь общения душ через сердце» [13, с. 27]. Именно так, бессознательно, формируются склонности, которые, при условии положительного влияния окружающей воспитательной атмосферы, станут прочным фундаментом для формирования личности будущего правителя. Иоанн Златоуст сравнивал душу младенца с воском: «жизнь ребёнка уже с первого момента начинает склоняться или к добру, или ко злу. Если же на самом пороге жизни станем охранять дитя от дурного и направлять на лучший путь, – добро сделается его внутренним качеством и станет как бы его природой, так что он сам добровольно не перейдёт ко злу» [8, с. 193].

О том, что недостаток детского воспитания наследника престола может дорого стоить всей державе, известно из истории России: мы наблюдаем подобные отрицательные явления, начиная с правления Петра I

и в течение всего периода «дворцовых переворотов». Ряд из правителей данной эпохи не предназначался к наследованию престола, и, соответственно, не получал с детства специальной подготовки. Нужно отдать должное Марии Александровне, которая осознавая свою материнскую и гражданскую ответственность за воспитание сына перед лицом всего русского народа, предприняла попытки систематизировать воспитание и образование наследника престола и выбрала в качестве советчика того, кто по праву называется отцом русской педагогики и учителем учителей русских.

3. Развитие убеждений будущего монарха

Шестнадцатилетний возраст Ушинский называет временем начала формирования в человеке убеждений: «В эти годы добрая или худая почва человека уже готова, весна началась, и земля ожидает только семян». Данная аллегория, перекликаясь с Евангельской притчей о сеятеле, акцентирует важность формирования добрых наклонностей с детства, поскольку именно они станут фундаментом убеждений будущего монарха: «О дай Боже, чтобы ни одно дурное семя не попало даже как-нибудь нечаянно в эту юную душу, которой суждено быть душой 60 миллионов русского народа!» [18, с. 577] Размышляя о дальнейшем развитии убеждений наследника, их эволюции и видоизменении в течение жизни, педагог твердо стоит на защите свободы его нравственного самоопределения, как первой и священной основе духовного характера. Он полагает, что воспитателю будущего монарха необходимо обладать величайшим педагогическим тактом: наставник не имеет права прямо навязывать убеждений, посягать на свободу души взрослеющего человека. Он только показывает, освещает и освящает ему путь дальнейшего развития.

С христианской точки зрения, именно свобода является одним из самых явных признаков богоподобия человека, его отличия от прочего тварного мира и принадлежности к миру горнему. По словам протопресвитера В.В. Зеньковского, вне свободы воспитательный процесс утрачивает всякий смысл, поскольку он превращается в дрессировку, однако свобода, не связанная с добром, неизбежно приводит к разрушению [4, с. 35]. Ушинский особенно ценит талант педагога балансировать между обеспечением воспитанника свободой и защитой его от губительных влияний её гипертрофии.

Размышляя на эту тему, преподобный Ефрем Сирий утверждал, что в воле человека сделать свободу победительницею или побежденною [14, с. 239]. Преподобный Иоанн Златоуст писал, что «Христос... предоставил нам свободу делать, что хотим, не для того, чтобы мы употребляли эту

свободу на зло, но чтобы пользовались ею как средством к получению большей награды» [15, с. 801]. Потому столь важно воспитателю не нарушить границ допустимости вторжения в святую святых, внутренний мир и душу человека, и в то же время занять ум воспитанника такими идеями, которые могли бы принести в будущем добрые плоды, научить его самостоятельно противостоять соблазнам мира. Такая аскеза, способность самому себе запрещать все то, что противоречит христианской нравственности, является признаком развитой личности и роднит монарха с монахом. И тот, и другой – «monos» (греч.) – одиноки в своем личностном предстоянии пред Богом и несут одинаковое послушание: полное отсечение своей воли. И если для любого монаха Жених – Христос, то монарх сам является женихом для своей страны, ведь «венчание на Царство», или коронование», – это мистический брак с Россией, это соединение пред Лицом Господа навеки» [1, с. 372].

4. Русское воспитание русского монарха

К.Д. Ушинский излагает свой взгляд на воспитание именно русского монарха, считая недопустимым заимствовать одним народом у другого воспитательных теорий. обстоятельно изучив европейскую и американскую педагогические концепции, он не их стал пленником, а использовал для того, чтобы чётко выкристаллизовать свою народную русскую педагогическую систему. Педагог полагал, что система нравственных ценностей того или иного народа носит неслучайный характер, а «выходит из более глубокого источника: из той особенной идеи о воспитании, которая составила у каждого народа» [21, с. 122].

Исконная русская идея о воспитании уходит корнями в Византию и строится на Евангельских заповедях. Поскольку в православной антропологии именно конец земного существования является показателем его правильности, для понимания смысла жизни необходимо обратиться к теме смерти человека, которая ставит проблему отношения к вечности. Соответственно, и воспитание должно готовить не только к временной жизни, но и к жизни вечной – это признают все педагоги, стоящие на религиозной точке зрения [4, с. 39]. Здесь раскрывается истинная суть воспитания, свободная от поверхностности, присущей современным педагогическим течениям, концентрирующимся на малозначимых и игнорирующих принципиальные проблемы – проблема спасения души.

О том, что Ушинский был глубоко верующим человеком, видим из воспоминаний, запечатленных в его дневнике: «Через 20 минут раздастся колокольный звон, извещающий, что для верующих Воскресе Христос! Спаситель! Кто бы ты ни был, я верую Твоему Воскрешению! Помоги мне сделать всё доброе, что я могу! Благослови дела мои, если они будут

благие, отвергни злые. Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить...» [19, с. 39].

Мог ли Ушинский педагогику без Христа вообще считать педагогикой? На этот вопрос он блестяще отвечает сам: «Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве и для нас нехристианская педагогика есть вещь немислимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди» [19, с. 452].

5. Верность общественной идее

Все рекомендации по поводу воспитания наследника русского престола в письмах Ушинского строятся вокруг понятий «мысль», «идея». Если мысль превращается в идею, то идея, а вернее синтез идей, как составляющих мировоззрение, превращаются в идеологию. Идеология является атрибутом развитости государства: она заставляет народ самоидентифицироваться, осознавать себя как некую целостность, делает из народа нацию. Потому столь важна в воспитании будущего правителя, по мнению К.Д. Ушинского, общественная идея, без которой невозможна общность народа, а, значит, невозможна и сама государственность.

Отсутствие единой русской идеи, – пророчил в «Письмах» К.Д. Ушинский, – приведет к появлению в обществе двух типов личностей: эгоистов и утопистов. Первые живут со вредом, вторые погибают без пользы [18, с. 593]. Отвергнув христианство как философскую опору общественной нравственности, Россия на протяжении семидесяти лет жила грандиозной, фантастической мечтой-утопией построить коммунистический рай на земле без Бога в условиях диктатуры пролетариата. Пришедшая на смену коммунистическому режиму демократия с её необременительной моралью оказалась ещё большим злом, взрастив многомиллионную армию эгоистов, привыкших, по словам Ж. Липовецки, «жить сию же минуту, здесь и сейчас, оставаясь молодым и не желая больше выковырять из себя нового человека» [23, р. 124]. А ведь еще Ж.Ж. Руссо утверждал, что демократия создавалась не для людей, а для богов, т.е. для людей обожженных (богоподобных).

«Неужели же нет выхода из этих гибельных крайностей? Неужели русскому остается или идти по дороге общественного развития, или кидаться в безумные утопии? – задается вопросом педагог и сам даёт на него ответ: Нет, выход есть, но это выход один только: правильные христианские, европейские и русские общественные убеждения» [18, с. 593]. В отличие от многих педагогов-гуманистов, К.Д. Ушинский не удовлетворялся лишь «формированием личности, нужной и полезной обществу» [12, с. 7]. Свою педагогику он строил «на краеугольном камне»,

указывая на неразрывную связь христианской идеологии с целями и задачами воспитания.

Выводы. Таким образом, взятые за основу воспитания христианские идеалы К.Д. Ушинского полностью согласуются с воззрениями русских религиозных философов, славянофилов, святоотеческими учениями и Евангельскими заповедями, согласно которым педагогический процесс должен сводиться преимущественно к воспитанию сердца, раскрытию его мистической глубины для принятия в себя Христа и Его Слова. В педагогике всё, до малейших деталей, требует подчинения этому единому идеалу, только тогда она сможет перейти на более совершенный уровень – уровень человековедения ко Христу (*homoChristagogia*).

Сегодняшнее отсутствие высших духовных ориентиров, которое выражается, прежде всего, в нивелировании национальных и культурных атрибутов государственного мировоззрения, есть отвержение того самого «краеугольного камня», попытка «строить на песке». Несмотря на общепризнанный авторитет Константина Дмитриевича, на него по-прежнему продолжают ссылаться, как на педагога-гуманиста, демократа, новатора, «опресняя» его воспитательную теорию, видя в ней лишь профанное, обыденное, мирское.

Мысли К.Д. Ушинского о воспитании наследника русского престола приобрели бы несравнимо большую практическую значимость, если бы, поняв структурообразующую роль сакрального в его педагогике, её можно было применить по непосредственному назначению, а именно, для воспитания того харизматичного лидера, который бы смог удержать распространение зла «тайны беззакония» и объединить разрозненное российское общество.

В этой связи возникает ряд вопросов, требующих дальнейшего осмысления историками, педагогами, философами:

- Возможно ли возрождение в России монархии?
- Можно ли решить проблемы страны, сменив форму правления?
- Насколько российское общество готово к принятию самодержца как Помазанника Божьего?
- Кто и как будет готовить будущего наследника русского престола к его высокой миссии?
- Как уйти от предметоцентрической и знаниевой парадигмы образования к личностноформирующей, обеспечивающей формирование мировоззренческих убеждений и системного стиля мышления (критического и креативного), как средства понимания современной картины мира, которая как всеобщий феномен

истины, поможет принимать правильные решения глобального масштаба?

- Возможно ли создать и использовать такую педагогику, которая бы занималась воспитанием духовности внутреннего человека, связанного со своей онтологической основой – Богом?

«В истории и даже в жизни отдельного человека важна идея, мысль и ... её невозможно заменить роскошною обстановкою...», – эти строки являются последними в утерянном письме Ушинского. Пытаясь продолжить ход мысли педагога, нельзя не почувствовать, как тесно размышления о преимуществе содержания над формой перекликаются с учением Церкви о том, что человек состоит из двух ясно осознаваемых и тесно взаимосвязанных природ человеческой жизни: видимой и невидимой [6, с. 11]. О внутреннем, сокровенном человеке неоднократно упоминается в посланиях апостол Павла: «По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим» (Рим. 7: 22); «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16); «Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке» (Еф. 3: 16). Итак, внутренний человек должен подчинить себе внешнего, дух должен взять верх над плотью, содержание – над формой, сущность – над явлением. Иными словами, монарха делают не регалии, а его всецелая посвященность своей высокой миссии. Возможно, именно о раскрытии своего внутреннего человека в процессе восхождения от Образа к Подобию Божьему писал императрице на потерянных страницах письма К.Д. Ушинский. Поставленный господином над своим народом, правитель должен, сохраняя покорность и верность Богу, стать образцом жертвенной любви, чтобы заслужить право называться «Помазанником Божиим», а через результаты своих управленческих действий заслужить любовь своих подданных, приобретая в сознании народа образ «Царя-Батюшки».

Литература

1. Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл / А.Н. Боханов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 662 с.
2. Гончаров Е.Ф. К.Д. Ушинский и русская национальная школа / Е.Ф. Гончаров // *Universum: Вестник Герценовского Университета: Народное образование. Педагогика*, 2009. Вып. № 3. С. 69–78.
3. Дивногорцева С.Ю. К.Д. Ушинский и православная педагогическая культура России середины XIX в. / С.Ю. Дивногорцева // *Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология*, 2014. Вып. 2 (33). С. 102–110.
4. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М.: «Школа-пресс», 1996. – 272 с.

-
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3 / Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская Книга, 1993–1999. – 592 с.
  6. Леонов Вадим, протоиерей. Основы православной антропологии / В. Леонов. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2013. – 456 с.
  7. Лордкипанидзе Д.О. Педагогическое учение К.Д. Ушинского / Д.О. Лордкипанидзе. – Тбилисский университет, 1974. – 440 с.
  8. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Часть 1 / Л.Н. Модзалевский. – М.: Алетейя, 2000. – 326с.
  9. Непознанный Ушинский. Хрестоматия научной-христианской педагогики / Сост. и предисл. В.И. Ильченко, К.В. Деревянко. – Луганск: «Пресса», 1998. – 304 с.
  10. Песковский М.Л. Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность / М.Л. Песковецкий. – М.: Директ-медиа, 2014. – 89 с.
  11. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / Н.И. Пирогов; сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. – М.: «Педагогика», 1985. – 493 с.
  12. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: В 2 кн. Кн. 2 / И.П. Подласый. – М.: Владос, 1999. – 832 с.
  13. Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению / Под ред. А.В. Шпак. – М.: Litres, 2017. – 516 с.
  14. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4 / В рус. переводе. – М.: тип. Готье и Монигетти, 1900. – 489 с.
  15. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9 / В рус. пер. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903. – 801с.
  16. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Тихомиров Л.А. – М.: Эксмо, 2016. – 608 с.
  17. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 1 / сост. С.Ф. Егоров. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1988. – 416 с.
  18. Архив К.Д. Ушинского. В 4 т. Т. 4/ сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 721 с.
  19. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10: Материалы по третьему тому педагогической антропологии / К.Д. Ушинский; сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 668 с.
  20. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 11: Материалы биографические и библиографические / К.Д. Ушинский; сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 382 с.
  21. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. / К.Д. Ушинский; сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. – 655 с.
  22. Чижов П.М. Отец Иоанн Кронштадтский: жизнь, деятельность и кончина добраго пастыря, великаго молитвенника и духовнаго светильника Земли Россійской / П.М. Чижов. – Jordanville: Holy Trinity Monastery, 1958. – 191 с.
  23. Lipovetsky. G. L'ère du vide: Essais sur l'individualisme contemporain / Gilles Lipovetsky. – Paris: Gallimard, 1989. – 247 p.

Ichenko V.I., Tokmacheva M.A. LETTERS OF K.D. USHINSKY ON THE EDUCATION OF THE HEIR TO THE RUSSIAN THRONE: SYSTEM ANALYSIS (Sacred and secular in the service of the Lord's Anointed)

This article is an attempt to analyze «Letters on the education of the heir to the Russian throne» of K.D. Ushinsky, considering two aspects of the future monarch's preparation for his service: secular and spiritual, and their correlation. The article reviews the main ideas proposed by K.D. Ushinsky, necessary for the formation of a whole person of the future Lord's Anointed for the performance of an effective sacred and secular service.

Key words: *Ushinsky, pedagogy, education, heir to the throne, Lord's Anointed, sacred, secular, monarchy.*

Ильченко Валерий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Токмачёва Марина Алексеевна – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 37.017: 27-526.6

Бугаев В.И.

**СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСКОГО ИДЕАЛА
В.С. СОЛОВЬЕВА В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИЗАЦИИ
РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья исследует развитие символики русской культуры и образования конца XIX века. На развитие русской художественной культуры и современного образования повлияла концепция символа Софии – Премудрости Божией. Символ переливается в понятиях: разумная сущность, Божественное Лоно, Вечная женственность, основа, закон жизни, причина, соединение Бога и тварного Мира. Символ Софии – ориентирован на развитие русской культуры и образования, как грядущее и окончательное явление Божества. Основоположник русской христианской философии В.С. Соловьев определил последующее движение символики христианского идеала в синтезе православных, возрожденческих и компаративных тенденций. Это позитивное движение мы замечаем в русском современном художественном образовании.

Ключевые слова: символ, христианский идеал, исихазм, архей, икона, София, Символ Веры.

Гуманизация современного образования апеллирует к духовному наследию континуума мировой культуры. Реализация проблематики современной глобальной культуры требует толерантного отношения к «другим» религиям, культуре, искусству, образованию. Современным вдохновляющим критерием служит визит патриарха Кирилла в Америку и его встреча с папой Франциском. Поиск культурного сосуществования всегда был характерен для русского мышления и творчества. Выдающиеся русские философы, художники, музыканты, поэты, педагоги обогатили мировую культуру чистотой общечеловеческих духовных ценностей. Важной научной задачей является реализация этих ценностей.

Выдающийся русский педагог К.Д. Ушинский считал, что без идеала истинное воспитание невозможно. Есть только один идеал совершенства – христианство. Каким человек должен быть выражено в божественном учении и воспитанию остается только укоренить вечные истины христианства [1]. Современное гуманитарное образование ориентировано на ценности и идеалы христианского учения. В русской культуре мы находим множество примеров творчества мыслителей развивших понятие идеала. Наше исследование выделяет символику идеала христианства выдающегося русского мыслителя конца XIX века В.С. Соловьева.

Альтернативную концепцию «искусства коммунистического идеала» мы замечаем в исследовании Э.В. Ильенкова [2; 3]. Христианская символика русской культуры исследована в работах выдающихся ученых А. Ф. Лосева [4; 5], П.А. Флоренского [6; 7], М.К. Мамардашвили [8], В.Н. Лосского [9], Ю.М. Лотмана [10]. Авторские исследования посвящены христианской символике русской культуры [11; 12; 13; 14]. Творчеству и мышлению В.С. Соловьева посвящены исследования Г.И. Чулкова [15] и немецкого ученого Х. Даама [16]. Неразрешенной ранее проблемой является исследование христианского идеала В.С. Соловьева и его влияние на русское художественное образование.

Целью нашего исследования является символика христианского идеала В.С. Соловьева в следующих составляющих аспектах:

- 1.единство идеала «Символ Веры»;
- 2.синтез христианского идеала;
- 3.ориентация и развитие символа Софии – премудрости Божией;
- 4.идеал «теургического искусства».

Центральным для развития символики русской культуры и образования в конце XIX века был вопрос о «Filioque», где Дух Святой исходит от Отца и Сына. Православие символизирует Дух Святой, который исходит только от Отца.

Основой сущности христианского вероучения православия является «Символ веры». Он составлен первым Вселенским собором (325 г.), расширен и дополнен вторым Вселенским собором (381 г.). Первое слово «Символа веры» – «верую» связано с каждым последующим утверждением, возлагает ответственность за веру на каждого православного, который произносит «верую» и далее «исповедую» и «чаю» (ожидаю с надеждой). Духовно-социальное движение в Византии – «исихазм» (от греч. исихия – безмолвность, спокойствие) представляло практику богопознания, распространялось в славянском мире, противодействуя идеям европейского гуманизма Возрождения и первым признакам секуляризации культуры и образования.

В мышлении В.С. Соловьева мы замечаем развитие двух тенденций символов христианства – православной и западноевропейской (возрожденческой). Данные тенденции имеют основные символы женственности. В православной – символ Богородицы, в возрожденческой – символ Мадонны.

Единство духовности веры русский мыслитель представлял в единении католической и православной христианских церквей. Вопросу разделения восприятия «Символа Веры» он придавал сомнению: «Осуждение же католиков за filioque с точки зрения буквальной неприкосновенности символа решительно несообразно с истинным положением дела» [17, с. 54]. Мечта о единении церквей не сбылась. Идеи символических представлений имели продолжение в культуре русского символизма и воплотились в «теургическом искусстве» [14]. Друг великого русского философа – Е.Н. Трубецкой замечал: «Достоевский сказал, что «красота спасет мир». Развивая ту же мысль, Соловьев оповестил идеал «теургического искусства» [18, с. 42]. Это искусство воплотилось в истории развития русской культуры. Оно было, есть и требует во времени, воплощенное в иконе: «Теургическое искусство у нас уже было. Наши иконописцы видели эту красоту, которой спасется мир и увенчали ее в красках» [18, с. 42].

В. С. Соловьев выделяет основной православный символ – «Богородицу». Трепет постижения истины женственности разворачивается перед нами – материнство в высшем своем проявлении, женственность, чистая печаль знания и величие всепроникающей любви. Идеал данного символа воплощен в божественном начале «через свободный подвиг

человека, присоединяя к вере в Бога веру в Бого-человека и в Бого-материю (Богородицу)» [19, с. 254]. Этот идеал понимал и возвещал Ф.М. Достоевский. Троиединство христианского идеала должно было стать основой для сознательного духовного развития России и всего человечества.

Продолжая идею совершенства христианского идеала К.Д. Ушинского современный исследователь В.Б. Новичков выделяет «идеал как смысловое ядро эпохи» [20]. Таким смысловым христианским символом – ядром является для нас «трактовка «Богородицы» В.С. Соловьева.

В. С. Соловьев в своей теории «красоты и искусства» видел широкие горизонты будущего и источник новых явлений: «В человеческой жизни художественная красота есть только символ лучшей надежды» [19, с. 31]. Сущность красоты должна быть понята в ее действительных наличных явлениях – природе и искусстве.

Символ света – первое начало красоты в природе. Дальнейшие ее явления обусловлены сочетанием света с материей. Материя становится носителем красоты через действия одного и того же светового начала, которое ее сперва поверхностно озаряет, а затем внутренне организует. В неоконченной статье «Умное делание» В.С. Соловьев определяет природу света, соединяя ее с огнем: «... огонь всегда проникнут светом, всегда покоится в свете» [17, с. 1399]. До грехопадения человечества так было всегда. Затем огненная основа жизни отделилась от вечного света Божества. Человек подпал под власть внешности звездного (астрального духа) и вещественных стихий. Звездный дух внешнего мира образовал видимую оболочку жизненного духа человека – «архей». Чтобы опять обрести небесную сущность человечество должно собрать воедино все рассеянные силы духа для проникновения света и войти в сферу Божественной жизни.

Образ Софии в русской культуре символизирует Премудрость Божию. Ей посвящены великолепные соборы и церковные школы Руси. К ней обращены все помыслы и чаяния русского народа в духовных воплощениях Божественной Веры, Надежды и Любви. В русской культуре сознание символа Софии переливается в понятия: разумная сущность, Божественное Лоно, Вечная Женственность, основа, закон жизни, причина, соединение Бога и тварного Мира, Премудрость Божия. Крупнейший русский философ Н.О. Лосский считал: «По общему мнению философскую систему Соловьева следует назвать философией вечной женственности» [21, с. 115].

Символика «Вечной Женственности» в поэзии русского мыслителя

имеет ассоциативные компаративные расслоения – «милый друг», «Дева Радужных Ворот», «Туранская Ева», «Степная Мадонна», «богиня», «Дева Назарета», «Любовь-Волшебница», «Царица». В ряде стихотворений существуют и неопределенные образы-символы восхищения вечной женственностью. Лишь только в стихотворении «Das ewig-weibliche» (слово увещательное к морским чертям) мы находим четкое символическое определение:

Найдите же: вечная женственность ныне

В теле нетленном на землю идет [17, с. 155].

Современный исследователь православия Ю.Ю. Булычев замечает, что «характер вопросов, предложенный основоположником русского религиозно-философского учения о Софии – премудрости Божией В.С. Соловьевым, привел к некоторым уклонам от православной богословской традиции в рамках софиологии» [22, с. 229]. Камнем преткновения символики стихотворений В.С. Соловьева явилось внесение женского начала в самое Божество. Поэт-философ опровергает данное обвинение, считая перенесение плотских отношений в область сверхчеловеческую величайшей мерзостью. Поклонение женской природе, восприимчивой ко лжи и злу не менее чем к истине и добру есть величайшее безумие. С этой глупостью и мерзостью «не имеет истинное почитание вечной женственности» [17, с. 677].

Выдающийся русский философ А.Ф. Лосев считал: «София, согласно В. Соловьеву, вообще говоря, именно и есть материализация идеального» [23, с. 205].

Образ Софии в поэзии В.С. Соловьева многомерен и эмоционально расслоен. Образ Софии в философии гениального мыслителя четко ориентирован на развитие русской и всей мировой культуры. «Тесно связывая Святую Софию с Богородицей и Иисусом Христом, религиозное искусство наших предков, тем не менее, отчетливо отличало ее от Того и Другой, изображая ее в образе отдельного Божественного существа. Она была для них небесной сущностью, скрытой под видимостью низшего мира, лучезарным духом возрожденного человечества, Ангелом-Хранителем Земли, грядущим и окончательным явлением Божества» [17, с. 470].

Современное художественное образование обращено к синтезированию знаний религиозного мышления. В этом отношении духовное наследие В.С. Соловьева является определенным. Мы соглашаемся на синтезацию трех тенденций символики русского мыслителя – западноевропейскую (возрожденческую), православную и компаративную.

Исследование символов христианства В.С. Соловьева в процессе гуманизации современного образования позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Единство идеала «Символа Веры» представлялось русскому мыслителю в единении католических и православных церквей.

2. Синтез христианского идеала В.С. Соловьева представляет развитие трех символов – православного (Богородица), возрожденческого (Мадонна), компаративного (Вечная Женственность).

3. Символ Софии – премудрости Божией ориентирован на развитие русской культуры и образования, как грядущее и окончательное явление Божества.

4. Идеал «Теургического искусства» В.С. Соловьева является основополагающей концепцией развития русской художественной культуры и образования.

Как основоположник русской христианской философии В.С. Соловьев оказал влияние на развитие символики блистательных представителей русской культуры и образования – П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, А.А. Блока, Д.Л. Андреева, К.Д. Ушинского. Данное влияние является перспективой наших последующих исследований.

Литература

1. Ушинский К. Д. Проблемы педагогики / К. Д. Ушинский. – М.: УРАО, 2002. – 592 с.
2. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал / Э. В. Ильенков. – М.: Искусство, 1984. – 349 с.
3. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1968. – 319 с.
4. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
5. Лосев А. Ф. Личность и абсолют / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1999. – 719 с.
6. Флоренский П. А. Иконостас / П. А. Флоренский. – М.: АСТ, 2003. – 208 с.
7. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.
8. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – 416 с.
9. Лосский В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский. – М.: АСТ, 2003. – 759 с.
10. Ломман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Ломан. – СПб: Искусство, 1998. – 704 с.
11. Бугаев В. И. Историко-философский анализ символических формаций в глобальном цивилизационном процессе : автореф. дис. канд. филос. наук. Луганск, 2012. – 218 с.
12. Бугаев В. И. Цветоведение : учеб. пособие для студ. направления подготовки «Дизайн» / В. И. Бугаев. – Луганск: Альма-матер, 2016. – 256 с.
13. Бугаев В. И. Свобода символа / В. И. Бугаев // Наука. Религия. Общество, 2006. – № 1. – С. 87-94.

14. Бугаев В. И. Сознание символов теургического искусства / В. И. Бугаев // Науч. времяпис. Сер. : Религиознание. Культурология. Философия. К.: НПХ имени М. П. Драгоманова, 2005. – № 7 (20). – С. 43-50.

15. Чулков Г. И. Автоматические записи В. Соловьева / В. И. Бугаев // Вопросы философии, 1992. – № 8. – С. 121-133.

16. Даам Х. Свет естественного разума в мышлении В. Соловьева / Х. Даам // Вопросы философии, 1992. – № 8. – С. 134-144.

17. Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь / В. С. Соловьев. – Мн.: Харвест, 1999. – 1600 с.

18. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи / Е. Н. Трубецкой. – М.: тип.. Сытина, 1916. – 42 с.

19. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.

20. Новичков В. Б. Образовательный идеал в контексте социокультурного развития дореволюционной России / В. Б. Новичков // Педагогика, 2012. – № 4. – С. 54-61.

21. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с.

22. Булычев Ю. Ю. Православие: Словарь неопита / Ю. Ю. Булычев. – СПб.: Амфора, 2004. – 300 с.

23. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 230 с.

Bugaev V.I. CHARACTERS OF CHRISTIAN IDEAL OF V. SOLOVYOV IN THE PROCESS OF HUMANIZING OF RUSSIAN ARTISTIC EDUCATION

The article explores development of symbolism of the Russian culture and education in the end XIX of age. Conception of character of Sofia – Wisdoms of God influenced on development of the Russian artistic culture and modern education. Character overflows in concepts: reasonable essence, Divine Bosom, Eternal femininity, Basis, law of life, reason, connection of God and created World. Character of Sofia – oriented to development of the Russian culture and education, as coming and final phenomenon of Deity. As a founder of Russian Christian philosophy V. Solovyov defined subsequent motion of symbolism of Christian ideal in the synthesis of Orthodox, revivalist and comparative trends. It we notice positive motion in Russian modern artistic education.

Key words: *character, Christian ideal, Hesychasm, archaea, icon, Sofia, Character of Vera.*

Бугаев Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна и проектных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РУССКОМ МИРЕ

В статье рассматриваются разные теоретические модели построения гражданского общества применительно к особенностям исторически сложившейся социально-политической системы Русского мира и общества незападного образца. Обосновывается актуальность формирования отечественного гражданского общества в соответствии с консервативной и коллективистской моделями, с целью укрепления приоритетов духовного и социального единства.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, коллективизм, социальный органицизм, этикоцентризм, страны нелиберальной демократии.

Стремление к развитию полноценных общественно-политических отношений обуславливают необходимость выяснения общих закономерностей и локальной специфики социальных, политических, культурных процессов, определение содержания и направленности современной трансформации социально-политического пространства. Одним из важнейших явлений в этом контексте является актуализация идеи формирования гражданского общества. Интенсивная работа, которая проводится сегодня учёными и публицистами в области конструирования теоретических моделей для Русского мира как русскоязычного, постсоветского пространства, нередко копирует западные образцы, перенося их на отечественную почву без учёта национальных особенностей и традиций, что зачастую заканчивается неудачей и дискредитирует саму идею.

Сама концепция гражданского общества является порождением западной политической мысли. Как известно, популярность концепции гражданского общества после долгого периода забвения возродилась в работах западных теоретиков социал-демократического (А. Грамши, Ю. Хабермас) и либерального направлений (К. Поппер, Р. Дарендорф, А. Турен, Р. Путнам). Разнообразие их взглядов на место и роль гражданского общества в общественно-политических процессах обусловила формирование основных его концепций в современности.

В научном и публицистическом дискурсе постсоветского пространства доминировала либеральная модель взаимоотношений гражданского общества и государства, согласно которой гражданское общество является системой самоорганизации населения за пределами поля государственного воздействия. Гражданское общество не зависит от государства и не подчинено ему, напротив, оно «включает» его, ибо наделяет инструментальными свойствами (управление, мир, порядок и т.п.). Согласно либеральной модели, общество участвует в управлении страной и, кроме способности ассоциироваться в партии, союзы, движения, может поддерживать с государством, которое оно же и создает, равноправные договорные отношения, включающие контроль над властью. То есть гражданское общество формируется одновременно и в частной сфере, где индивид развивается как личность, и в публичной, где формируются и коллективизируются его гражданские качества.

Идеи классического западного либерализма внедрялись в массовое сознание, но ещё А.И. Герцен назвал такой либерализм «экзотическим цветком», который не мог укорениться на русской почве [2, с. 772]. С другой стороны такой западный исследователь как А. Тойнби признавал, что «роль России в истории – служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада» [1, с. 142].

Плеяда блестящих российских мыслителей Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков, К.Д. Кавелин, П.Н. Милюков, Б.А. Кистяковский отмечали, что Россия особая цивилизация. Основанием её является нормативная этика, выраженная в коллективистской форме с опорой на религиозно-культурные особенности национального сознания. Гражданская идея проявляла себя в России в солидарности, взаимопомощи. Отсюда превосходство духовного фактора над материальным в определении целей и интересов личности. Духовный реформизм сочетался с убеждением в приоритете духовных ценностей над политическими.

Согласно консервативной модели государство является производением гражданского общества, а потому последнее является частью государства. Гражданское общество – это социальная система, точнее – подсистема и даже сфера, которая пребывает «посредине» между семьей и государством (хотя ее отделение от сфер публичной и частной жизни наступает позднее, чем возникает государство). Такое, ставшее стратифицированным, общество соотносится не просто с государством, а, строго говоря, с государством особого типа. Такое государство должно быть, говоря современным языком, «социальным». И это государство не стоит над гражданским обществом, а отчасти является подконтрольным

ему органом. Данная модель взаимодействия политической системы и гражданского общества опирается на концепцию социального органицизма, которая предполагает полную взаимозависимость всех элементов социально-политического организма. Как указывает немецкий исследователь Г. Рормозер, «мы осуждены на консерватизм, у нас нет иного пути, чтобы преодолеть экологический кризис, стабилизировать по возможности демократию, сохранить социальный этос, сохранить социальные основы взаимопонимания и поддержания социального консенсуса в обществе» [3, с. 292]. Таких интеллектуально и морально взвешенных призывов можно найти немало в странах нелиберальной демократии, например работа А.С. Панарина «Искушение глобализмом» [4].

Следует также отметить, что коллективистская модель гражданского общества, которая развивалась в России под влиянием православия, является более гуманной. Православная традиция гражданского общества, как совокупности людей, связанных общими ценностями сотрудничества и солидарности, на первый план выдвигает не экономические, а этические приоритеты, которые защищают личность и права каждого человека более полно. Если экономически ориентированное гражданское общество рождает массового потребителя и примитивную массовую культуру, то этикоцентристская модель способствует совершенствованию человеческих отношений, развивая культурную традицию, апеллируя к ценностным идеалам. Это вытекает из разницы духовных установок, воспитанных православием в России и католичеством / протестантизмом на Западе. Эта важная особенность нашего исторического и духовного развития нередко сегодня игнорируется при формировании гражданского общества, которому механически навязываются образцы политической культуры передовых обществ.

Таким образом, хотя проект под названием «гражданское общество» до настоящего времени был детищем западной культуры, сегодня набирающая темп глобализация как продолжение объективной тенденции всеобщей социальной интеграции делает данный проект актуальным практически для всех обществ, в т.ч. «незападных». Однако при этом следует учитывать специфику отдельных исторически сложившихся социально-политических систем. Русскому миру необходим проект, альтернативный по отношению к связанному с обществом потребления варианту, материально-элитарному по своей сути. В качестве такой альтернативы следует рассматривать консервативную и коллективистскую модели построения гражданского общества. Их главными преимуществами выступает тесная корреляция с русским глобальным проектом. Соединение

приоритетов духовного и социального единства может привести к тому, что современной русской идеей станет создание духовно-социального строя, основанного на совместном приоритете духовного и социального.

Литература

1. Геополитика: классика и современность [хрестоматия / сост.: Буренко В.И., Королев А. А.]. – Москва : Нац. институт бизнеса, 2006. – 318 с.
2. Герцен А. И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле (1851) // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1997. – 795 с.
3. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – Москва : Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.
4. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – Москва : ИФ РАН. – 1996. – 298 с.

Pozhidaev E.A. MODELS OF BUILDING CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN WORLD

Author considers in the article different theoretical models of building civil society in relation to the features of the historically formed socio-political system of the Russian world and the society of a non-Western model. The urgency of the formation of the domestic civil society in accordance with the conservative and collectivist models is substantiated, with the purpose of strengthening the priorities of spiritual and social unity.

Key words: *liberalism, conservatism, collectivism, social organicism, ethnocentrism, countries of non-liberal democracy.*

Пожидаев Евгений Александрович – кандидат политических наук, начальник международного отдела Донецкого педагогического института (г. Донецк).

Кобылкин Д.С.

ОСНОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОМ И СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Причина всех наших несчастий ... имеет существенное основание: это – наше природное несчастное положение. Знание внешних вещей не утешит меня в момент скорби в незнании начал нравственности, но нравственная опытность всегда может утешить меня в незнании внешних вещей
(Б. Паскаль. «Мысли»)

В данном исследовании анализ посвящен проблеме нравственности и процессу внешнего устройства, которые представляют диалектику в развитии личности в отношении ценностного аспекта современного социума. Особое внимание уделяется выявлению антагонизма свободы личности, влияющее на осознание полноценной жизни субъекта, гармонии его внешнего и внутреннего человека, выступающий как фактор сохранения и развития ценностей «душевно-духовной сущности» человека над его «пространственно-телесными».

***Ключевые слова:** нравственный аспект, примиримость, русский дух, духовная основа, право, государство.*

Постановка проблемы. Отражение феноменологической и онтологической стороны в вопросе о смысле жизни о цели бытия личности связан с нравственно-религиозными началами. Последние играют важное культурообразующее значение, особенно, в современных условиях при необходимости в полной мере раскрыть потенциал развития людей в разных сферах знания и разными взглядами, но имеющих единые базисные ценностные основания. Такой шаг усматривается особо целесообразным в едином общеобразовательном пространстве, при формировании и удовлетворении потребности сознания молодежи: в нахождении ответов на мировоззренческие и духовные вопросы.

Цель исследования. Анализ направлен на осмысление проблемы нравственности, взаимодействия между «внутренними» и «внешними» ценностями и целями деятельности человека, имея в виду личностное нравственное совершенствование и внешнее, общественно-государственное устройство. Акцент внимания сфокусирован на

культурной матрице общества как интенционирование к достижению идеала общественных отношений – внутреннее осознание общей друг за друга ответственности.

Основная часть. Для каждой личности проблема творчества – это потенциальный путь развития ее идей, ее становления как личности. Выход субъекта за пределы себя самого, т.е. творческий акт представим лишь в той форме, что бытие полагает в своем лоне неопределенность, которая интенционирует активность субъекта к порождению нечто определенного. Именно эту событийность один из самых выдающихся русских философов – С.Л. Франк в своей работе «Непостижимое» называет потенциальностью, мочью.

Последнее представляет особый интерес, когда от этой потенциальности веет философским оптимизмом, как замечательно заметил Н.А. Бердяев, характеризуя работу С.Л. Франка «Предмет знания». Акцент внимания ставиться не просто на деятельности, на активности субъекта, но раз речь идет об оптимизме, то в данном исследовании за последним предполагается то, что началом и камертоном в творческой деятельности человека полагается определенные идеалы для его «успешного» завершения деятельности. Успешное, в нашем понимании, не может иметь односторонне одну направленность, а, тем более, материальную, или точнее цивилизационную. Это значит, что знание о человеке имеет не только феноменологическую сторону, но и онтологическую проявленность его личности, которая, по морально-нравственным критериям общества должна заключать определенный положительный смысл, осуществляя онтологическую задачу. Этой задачей, прежде всего, можно назвать сохранение человеческого в человеке. Раскрытие в таком контексте смысложизненного существования человека связано с феноменом счастья, полнота знания которого проявляется в самой жизни ибо целостное знание как сама истина бытия есть жизнь (С.Л. Франк).

Анализируя ценностный аспект непредставимо не отметить роль этико-психологического аспекта в развитии личности. По точно сформулированному Франком одному из главных смыслов его идей является то, что «в нашем философско-политическом мировоззрении мы исходим из идеи личности как *носителя и творца духовных ценностей*, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание культуры и есть *высшая и последняя задача* политического строительства» (выделено – К.Д.) [13, с. 8].

В связи с чем наш анализ подразумевает этическую составляющую не столько как представление о должном, сколько *представление об*

идеально, что интенционирует субъекта к нравственному совершенствованию.

Рассматривая нравственный аспект, отметим, что он выступает руководящим началом, определенным правилом, или даже образцом, определяющего социальное бытие, а именно, межличностные отношения.

Указанный аспект выступает основанием в проявлении личности, подразумевая ее целостность, ее взаимодействие во «внутреннем» и «внешнем», имея в виду общественно-государственный фактор, самоопределения. Согласно И.А. Ильину, сферой же настоящей жизни и действия личности остается ее душа, являясь той средой, в которой «зарождается, зреет, протекает – и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства, как единого целого» [4, с. 211].

Он также отмечает, что «вне духовного состояния множества индивидуальных душ – государства нет и быть не может: государственное состояние людей есть, прежде всего и главнее всего, их духовное состояние» [4, с. 211-212].

По его мнению, право имеет полноту бытия только через правосознание, а именно, через право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние. В полном смысле слова – право и государство непредставимо вне множества индивидуальных, но связанных постоянным общением, правосознании. Именно этим определяется связь государственности со всей духовной культурой народа и особенно с его религиозной культурой.

Данную мысль подтверждает замечание П.И. Новгородцева в его статье «Кризис современного правосознания. Введение». «В конце 1904 года, в то время, как в России с такой горячей верой в силу правовых форм ожидали новой и решительной победы права над произволом, великий писатель земли русской (*Л.Н. Толстой*) произнес суровый приговор над всеми этими ожиданиями и надеждами. «Цель агитации земства, – так писал он в ответ на запрос одной американской газеты, – ограничение деспотизма и установление представительного правительства. Достигнут ли вожаки агитации своих целей или будут только продолжать волновать общество, – в обоих случаях верный результат всего этого дела будет отсрочка тинного социального улучшения, так как истинное социальное улучшение достигается только религиозно-нравственным совершенствованием отдельных личностей. Политическая же агитация, ставя пред отдельными личностями губительную иллюзию социального улучшения посредством внешних форм, обыкновенно останавливает истинный прогресс, – что можно заметить во всех конституционных государствах, Франции, Англии и Америке» (выделено – К.Д.) [7, с. 328].

Тем самым, американская газета в ответе русского мыслителя

получила гораздо более: она спрашивала о вероятных последствиях земской агитации в России, а Л.Н. Толстой, как философ, и, в данном контексте, можно сказать апологет ценностей «русского мира», ответил в такой общей и безусловной форме, что его утверждения относились одинаково ко всем культурным странам и ко всем правовым государствам.

Комментируя смысл ответа, Новгородцев замечает, что то, чем гордятся эти государства под именем усовершенствования правовых форм, – есть отклонение от истинного прогресса. «...путь, пройденный передовыми государствами и увлекающий ныне русское общество, есть неправильный и ложный путь к пагубной цели» [7, с. 329]. А также, далее, «сколь бы ни казалась односторонней и радикальной общая точка зрения великого писателя, тем не менее нельзя не задуматься над его суровым отзывом» [7, с. 330].

Имеется в виду то, что религиозность не может включать лишь внешнюю деятельность человека, подразумевая проявления его в государственно-правовой сфере. Это связано с тем, что указанная сфера привлекает человека не только к внешне-механической жизни, но внутренней, душевно-духовной. Как отмечает Ильин: «Если религия утверждает в душе человека особое благодатное состояние, именуемое в Христианстве «царством Божиим», то она приводит этим в движение все силы личного духа: и чувство, лежащее в основе патриотизма, и волю, поддерживающую право, и ... предметно строящее систему правоотношений» [4, с. 214].

Отметим, что здесь речь идет об основаниях, полагаемых субъектом русской культуры и русского духа. Не случайно использовано понятие духа, в смысле человеческой проявленности в бытии. О чем было замечено выше в отношении права как полноты бытия, через правочувствование, право-воление и, наконец, право-деяние (И.А. Ильин).

Однако, в данном случае, полагаемое основание не относиться к праву. Но, наоборот, уточняется, что субъект является носителем русской ментальности, принадлежащий к русской истории развития ценностей человеческой жизни и мышления.

Примечателен тот факт, что Новгородцев указывает в своей статье «О своеобразных элементах русской философии права». Он отмечает, что «прежде всего нас спросят, – как уже спрашивали иные в России, – где у нас труды, подобные «Духу законов» или «Общественному договору», где классические русские труды, в которых с соответственной ясностью и силой выражалась бы и оценивалась идея права, идея законности или идея государства. Западноевропейский ученый, со свойственным ему высокомерием, сознанием своего превосходства над необразованным и

недисциплинированным Востоком, совсем не поймет или, по крайней мере, поймет неправильно, что именно в том факте, что у нас нет и быть не может «Духа законов» и «Общественного договора», непосредственно проступает своеобразие нашего положения и что отсутствие апологии права и государства в русской литературе имеет свою основу именно в том, что русский дух выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, чем право и государство [7, с. 367].

В связи с чем, по замечанию Ильина: «Правосознание и царство Божие живут одной и той же душевной тканью, осуществляют себя в одной и той же духовной среде. Механическое отделение «Божьего» от «Кесарева» всегда будет мертвой фикцией, лишенной бытия и практического значения. Евангельское слово имеет в виду, конечно, не такое, механическое отделение; оно устанавливает только совместимость «Божия» и «Кесарева», – их примиримость, возможность отдавать «Кесарево кесарю», не погрешая против Божьего закона и, согласно этому, возможность служить Богу, не совершая тем самым правонарушений» [4, с. 214]. Однако в истории философской мысли, в частности, средневековой, могут встречаться уподобления («два меча», «солнце и луна» и т.под.) в отношении указанной примиримости, согласно позиции Ильина, не только не разрешали вопроса об отношении религии и государственности, но придавали ему с самого начала неверную постановку.

Говоря о примиримости как о единстве, о котором наиболее точно заметил С.Л. Франк, обозначив как условие «внутренности» самой «внешности» [13, с. 167], т.е. в контексте рассмотрения совместимости «Божия» и «Кесарева», сама религия, как осуществление «царства Божия», невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания (Ильин).

Если задаться вопросом, что явилось определяющим в отдельные эпохи истории философии права и философии в целом, то ответ следует искать в ведущих основаниях, образующих коренные основы человеческой жизни и мышления. «Едва ли кто-нибудь станет оспаривать, что глубочайшие межи, отделяющие одну философскую эпоху от другой, определяются различным отношением к их религии» [7, с. 367]. По мнению Новгородцева, если проследить развитие греческой философии права, то, прежде всего, величайший переворот, какой пережила она в эпоху софистов, пронизан стремлением освободиться от прежнего авторитета – признать человека мерой всех вещей. Школа же Сократа иначе переосмысливает данное стремление, ведя борьбу с софистикой, что, в сущности, означает новое оживление религиозного чувства, восстановление значимости закона, который, по словам Платона, связывает небо и землю. Также, если разыскивать исходные основания отделяющих друг от друга эпох в

изменяющемся их отношении к религии, то особенно ясно это обнаруживается в различии между средневековой и новой философией права. Если основные системы средневековой мысли всегда признают высшим авторитетом религию и церковь, то учения Нового времени состоит, прежде всего, в отказе от теократического идеала, в стремлении к автономии, к самоопределению.

Однако, как правильно замечает Новгородцев, нашей задачей является не углубление к извлечению исторических периодов и постоянной смены школ, в которых осуществляется естественная диалектика человеческих мыслей, но заключению, что каждая эпоха опирается на новое отношение к религии, где важным, в отношении нашего исследования является охарактеризовать не столько русскую философию права, сколько творящий ее русский дух.

Поэтому, право иметь религию есть право человека и это оно в основе всех других его прав. Человек, лишаящий себя от этого права, утрачивает духовное возвышение и устремленность к подлинному и абсолютному, что дает повод впадать «во все недуги, связанные с этой утратой; человек, не осуществляющий этого права, ведет напрасную жизнь и недостойно обременяет собою землю. Потребность в религии порождает потребность в духовной свободе, а потому и в правопорядке; вот почему религиозность не раз являлась в истории глубочайшим источником правосознания, а право на религию становилось безусловным и священным основанием борьбы за политическую свободу. Именно борьба за свободу совести способна придать народному правосознанию ту *духовную основу*, которая налагает в дальнейшем отпечаток подлинного благородства на всю его политическую историю» (выделено – К.Д.) [4, с. 215].

Что же касается вопроса русской культуры и русского духа, то следует отметить два основных течения в социально-философской мысли: западники и славянофилы, которые давали ответ на него весьма различным образом. Первые полагали, что у России один подлинно всечеловеческий прогресс – евроцентризма, и она должна определенно встать на этот путь и усвоить основные идеи этого прогресса. Вторые, напротив, отвергли исходное положение Чаадаева: у каждого великого народа – свой исторический путь, западноевропейская культура вовсе не единоспасающая, более того – основным идеям западноевропейской культуры грозит разложение, в глубине же русского духа таятся принципы, которые могут послужить всему человечеству [7, с. 371]. Славянофилы были первыми, кто в русской философии подходил к Европе не как верноподданные ученики, но с вопрошанием критика и судьбы.

Так продолжается великий спор и до наших дней. Причиной данного

спора, по нашему мнению, выступают основания, которые главным своим критерием имеют аксиологический критерий.

Говоря о заявленной теме, то хотелось бы отметить, что характеризуя проявления личности, мы подразумеваем ее целостность, ее свободу, выражающуюся во внешнем и внутреннем самоопределении личности перед лицом добра и зла, над своим эгоизмом, страстями, греховными чувствами, и над самим собой. Данное проявление личности можно охарактеризовать как ее антропос, который, однако, имеет собственную *морально-нравственную интенциональность*.

Идеалом такой свободы как высшим проявлением жизни может выступать христианская жизнь, основания которой становятся необходимым и подлинно насущным средством в обретении свободы как в метафизическо-созерцательном и внутреннем самоопределении, так и внешнем сосуществовании с другими носителями сознания. Таким основанием согласно культуры христианских ценностей выступают заповеди Божии. Так, преподобный Марк Подвижник, о духовной свободе замечает следующее: «Закон свободы научает всякой истине, многие читают его разумом, но не многие понимают соответственным делом заповедей» [3].

Противоположным указанной интенциональности выступает отсутствие оснований, а в частности этических, интенционирующих субъекта не к возвышенному, признавая, что высшим его критерием являются священные, Божественные ценности, но к отвлеченному представлению абстрактного идеализма. То есть не столько фактическое преобразование человека, сколько просто идеальные построения, даже если это догматы христианской веры (А.Ф. Лосев). Что жизнь есть прекрасное – это, конечно, значимо для Вл. Соловьева, как было значимо, но совсем с других позиций, для Чернышевского [6, с. 20].

Различие интенциональности ценностных оснований антропоса, содействует концептуальному резонансу при формировании образа личности как подобия Божия, и в целом, говоря о сохранении человеческого в человеке.

В связи с чем приведем рассуждение Б. Паскаля. Он замечает, что все несчастья людей происходят от одной причины – *неумение пребывать в спокойствии* (у себя в комнате). А именно, как отмечает сам Паскаль: «когда я вдумался глубже, найдя причину всех наших несчастий, захотел открыть её основание, тогда пришел к выводу, что у нее есть существенное основание: это – наше *природное несчастное положение*: мы слабы и смертны, мы столь жалки, что ничто не может нас утешить, когда мы станем ближе вдумываться в это положение» (выделено – К.Д.) [9, с. 72].

Ниже он продолжает, что «знание внешних вещей не утешит меня в

момент скорби в незнании начал нравственности, но нравственная опытность всегда может утешить меня в незнании внешних вещей». А несколько ранее мы замечаем у него: «Так трудно бывает суждению не сойти со своего естественного хода или, лучше сказать, так мало в нем прочности и стойкости!» [9, с. 96].

Человек – всего лишь «тростник», слабейшее из творений природы, но он – «тростник мыслящий», и в этом он сильнейшее из творений природы. Чтобы его уничтожить, вовсе не обязательно усилий Вселенной, но довольно дуновения ветра или капли воды. Однако, пусть бы даже его уничтожила Вселенная, – человек все равно возвышеннее её, ибо он тот, кто *«осознает своё ничтожество»* (выделено – К.Д.) [9, с. 98]. Он сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она же ничего не осознает. Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы – ничто. Возникает вопрос, что же является основанием, ориентирующим мышление к духовному возвышению и устремленности к подлинному и абсолютному, в чем собственно и заключается основа нравственности.

Это различие заключается в ценностях основания и его устремленности, так, к примеру, «насколько небо далеко от земли, настолько мысль Моя далека от мыслей ваших», говорит Господь (Ис. 55, 9). Это связано с тем какой логике человек следует: внешнего или внутреннего человека.

В связи с чем чтобы не потерять из виду собственного внутреннего человека, как замечает В.Д. Исаев необходимо следовать *логике вечности*, ориентируясь на подлинную красоту, и следовать методологии анализа человеческой истории как противоречивого единства цивилизации и культуры. Человек старается поднимать сердце и ум к непостижимой высоте величия Божия таким путем, чтобы просвещаться приобщением и участием в Ней и «по нашему внутреннему и по внешнему человеку» [8, с. 29], довольствоваться и наполняться неизреченной славой в посильных наших созерцаниях и узрениях Ее, но, с другой – «чтобы не подвергнуться немедленному осуждению за бесполезные занятия пустыми вещами» (там же).

Это важный вывод, отражающий собой одну из главных задач практической философии: есть глубокое понимание связи внешнего и внутреннего, цивилизации и культуры, связи фундаментальных философских и конкретных жизненных вопросов.

Особенно это актуально в свете предлагаемой концепции В.Д. Исаева. Культура, как замечает автор концепции, – это способ существования человеческого общества в качестве человеческого

сообщества (социума). А стержнем культуры есть отношение человека к другому человеку. Поэтому основная формула поведения человека в пространстве культуры выглядит следующим образом: «Я» – средство, а Другой – цель» [5, с. 23].

Такой подход как раз и знаменует собой служение личности другому, своему ближнему; для нее он выступает основанием, чтобы полагать другого человека как высшую ценность. Выяснение значения высших ценностей дает возможность нам говорить об ином качественном межличностном взаимоотношении людей. То есть человек относится к другому сквозь призму ценностей Другого, а не своих утилитарных представлений либо положений.

Последнее представлено автором концепции в виде понятия цивилизация, понимая «способ существования человека и человеческого общества на основе техники и технологии, а также результат такого существования». Все, что может быть алгоритмизировано, поддается счету и может быть рационализировано и упорядочено – все эти результаты такого способа жизнедеятельности человека и есть цивилизация. Она – и внешние условия, и часть нашей внутренней жизни. Цивилизация всегда стремится в историческом движении к своему пределу – *обществу потребления*. Нормой в цивилизационном поле является такое поведение человека, которое строится по формуле: «Я» – цель, а Другой – средство» (там же). Последняя формула выражает главный алгоритм цивилизации, основной задачей которого в отношении норм и ценностей культуры: в «...отведении русла, там их тонко, с педагогическими целями, перетолковывали по-своему, пускали их течение *на свои колеса* (выделено – К.Д.) [1, с. 245]. Тем самым пространство цивилизации, в отношении к человеку, следует охарактеризовать как эгос в противоположность «коммунитас» культуры (В.Д. Исаев).

Неразрешимость указанной дуальности связано с разным самосознанием каждого народа. Так, например, западная цивилизация и культура, на пути такого познания родила протестантизм, который попытался воцерковить цивилизацию, объединив на одном сакральном пространстве менял, которых Христос выгнал из храма с самим Храмом (В.Д. Исаев). Протестантская традиция и ее установка на земной успех как косвенное доказательство богоизбранности близка установкам иудейского хилиазма, поскольку протестанство – индивидуалистический хилиазм, т.к. учит устройству индивидуалистического рая прямо здесь на грешной земле (А.С. Панарин).

Актуализация значения прагматизма, подаваемого сквозь призму высших ценностей, может не привести к неожиданным результатам. По

справедливому замечанию И.А. Ильина, «эстетический вкус, сам по себе, не может претендовать на верховенство в вопросах правосознания; научное мышление, само по себе, не в состоянии направлять государственного деятеля; и даже совесть может оставить в некоторой беспомощности того, кто ведет борьбу за право» [4, с. 212]. Мыслитель подчеркивает, что только «религия оказывается здесь в исключительном положении». Почему собственно ставится акцент на религии. Потому, отвечает мыслитель, что сила этой преданности бывает различной у разных людей; но только известная полнота ее дает возможность говорить о подлинной религиозности. Что можно подразумевать под подлинной религиозностью? Ильин замечает о последней как имеющей определенную жизненную ценность и притом такую, которая имеет оправдание пред лицом Божиим и потому вызывает в душе человека особое религиозное отношение.

Какое же чувство возникает у людей с отсутствием данных ценностных оснований, или чувство с противоположной указанной интенциональностью? Не про одних из этих субъектов указывает патриарх Кирилл, предстоятель Русской православной церкви: «Призываю Государственную Думу поставить законодательную преграду на пути финансовых спекулянтов подобного рода. Полагаю, что это абсолютно аморальная практика ростовщичества в самом хищническом своем проявлении ... Подобные «бизнесмены» не могут названы иначе, чем мироедами, своей жадностью подрывающие идею общественной справедливости», – заявил патриарх, выступая в Госдуме [11]. Или же не про других из этих субъектов указывает патриарх Кирилл, подчеркивая роль оснований и их **культурообразующее значение**: «Может быть, именно сейчас Всемирный русский народный собор (*имеется в виду девятнадцатый по счету*) в полной мере раскрывает свой потенциал как место встречи людей с разными политическими взглядами, но единых в отстаивании фундаментальных, базисных ценностей ... как залог и условие общенационального единства ... как создание единого общеобразовательного пространства, где разнообразие подходов в учебном процессе приемлемо лишь в том случае, если не разрушается единое целеполагание» [10].

Какие основания полагает человек в творческой активности, какое они играют культуурообразующее значение для него и окружающего его социума? ...такое формируется и следствие в виде устремленности и видения картины мира. В связи с чем патриарх Кирилл указывает: «Мы бьем тревогу именно потому, что учебники истории и литературы могут так воздействовать на сознание молодежи, что возникает угроза появления потенциальных гражданских противников уже в обозримом будущем» (там

же).

Отповедью к вышеуказанному замечанию, а именно, относительно вопроса касающегося воздействия со стороны учебной литературы, очень кстати состоялось, тремя годами ранее, первое пленарное заседание совещания «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества». На данном заседании освещалось, что религиозность не представляет «удел кучки маргиналов», но является социологическим фактом. Миллионы людей сегодня обращаются в поиске ответов на мировоззренческие и духовные вопросы, ответы на которые они находят в религии, в Церкви.

По мнению патриарха Кирилла, следовало бы четко разделять два подхода к данной ситуации в виде правового и социологического подхода, которые, в сущности, не противоречат друг другу, но являются взаимодополняющими.

1. С правовой точки зрения наше государство является светским и в нем действует принцип свободы совести и вероисповедания. Никто не вправе навязывать гражданам какое-либо мировоззрение, идеологию или религию.

2. С социологической же точки зрения мы не можем не видеть, что в обществе происходят определенные трансформации..., процесс возрождения религии, увеличения числа религиозных людей. Этот процесс касается не просто отдельных граждан и их убеждений – он касается культурной матрицы общества, которое находится на переходном этапе от эпохи жесткой секуляризации к новой эпохе, когда религия вновь приобретает значимость, становится актуальной, углубляя и укрепляя свою национальную и культурную традицию и стремясь обрести, в том числе, нравственную основу, смысл жизни.

Эту новую эпоху можно называть разными терминами, некоторые именуют ее «пост-секулярной», имея в виду, что жесткий и агрессивный секуляризм утрачивает доминирующие позиции в общественной и культурной жизни. По мнению же патриарха Кирилла, тему данного пленарного заседания следует обсуждать, исходя именно из такого видения: «**Теология в высшем учебном заведении**» [2].

Выводы. Исходя из такого решения проблемы мы можем говорить о формировании ценностно-ориентированной мировоззренческой установки, осуществляемого в процессе воспитания и образования подрастающего поколения. Фундирование данного основания, по нашему мнению, следовало бы начинать со школьной скамьи, как развитие подлинного, истинного человека, а не того, о чем справедливо замечено у одного из интереснейших мыслителей и родоначальников русской педагогики:

«Людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди» (Н.И. Пирогов). Последний замечал, что о необходимости нравственно-религиозных начал, которые являются определяющими в стремлении разрешить вопрос жизни о цели бытия. В связи с чем развитие в образовании философских и религиозных идей о единстве духовно-нравственного и социального аспекта развеивает «гибельный предрассудок о «внешней» природе права и государства» (И.А. Ильин).

Литература

1. Блок А.А. О литературе / Вступ. Статья Д.Е. Максимова; Сост. и примеч. Т.Н. Бедняковой. – М.: Худож. лит., 1980. – 350 с.
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» // Официальный сайт РПЦ. 28. 11. 2012 г. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html>.
3. Добролюбие: в 5 т. Т. I. – М., 1905. – С. 523. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hesychasm.ru/library/dobro/txt51.htm>.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания /Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: Парогъ, 1993. – 235 с.
5. Исаев В.Д. Современная проблема «священного» в свете посланий апостола Павла // Філософські дослідження : [зб. наук. праць / від. ред. В. Д. Ісаєв]. – Луганськ : СНУ ім. В. Даля, 2008. – Вип. 9. – С. 18-26.
6. Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева // Соловьев В.С. Сочинения. – С. 3-33.
7. Новгородцев П.И. Сочинения / Сост. Вступ. Статья и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. – М.: Раритет, 1995. – 448 с. (Библиотека духовного возрождения).
8. Палама Григорий. Триады в защиту священо-безмолствующих / Пер. с греч. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2011. – 279 с.
9. Паскаль Б. Мысли (о религии); 2-е изд., исправленное. – М.: Книга по требованию, 2012. – 278 с.
10. Патриарх Кирилл возглавил открытие XIX Всемирного русского народного собора // Официальный сайт РПЦ. 10.11.2015 г. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4267475.html>.
11. Патриарх Кирилл предложил запретить микрозаймы и создать банк для бедняков // Международная информационная группа «Интерфакс» От 26.01.2017. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.interfax.ru/business/547084>.
12. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т./ [сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др.]. – М.: Мысль, 1988. – Т.1. 1988. – 892 с.
13. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 656 с. (Серия «Слово о сущем»).

Kobylkin D.S. BASES AND THEIR ROLE IN SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AND SOCIAL DEVELOPMENT OF THE PERSON, SOCIETY AND STATE

In this study the analysis is devoted to the problem of morality and the process of external organization, which represent dialectics development of the individual in relation to the value aspect of modern society. Special attention is paid to identifying the antagonism of individual freedom. It affects the awareness of the full life of the subject, the harmony of his outer and inner man affecting the awareness of the full life of the subject, the harmony of his external and internal human. It acts as a factor in the preservation and development of the values of the «spiritual essence» of human over his «space-corporeal».

Key words: moral aspect, reconciliation, russian spirit, spiritual basis, law, state.

Кобылкин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 316.4.063

Серикова Т.Е.

МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

В статье основное внимание концентрируется на сложных моральных дилеммах, возникающих в сфере оказания медицинских услуг в результате активного внедрения инновационных технологий. Особое внимание уделяется биотехнологиям, получающим все большие возможности для применения в лечебных учреждениях. Акцентируется внимание на том, что весь комплекс передовых научных разработок дистанцирует врача от пациента, снижая уровень его моральной ответственности за результат, делегируя ее абстрактной техносфере.

Ключевые слова: мораль, инновации, биотехнологии, медицина, врач.

Сегодня в эпоху бурного развития различного рода технологий, активного внедрения роботизации, нам представляется, нет необходимости обосновывать тезис о том, что человечество и мир в целом стоят на пороге колоссальных перемен. Грядет смена

традиционных, устоявшихся образцов, стандартов и принципов жизнедеятельности практически всех социальных институтов. И, как нам кажется, последствия данных трансформаций, их влияние на морально-этические принципы миропорядка до конца не определены и не оценены, продолжая выступать предметом дискуссий со стороны представителей интеллектуальной элиты.

В данной связи хотелось бы заострить внимание на изменениях, инициированных техноинновациями, которые могут коснуться и уже оказывают прямое и косвенное воздействие на один из самых консервативных социальных институтов, оценивающийся в обществе по высокой планке нравственных требований, – медицину. Безусловно, отрицать огромные достижения медицинской науки в плане оказания помощи, лечения и профилактики всевозможных заболеваний, улучшения качества жизни представителей определенных социальных групп, предупреждении множества осложнений от различного рода недугов не имеет смысла. Биотехнологии, компьютерные технологии, развитие робототехники, разработки генной инженерии, терапия с использованием стволовых клеток создали и продолжают создавать громадные возможности для медицины. И вместе с тем проблемы морального плана, актуальность изучения изменений, которые происходят в этике оказания медицинских услуг в результате давления техносферы, не уходят с повестки дня, а по ряду направлений только лишь обостряются.

Симптоматично, что, несмотря на сохраняющийся в постсоветских государствах дефицит проработок, касающихся взаимовлияния технологических инноваций и этических аспектов медицины, за последнее время внимание к анализу последствий влияния той же биотехнологической революции на медицинскую сферу становится осязаемым. Так, например, на одной из недавних представительных социологических конференций («VII международная социологическая Грушинская конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», апрель 2017, г. Москва) были заявлены сразу несколько тематических докладов в данном проблемном ключе, а именно: А.Ф. Сокол, Р.В. Шурупова «К обоснованию клинической социологии врача и пациента как системы формирования личности врача будущего» [1], М.Г. Бурлуцкая, Л.Е. Петрова «Будущее медицины и здравоохранения: противостояние технократизации и гуманизации?» [2].

Цель статьи заключается в оценке моральных аспектов современной медицины в условиях ее кардинальных реформаций под влиянием технологических нововведений.

Медицинские инновации, как правило, достаточно активно и

широко обсуждаются, поскольку затрагивают интересы практически всех индивидов. Моральные же аспекты полемики зачастую концентрируются вокруг финансовых вопросов, а также степени доступности различного рода медицинских услуг. Также и критерии оценки успешности деятельности системы здравоохранения, отдельных лечебных учреждений фиксируют в основном количественную сторону: степень освоенности финансовых средств, оснащенность передовым оборудованием, цифры, демонстрирующие число проведенных обследований и операций.

Первоначально охарактеризуем ряд общих проблемных моментов, возникающих в системе оказания медицинской помощи, под влиянием инновационных разработок:

- по сути, сегодня медицина как социальный институт приобретает новые функции, т.е. она выступает своего рода проводником значительного числа передовых технологических разработок «в дальнейшую жизнь». Практически все био-, нано-, компьютерные, электронные, генные и т.д. технологии направлены (во всяком случае так представляется) на улучшение, усовершенствование, облегчение жизни человеческого организма. Поэтому значительная часть инновационных разработок проходят апробацию именно в медицинской сфере, а в последующем могут быть с успехом применены в других отраслях;

- заметно ощущается гигантский разрыв между научной, экспериментальной, передовой и, так сказать, «повседневной» медициной. Конечно, в большинстве своем новые технологии, демонстрируемые в качестве образцов инновационных разработок, носят исследовательский характер и, как правило, используются на уровне единичных специализированных центров. Наряду с этим очевидна полная неготовность медицины в ее обычном, традиционном понимании к более широкому, повсеместному внедрению различного рода технологических инноваций. Так сложилось в результате того, что сфера здравоохранения (особенно региональная, отдаленная от крупнейших мегаполисов) испытывает определенные многолетние сложности с финансированием, поставками высокотехнологического оборудования, разного рода оснащенностью. Имеет место тенденция, в рамках которой внедрение технологических разработок в медицину – это своего рода усугубление и без того уже существующей жесткой стратификации и сегментации, как для медиков, так и для пациентов. Моральная ущербность такой иерархизации и, по большому счету, социальной несправедливости в сфере медицины, очевидна;

- стремительное развитие и внедрение инновационных разработок, особенно биотехнологического характера, вызовет в последствии (и

вызывает уже сейчас) отставание кадрового потенциала медиков. Понятно, что для успешного, корректного лечения (или профилактики) с использованием технологических инновационных методов нужны грамотные, высококвалифицированные специалисты, которых, как нам представляется, не так уж и много. К тому же такого рода подготовка и постоянная переподготовка требует ощутимых материальных затрат, ставя перед медицинскими работниками проблемные задачи, которые неизбежно вторгаются в сферу сложных моральных дилемм;

- с морально-этических позиций, в связи с технологизацией процессов диагностики и лечения врач во многом утрачивает свои традиционные функции. Перспективы выглядят таким образом, что со временем большинство медицинских работников будут «наладчиками» или «настройщиками» определенных компьютерных программ, электронных и биомеханизмов по «починке» организма человека.

В сложившихся условиях значение фактора моральной ответственности лечащего врача за результат снижается, рассредоточиваясь, переадресовываясь технологическому оборудованию и тем же компьютерным программам обработки данных. Многие из нас сталкивались с практикой апелляции работников здравоохранения к авторитету диагностических приборов, равно как и с неоднократным перепоручением своих прямых функциональных обязанностей им же. В период, когда активно обсуждаются и апробируются технологии обновления органов, по сути своей напоминающие сборку детского конструктора «лего», уровень технологизации мышления, умений и навыков врача будет еще более повышаться, а, следовательно, «инженерная» составляющая его образования и деятельности увеличиваться, скорее всего, в ущерб гуманитарной, моральной.

В нынешних условиях практически весь медицинский персонал вовлекается в перманентный и тотальный технологический процесс. В последствии значительная часть врачебных специализаций вообще могут прекратить свое существование, особенно что касается отдельных традиционных способов лечения и профилактики. А с учетом разработанных и проходящих испытания чипов, с помощью которых большая самостоятельно сможет диагностировать состояние здоровья, оценивать риски возникновения различных заболеваний, рецидивы болезней, подбирать лекарства, определять курс лечения и осуществлять другие мероприятия, традиционно относящиеся к системе здравоохранения, возникает в принципе вопрос о необходимости врача в привычном для нас значении как такового.

При сопоставлении моральных аспектов в рамках

функционирования медицины как социального института с результатами технологического развития естественно необходимо особое внимание уделить значению биотехнологической революции. Стало общим местом упоминать о вклинивании человеческого разума в собственный генокод и возникающий на данной почве сонм проблем этического содержания. Речь идет о возникновении и стремительном конфигурировании медико-биологического комплекса, в недрах которого становится возможным технологическое конструирование физических, физиологических, эстетических, а теперь уже и, возможно, этико-психологических параметров человеческой особи.

В качестве примера перспективных проблем, имеющих прямой выход на глобальный общественный уровень нравственного порядка, укажем на пагубные последствия для моральной сферы в режиме взаимодействия «врач-пациент» и еще шире «врач-пациент-общество», которые неизбежно возникнут при широком внедрении заявленных технологических инноваций, связанных со сферой сознания, эксперименты по управлению и контролю за памятью. В частности, не так давно открыто было заявлено о разработках, позволяющих стирать воспоминания [3]. Подобного рода практики не новы, но, пожалуй, впервые им придется характер обыденной, бытовой новости. Кроме всего прочего, развитие и закрепление приемлемости технологической процедуры «перезаписи сознания» подобно компьютерному диску может означать легкий способ аннулирования не только негативных воспоминаний, порождающих фобии, но и, например, фактов бытовой и профессиональной жизнедеятельности, воспроизводящих, что называется, «муки совести». Моральные переживания стыда, тем более беспокоящего, сильного характера будут доступны для «удаления», наполняя сознание преимущественно приятными мыслями. На смену популярным антидепрессантам таким образом придут услуги по своеобразному обновлению памяти, что «облегчит» моральный выбор врачей, специализирующихся в области психиатрии. Даже гипотетическое допущение широкого применения таких нововведений позволяет говорить о возникновении принципиально иного общества, в котором морали в ее привычном на сегодняшний день виде может не найтись места.

Бурное развитие медицинских технологий и опять-таки, прежде всего, биотехнологий еще более обостряет противоречие между нравственной стороной профессии медика и экономическим эквивалентом по сути уже не столько лечебной, сколько производственной деятельности.

Отмеченные выше достижения по расшифровке и последующей коррекции генокода человека и белкового кода (например,

международный проект «Протеом»), а также внедрение разного рода биотехнологий для лечения, диагностики и профилактики заболеваний существенным образом усугубляет нынешнюю тенденцию экономизации медицины. Та самая гуманитарная ткань, которая была присуща медицине ранее, продолжает истончаться все больше и заметнее. Организация медицины по принципу замкнутого производственно-технологического комплекса с неизбежностью начинает воспроизводить целевые параметры, присущие именно индустрии, нежели гуманной ориентированной профессиональной деятельности медиков.

Примечательно, что в фигурирующей на сегодняшний день, так называемой «цветовой» классификации биотехнологий именно «красная» биотехнология, т.е. биотехнология, связанная с «обеспечением здоровья человека и потенциальной коррекцией его генома, а также с производством биофармацевтических препаратов (протеинов, ферментов, антител)» по показателям семилетней давности занимала 60% мирового производства [4]. Сейчас, по всей видимости, доля «красной» биотехнологии возросла. Для примера: следующая по производственной значимости «белая» биотехнология, ориентированная на производство биотоплива, биотехнологии в пищевой, химической и нефтеперерабатывающей промышленности составляла в 2010 году 28% мирового производства, а «зеленая», связанная с разработкой и созданием генетически модифицированных растений, которые были бы устойчивы к биотическим и абиотическим стрессам лишь 12% [4].

Подавляющее влияние экономических факторов на применение передовых биотехнологических разработок в медицине, их превалирование над традиционными целями хорошо иллюстрирует рекламируемая в качестве одной из наиболее передовых технологическая платформа «Медицина будущего». На ее сайте представлен более чем красноречивый эпиграф: «Инновации – способ превратить научные знания в деньги. Наибольшая эффективность такого превращения может достигаться в сфере биомедицинских наук» [5]. В качестве же первоочередной задачи (всего их сформулировано шесть) деятельности инновационной платформы указывается необходимость «сформировать контактную площадку, создать условия и формат для эффективного взаимодействия участников медицинского и фармацевтического секторов экономики, в том числе бизнеса, науки и государства» [5]. Лишь в последней шестой задаче сформулированы конкретные социально направленные ориентиры данной платформы, в частности, указано на необходимость «вывести научные знания в область новых прорывных технологий для медицины, обеспечивающих снижение смертности,

заболеваемости, увеличение продолжительности и качества жизни, рост численности населения России» [5].

В этой связи выглядит вполне корректной постановка ключевой моральной проблемы на стыке взаимодействия «медицина» – «инновационные технологии»: не формируется ли на базе самых передовых достижений замкнутый цикл повсеместной зависимости человека от медико-биологического производственно-внедренческого комплекса, тем самым сводя и без того ограниченные границы индивидуальной свободы фактически к нулю.

Выводы. Широко внедрение и использование технических инноваций в лечебном и диагностическом процессах является дополнительным фактором экономизации прагматизации медицины, способствует превращению ее в сверхприбыльный производственный бизнес. В связи с этим в медицинской сфере отмечаются определенные изменения в морально-ценностном отношении. Традиционная личностно ориентированная, сострадательная в некотором смысле даже духовная направленность профессиональной деятельности медика в настоящее время исчерпывается и вытесняется в значительной мере технологической составляющей. В складывающихся условиях клятва Гиппократа превращается скорее в ритуал, который утратил свою изначальную смысловую нагрузку. Врач сегодня больше не является своего рода «духовником», к которому люди обращались со своими деликатными и интимными проблемами. Он все чаще выполняет роль, по большому счету, посредника между техникой и больным. Персонал лечебных учреждений постепенно модифицируется в инженеров и фиксаторов результатов сложных приборов, вынужден преимущественно работать и «разговаривать» с техническими устройствами, а не с пациентами. Принимая во внимание активно набирающие темпы роботизации медицины, обостряется вопрос о необходимости традиционного врача как такового. Возможно, все ощутимее будет проявляться тенденция трансформации профессии врача в специалистов по настройке и программированию роботов, настроенных на выполнение определенных лечебных функций, тем самым, подготавливая почву для окончательной утраты значимости моральных и личностно-коммуникативных оснований для непосредственной «лекарской» профессиональной деятельности.

Значение моральных аспектов применения самых передовых технологических разработок возрастает в связи с включением в медицинскую практику прорывных биотехнологических инноваций, позволяющих конструировать практически все параметры индивида,

включая и его сознание. Общество перешагнуло грань природной предопределенности, поставив под сомнение основополагающие моральные принципы и постулаты, нарушив табу и бросив вызов самому себе.

Литература

1. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. К обоснованию клинической социологии врача и пациента как системы формирования личности врача будущего // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15-16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. 1862 с.

2. Бурлуцкая М.Г., Петрова Л.Е. Будущее медицины и здравоохранения: противостояние технократизации и гуманизации? // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15-16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. 1862 с.

3. Ученые научились «стирать» плохие воспоминания : [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/world/20140429/1005970748.html> (дата обращения 15.03.2017).

4. Анализ современного состояния биотехнологической отрасли в мире : [Электронный ресурс] – URL: http://www.cleandex.ru/articles/2010/04/27/biotechnology_world_market_analyze (дата обращения 04.04.2017)

5. Технологическая платформа «Медицина будущего». : [Электронный ресурс] – URL: <http://tp-medfuture.ru/aboutus/> (дата обращения 18.05.2017)

Serikova T.E. MORAL ASPECTS OF THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF MODERN MEDICINE

The article focuses on the complex moral dilemmas that arise in the sphere of rendering medical services as a result of the active introduction of innovative technologies. Particular attention is paid to biotechnologies, which are increasingly available for use in hospitals. Attention is focused on the fact that the whole complex of advanced scientific developments distances the doctor from the patient, reducing the level of his moral responsibility for the result, delegating it to the abstract technosphere.

Key words: *morality, innovations, biotechnologies, medicine, doctor.*

Серикова Татьяна Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.752:2

Шелюто В.М.

МЕСТО И РОЛЬ САКРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена проблеме безопасности социального пространства. В ней на различных примерах, в том числе и из истории Советского Союза и современной Украины, говорится о том, что зачастую неправильно выстроенная система сакральных ориентиров, приводит к разрушению социального пространства и распаду государственности. В статье подчёркивается важнейшая роль религиозных и исторических сакральных ценностей в формировании социально безопасного пространства. Автор отмечает, что безопасность социального пространства будет обеспечена лишь тогда, когда будут найдены наиболее эффективные методы разрешения реальных проблем, стоящих перед современным обществом. Он подчёркивает, что устремлённость, благодаря сакральному началу, человеческой личности и народа в вечность, должна одновременно способствовать движению индивида, общества и государства во времени по пути дальнейшего развития. Если сакральное начало блокирует прогрессивные тенденции развития общества, то возникает явная диспропорция между высокой духовностью и низким уровнем жизни, образования, слабой экономикой.

Ключевые слова: *сакральное, социальное пространство, исторический процесс, религия, политическая идеология, социальный конфликт.*

Формирование концепции безопасности социального пространства совершенно необходимо как для каждого государства, так и в общемировом масштабе. Нынешняя общественно-политическая ситуация в мире свидетельствует о том, что концепции безопасности социального пространства, выработанные после Второй мировой войны государствами-

победителями, не всегда эффективно работают в современных условиях. За годы, прошедшие после Ялты и Потсдама, коренным образом изменилась политическая карта мира. На рубеже тысячелетий мировая цивилизация столкнулась с новыми вызовами, ответ на которые со стороны многих современных государств зачастую не является адекватным. Особую сложность представляет собой формирование концепции безопасности социального пространства тех государств, в которых осуществляется переход от тоталитарных и авторитарных политических режимов к демократии. Следует отметить, что во многих мировоззренческих системах демократия не рассматривается как панацея от всех бед. Более того, в классической древнегреческой философии она считается одной из «худших» форм правления. Сакрализация парламентской демократии в её классическом варианте происходит исключительно в контексте европейской и американской общественно-политической мысли Нового времени. «Неклассическое» понимание демократии характерно для концепции современного глобализма. Согласно концепции глобализма демократический строй, в конце концов, должен утвердиться во всём мире. И вот тогда, как считает Ф. Фукуяма, должен наступить «конец всемирной истории». Однако о нём Ф. Фукуяма говорит без особого оптимизма: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчёт, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [1, с. 148].

Проблеме места и роли сакральных ценностей в жизни общества немалое внимание уделяли в своих работах философы Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев; зарубежные мыслители, в частности, М.Элиаде, Э.Дюркгейм, М. Мосс, Р. Жирар, Ж. Батай, М.Шелер, Р.Дж. Коллингвуд, а также современные исследователи Н.А. Хренов, С.М. Климова, С.П. Батракова, Ф.В. Тагиров, В.В. Токман, В.Д. Исаев и др.

Как показывают события конца XX – начала XXI века, в некоторых странах переход от недемократических к демократическим формам политического режима приводит не к торжеству демократии, а к разрушению самих основ государственности. В результате возникают «неоформленные территории», которые дробятся на мелкие образования, пребывающие в длительном конфликте друг с другом. Состояние, в котором пребывают такие государственные образования, можно охарактеризовать как «управляемый хаос». В такой политической ситуации

никто из граждан этих государств не чувствует себя в безопасности. Некоторые политические режимы, порождённые «цветными» революциями, официально объявляют себя демократическими. Однако в силу воздействия неблагоприятных внешних и внутренних факторов они представляют собой превращённые формы демократии, которые одновременно совмещают в себе элементы как тоталитаризма и авторитаризма, так и анархии. Торжествующий глобализм часто не принимает во внимание то, что в силу исторического развития того или иного народа, культурные, религиозные и государственные традиции, складывающиеся на протяжении веков и тысячелетий, плохо вписываются в данную доктрину. Экспорт ценностей «свободного мира» во многие страны зачастую приводит к разрушению не только системы безопасности социального пространства данного государства, но и безопасности всей планеты Земля. Это выражается в длящихся десятилетиями локальных конфликтах, непрекращающихся терактах, массовой миграции населения, а также большом количестве человеческих жертв социально-экономических и экологических катастроф, в разрушении основ традиционной государственности, пусть и не демократических, но некогда процветающих стран. Яркими примерами превращения вполне благополучных государств в «неоформленные территории» являются примеры Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, Йемена. В определённой степени это свойственно и некоторым государствам, образовавшимся на постсоветском пространстве. Тяжело преодолеваемые внешнеполитические и внутриполитические трудности, возникающие на пути к установлению в этих странах демократии западного образца, фактически сводят на нет те усилия, которые прилагаются для того, чтобы усовершенствовать политическую систему общества, преобразовать на основе рыночных отношений экономику, установить принцип верховенства права.

В самом начале независимого существования в ряде государств СНГ, вследствие неправильно выстроенной национальной и гуманитарной политики, возникли острые межнациональные конфликты, повлёкшие за собой тенденцию к полураспаду некоторых государств и «управляемому хаосу» на этих территориях. С подобным конфликтом, причём в наиболее острой форме, столкнулось и государство Украина. В ходе переворота в Киеве, совершённого в феврале 2014 года, который новые власти Украины называют «революцией достоинства», безопасность социального пространства этой страны была существенно подорвана. «Дремавшие» длительное время конфликты перешли в открытую фазу. В отличие от многих бывших республик Советского Союза, столкнувшихся с острыми внутренними и межнациональными конфликтами ещё в «лихие» 90-е,

Украина тогда смогла их избежать. Однако и стабильного, социально безопасного пространства молодое независимое государство, тоже не обрело. Конфликтность внутри украинского общества долгое время пребывала в «бескровных» формах. Однако кризисные тенденции украинского общества, тем не менее, продолжали нарастать, что, в конечном счёте, и вылилось в «померанчевую революцию» 2004-2005гг. С того времени, как политическая власть была сосредоточена в руках лиц, являющихся приверженцами системы ценностей, сформированной в наиболее «свидомых» западноукраинских регионах, существенным образом стала изменяться система социально-политических и культурных ориентиров всего украинского общества. Но даже в этом случае конфликта в «жёсткой» форме между регионами удалось избежать. Хотя президент В.А.Ющенко всячески способствовал утверждению идеологии интегрального национализма на всей территории Украины, однако он и не проводил политики репрессий по отношению к тем, кто к этим ценностям относился без особого пиетета. Правда, периодически в кулуарах парламента Украины шли разговоры о люстрации по политическим мотивам в отношении лиц, сотрудничавших с коммунистическим режимом. Однако они оставались нереализованными проектами некоторых националистически настроенных депутатов. Приход к власти следующего президента В.Ф. Януковича означал, что власть переходит к представителям другого региона – Донбасса, на этот раз менее «свидомого». Для многих жителей Украины это означало, что о «завоеваниях» «померанчевой революции» следует забыть. Созданная в Украине, как и в некоторых других постсоветских республиках, олигархическая система, не способствовала ни экономическому росту, ни решению острых социальных проблем. Всё это явно осложняло нестабильную политическую ситуацию, сложившуюся в стране, и привело, в конечном счёте, не без вмешательства иностранных «архитекторов» демократии, к новой «цветной» революции. Именно тогда и произошло серьёзное нарушение системы безопасности социального пространства Украины, выстроенной на сложной системе сдержек и противовесов. В ходе «майданного» противостояния украинское общество разделилось на две примерно одинаковых части. Одна часть поддерживала майдан, другая же была либо изначально негативно к нему настроена, либо была к нему равнодушна. Исходя из того, что обе части украинского общества чётко зафиксировали свои позиции, а значит и свои сакральные ценности, наступил глубокий раскол этого общества на «майдан» и «антимайдан». После победы майдана, та часть общества, которая отрицательно относилась к нему, оказалась в ситуации проигравшей со всеми

вытекающими отсюда последствиями. Ценности, провозглашённые майданом, были сакрализированы новыми властями. С «Третьей украинской республикой» могли полностью ассоциировать себя только те, кто во время упомянутых событий поддерживал победившую сторону. Те, кто были настроены против майдана, или, воздержались от его поддержки, почувствовали себя изгоями, поскольку новая власть в своих первых действиях стала руководствоваться принципом: «Кто не за нас, тот против нас». Некоторые из побеждённых сдались на милость победителям, другие же остались при своём мнении. Подобный разброд в умах наступает после любой революции, которая зачастую влечёт за собой гражданскую войну. Так, например, когда власть в 1917 году захватили «красные», в противовес им возникло «белое» движение. Сложившаяся после майдана политическая ситуация вызвала явные центробежные тенденции в украинском обществе. В отдельных регионах, например, в Одессе, эти тенденции были подавлены путём открытого насилия, в других, они получили развитие, что и привело, в конечном счете, к провозглашению народных республик Донбасса.

Таким образом, возникшая после майдана политико-правовая ситуация чётко разделила украинское общество на «наших» и «не наших». Тем самым был нанесён сокрушительный удар по возможной перспективе «бескровного» восстановления безопасности социального пространства этой страны в ближайшее время. На заседании Верховной Рады 16 сентября 2014 года был принят закон № 1682-7 «Об очищении власти» (закон о люстрации), а 9 апреля 2015 парламент принял закон № 317-8 «Об осуждении коммунистического и национал-социалистского (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». Данные нормативные акты имели ярко выраженный политический характер и ясно обозначили тенденцию дальнейшей эволюции законодательства Украины. Принятие таких законов не содержало серьёзного юридического обоснования и проводилось под сильным давлением со стороны праворадикальных групп. Однако только люстрацией и «декоммунизацией» украинские парламентарии не обошлись. Работа над осложняющими проблему безопасности социального пространства Украины законами продолжается и в настоящее время. Время от времени предпринимаются попытки углубить раскол в украинском обществе ещё и по религиозному признаку. На территории Донбасса, вот уже на протяжении 3 лет идёт АТО, проводится экономическая и транспортная блокада этих территорий. Вряд ли политика «партии войны» будет в ближайшее время способствовать восстановлению безопасности социального пространства Украины. Кроме всего прочего, надо учитывать и то, что майдан выступал под лозунгами борьбы с олигархией и

коррупцией. Поскольку эти требования и сейчас остаются практически нереализованными, то угроза социальной безопасности «Третьей украинской республики» исходит не только со стороны тех, кого нынешние власти именуют «сепаратистами» и «террористами» Донбасса. Она исходит и со стороны радикальных националистических групп, перехвативших инициативу у деградировавших или запрещённых в Украине левых партий.

Межнациональные и «межрегиональные» противоречия налагаются на множество других факторов, стимулирующих процессы деградации государственных и общественных структур. К числу таких факторов относятся: глубокий экономический и социально-политический кризис; отсутствие обоснованных перспектив дальнейшего развития государства и общества; несоблюдение элементарных прав человека; торжество насилия и террора; стремление радикалов и ультранационалистов поставить под контроль власть; анархия и безнаказанность в правовой сфере; тотальная коррупция, разлагающая властные структуры; утрата государством монополии на применение насилия и т.д. Также следует отметить и геополитические факторы, которые зачастую являются катализаторами разрушительных процессов. Перечисленные негативные реалии, сложившиеся в начале XXI века, характерны не только для современной Украины. Они свойственны и для стран, образовавшихся на территории бывшей Югославии. В результате распада этой крупной и процветающей страны, сопряжённого с большой кровью, возникли семь мелких государств, пребывающих друг с другом в конфликтных отношениях. Характерны они и для многих современных арабских стран, государственность которых фактически была превращена в руины в ходе «арабской весны». Социальное пространство указанных территорий оказалось объектом многочисленных угроз, исходящих как изнутри, так и извне, поскольку нестабильная ситуация в этих странах всячески стимулируется ведущими мировыми державами. Арабские государства также становятся объектом агрессии со стороны многочисленных террористических организаций, которые стремятся навязать населению этих стран принципы и ценности исламского фундаментализма, непосредственно прибегая к открытому насилию.

Формирование современной концепции безопасности социального пространства предполагает обращение к тем ценностям, которые изначально лежат в основе существования данного общества и государства. Это, прежде всего, сакральные ценности, проверенные временем. Они содержатся в религиозной традиции, культуре и языке народа. Сакральные ценности проявляются также в произведениях классической литературы и искусства, составляющих золотой фонд культуры каждого народа. К числу

сакральных относятся и ценности, имеющие социально-политический характер, в частности, те, которые формируют основы политической и правовой культуры различных стран. Они выступают на протяжении исторического процесса в качестве несущих конструкций государственности того или иного народа. Для обеспечения безопасности социального пространства должен сохраняться определённый баланс между вечными, а потому и устойчивыми и консервативными по своему характеру сакральными ценностями, которые в сложных, кризисных ситуациях всячески стабилизируют общество, и теми экономическими и общественно-политическими факторами, которые, наоборот, способствуют динамике социально-экономического развития. Нарушение этого баланса, в одном случае, приводит к серьёзным экономическим и политическим катаклизмам – войнам, революциям, государственным переворотам, экономическому и экологическому кризису. В другом случае, общество и государство могут погрузиться в глубокий застой с последующей экономической и политической деградацией. Явный перекос в сторону статики или динамики, как правило, приводит к тяжёлым последствиям. Он может привести к социальному взрыву и разрушению государства. Ярким примером проявления этой тенденции является распад Советского Союза, из которого на протяжении многих лет «застоя» создавалась видимость образца стабильности. Другой пример – современная Украина, сотрясаемая каждое десятилетие «цветными революциями». Хотя эти революции кардинальным образом ничего существенно не изменили в олигархической системе власти этой страны, они создали ситуацию нестабильности во всех сферах жизни общества, вызвали к жизни радикальные правые группировки, способствовали эрозии единого правового пространства этой страны.

На разных этапах исторического развития социума сакральное начало может быть представлено различными типами. В традиционных обществах, существующих на основе религиозной культуры, сакральное представлено одухотворено-натуралистическим, имматериально-духовным и, мистико-трансцендентным типами [2, с.5]. В секуляризированной культуре XX–XXI веков преобладает социогенотеистический тип сакрального, который может находиться по отношению к традиционной религиозности в жёсткой оппозиции. В наиболее концентрированной форме социогенотеистический тип сакрального заявляет о себе в политических идеологиях.

Политические идеологии в конце XIX – начале XX века стремятся занять то место, которое во все предшествовавшие эпохи безраздельно занимала религия. Как отмечает М. Элиаде: «Современный нерелигиозный человек принимает для себя новую ситуацию существования: он считает

себя единственным субъектом и объектом Истории и отрицает всякое обращение к Всевышнему. Иначе говоря, он не признаёт никакой модели человечества, выходящей за рамки того положения человека, какое может быть выведено из анализа различных исторических ситуаций. Человек формирует себя сам, причём тем больше, чем больше удаляется он от священного, чем полнее десакрализирует мир» [3, с. 126]. Поэтому сакральное для нерелигиозного человека выступает как главное «препятствие на пути к свободе» [3, с. 126]. Однако «современный человек, чувствующий себя неверующим, обладает всей скрытой мифологией, а также множеством деградировавших обрядов» [3, с. 127]. В силу этого, некоторым политическим идеологиям свойственны квазирелигиозные установки консервативного характера, такие как признание священного права частной собственности, провозглашение возврата к древним языческим традициям, связанным с «кровью и «почвой», обожествление государства. Другие политические идеологии, наоборот, способствуют сакрализации процесса радикального преобразования общества на основе принципа социальной справедливости, вплоть до уничтожения не только права частной собственности, но и «отмирания» самого государства. Несмотря на существенную разницу в понимании сакрального в религии и политической идеологии, возможность диалога между ними остаётся открытой даже в самых сложных случаях. В качестве примера можно привести встречу лидера Советского государства И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви, состоявшуюся в 1943 г. Советский вождь понимал, что сакральный потенциал православия, формировавшийся на протяжении тысячелетий, значительно выше сакрального потенциала коммунистической идеологии, оформившейся в последовательное учение сравнительно недавно. Сакральное социогенотеистического типа, содержащееся в данной идеологии, оказалось явно недостаточным для того, чтобы сохранить единство государства и народа в той сложной политической ситуации, которая возникла в ходе Великой Отечественной войны. Поэтому обращение к традиционным сакральным ценностям православия было жизненно необходимо и для сохранения Советского государства, несмотря на господствующую в стране атеистическую идеологию.

В конце XX – начале XXI века происходит деидеологизация западного общества. В этом случае наблюдается явная деградация представлений о сакральных ценностях, которая вообще свойственна ситуации постмодерна. В общественном сознании современного западного человечества происходит «фрагментация» целостных сакральных комплексов, связанных не только с традиционной религией, но и с политической идеологией. В

посткультуре происходит эклектичное соединение разнородных элементов сакрального, взятых из различных мировоззренческих систем.

Тотальное господство традиционных сакральных ценностей, непосредственно связанных с религией, способствует сохранению у некоторых современных народов средневекового менталитета. Это показательно, в первую очередь, для ряда мусульманских государств, в частности, Саудовской Аравии и княжеств Персидского залива. Несмотря на научно-технический прогресс, народы этих стран и в XXI веке стремятся жить по законам шариата. Если в исламском мире существование фундаментализма представляется возможным и сегодня, то в странах, где население, так или иначе, связывает себя с христианской традицией, подобный мировоззренческий консерватизм практически невозможен. В связи с явным ослаблением религиозных чувств у жителей этих стран, приобщение к сакральным ценностям зачастую происходит благодаря литературе, искусству, философии, истории и другим гуманитарным наукам. Приобщение к миру сакральных ценностей в современном мире происходит в результате перекодировки в сознании религиозной составляющей сакрального в эстетическую. Такое сакральное воздействует на мировоззрение современного человека уже не через религиозную обрядность и молитвенную практику, а опосредованно, через произведения философии, литературы и искусства. Благодаря этому воздействию происходит облагораживание души человека, что способствует развитию духовного вектора человеческой личности. Подобный характер приобщения человека к сакральным ценностям возможен даже для атеистического общества. В советский период приобщение человека к сакральным ценностям христианства, зачастую шло в процессе изучения на уроках литературы творчества великих русских писателей А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Именно обращение к творчеству великих писателей и воспитание подрастающего поколения на примерах классической литературы способствовало обеспечению духовной безопасности социального пространства в Советском Союзе. Альтернативная точка зрения радикальных литературных группировок, таких как «Пролеткульт», РАПП, ВАПП и др., в конечном счёте, была отвергнута властью. Это было исключительно важно для сохранения безопасности социального пространства Советского государства. Нигилистическая позиция «пролеткультистов» по отношению к достижениям всей предшествующей культуры, могла бы нанести непоправимый вред духовному и моральному состоянию общества, привести к разрушению связи времён в истории и, в конечном счёте, превратить советских граждан в «Иванов, не помнящих родства». В

ситуации угрозы войны, когда СССР представлял собой осаждённую крепость, такая идеологическая позиция, могла бы привести к катастрофическим последствиям. «Выбросить Пушкина с парохода современности», как это предлагали революционно настроенные радикалы, означало разрушить безопасность социального пространства страны путём тотальной десакрализации. Поэтому даже в 1937 году, когда достигли своего апогея массовые репрессии, стало выходить первое в истории страны Полное собрание сочинений А.С.Пушкина – национального поэта России.

Данный пример свидетельствует о том, что никакое общество, в том числе и самое атеистическое, не может полностью пребывать вне поля сакрального. Полный отказ от сакрального означал бы отказ от символического творчества и падение общества в хаос. Ведь человек, согласно Э. Кассиреру, является существом «творящим, созидующим символы». Немецкий философ-неокантианец пишет: «Вместо того, чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым, и понять новый путь, открытый человеку, – путь цивилизации» [3, с. 472]. Чтобы обезопасить социальное пространство от хаоса, человек создаёт защитные стены символов, которые представляют собой религию, литературу, искусство, науку. Сакральная символика, связанная с религией, играет в этом процессе исключительно важную роль. Без необходимой постоянной подпитки из религиозных источников уровень и содержание сакрального в культуре может снижаться до критической точки, пройдя которую, культура деградирует и исчезает. Сакральное может приобретать и извращённые по отношению к религиозной традиции формы, вплоть до «инфернального», как это, например, было свойственно идеологии Третьего Рейха. В какую сторону направлен вектор сакрального, туда и будет двигаться общество. Яркими примерами «расходящихся тропок» является безапелляционная сакрализация личности политических вождей. Так, например, В.В. Маяковский сакрализирует фигуру В.И.Ленина: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» [4, с. 234]. А вот поэт периода перестройки, И. Тальков выносит о вожде мирового пролетариата прямо противоположные суждения: «Но не предан земле тиран, Объявивший войну стране, И не видно конца и края этой войне» [5, с. 277]. Нынешние украинские радикалы-националисты на своих факельных шествиях скандируют: «Бандера придёт – порядок наведёт». Тогда как для подавляющего большинства жителей Донбасса фигура этого политического деятеля категорически неприемлема.

Сакральное, связанное с православной традицией, на протяжении многих веков определяло общую направленность развития культуры восточнославянских народов. Как показала история, попытка его фундаментальной замены, предпринятая большевиками, не оправдала себя. Политическая идеология, как бы обоснована она не была, содержит в себе меньший потенциал сакрального, нежели религия. Поэтому она не может длительное время служить вектором развития культуры народа. Как показала отечественная история, именно сакральное, содержащееся в недрах православного христианства, является мощным фактором обеспечения духовной безопасности восточнославянских народов. В противном случае, внутри славянского мира возникают конфликты на социальной и национальной почве. Именно сакральные основы религии и культуры способны как стимулировать дальнейшее развитие общества, так и, наоборот, блокировать негативные тенденции, ведущие общество к деградации и разрушению.

Важнейшую угрозу для безопасности социального пространства несёт в себе «война символов». В символах государства выражена всеобщая связь между фундаментальной сакральной идеей и ее конкретными проявлениями в той или иной стране. Государственный или религиозный символ концентрирует в себе колоссальную энергию, которая может быть направлена как на созидательные, так и на разрушительные для общества процессы. Такая символика имеет глубокое экзистенциальное измерение. Она определённым образом переживается человеком и народом. За государственные и религиозные символы люди сражаются и умирают. Нельзя, например, представить себе историю Великой Отечественной войны и борьбу советского народа с немецко-фашистскими захватчиками без красного Знамени Победы, развевающегося над рейхстагом. Символика этого знамени тесно связана с государственным флагом СССР, где красный цвет олицетворял могущество, прорыв, волю к победе, достижение поставленных целей и кровь, пролитую за свободу народов.

Серьёзный удар по системе безопасности социального пространства наносит фальсификация истории. В этом плане используются различные способы десакарализации истории, начиная с уничтожения памятников прошлого и заканчивая разрушением единой ткани исторического процесса путём внедрения в сознание новых поколений различных «альтернативных концепций» истории.

В ходе разрушения СССР очень эффективно был использован принцип, о котором в своих воспоминаниях делится один из «прорабов перестройки» А.Н. Яковлев: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников ... разработали (разумеется,

устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и европейской социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что наша хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала» [6, с. 14]. В результате подобных манипуляций вся идеология коммунизма стала рассматриваться как утопическая, а Советский Союз превратился в некий «фантом», «антимир». В настоящее время, путём противопоставления друг другу различных этапов русской истории, сходная программа начинает действовать и против современной России.

История не обязательно идёт последовательно и поступательно как в странах Европы. Она может представлять собой и синусоиду, как во многих странах Востока. Она может иметь и скачкообразный характер как это, в какой-то степени, свойственно истории России. Необходимо выработать конструктивный подход к историческому процессу, без излишней идеализации и, в то же время, без «очернения» целых исторических эпох. Так, в «постмайданной» Украине происходит «очернение» уже не только советского периода истории, но и всей истории взаимоотношений России и Украины, начиная с Переяславской рады 1654 года.

Конъюнктурные идеологические установки, направленные в угоду интересам «сильных мира сего», разрушают единую ткань исторического процесса. Они наносят серьёзный вред безопасности социального пространства, поскольку общество лишается каких-либо ясных ориентиров не только в отношении будущего, но и в отношении прошлого. Безопасность социального пространства будет обеспечена лишь тогда, когда будут найдены адекватные методы разрешения реальных проблем, стоящих перед современным обществом. Вслед за коммунистической идеологией, на постсоветском пространстве потерпела крах и идеология, провозглашающая панацеей от всех бед рыночную экономику, «дикий капитализм» и «священное право» частной собственности.

Устремлённость, благодаря сакральному началу, человеческой личности и народа в вечность, должна одновременно способствовать движению индивида, общества и государства во времени по пути дальнейшего развития. Если сакральное начало блокирует тенденцию дальнейшего развития общества, то возникает явная диспропорция между

высокой духовностью и низким уровнем жизни, образования и слабой экономикой.

Государственным и общественным институтам необходимо выработать слаженную политику в отношении обеспечения безопасности социального пространства. Такая согласованная политика дала бы возможность разрядить существующую напряжённость в отношениях между государствами, предотвратить возможные конфликты в социуме, а также выработать эффективный механизм разрешения мирными средствами социально-классовых, региональных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории? /Френсис Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
2. Токман В. В. Феномен священного: його сутність і світоглядна природа: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09.00.11 «Релігієзнавство» / В. В. Токман. – К., 2001. – 16, [1] с.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Эрнст Кассирер // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С.438 – 768. – (Лики культуры).
4. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин / Владимир Владимирович Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13-и тт. – М.: ГИХЛ, 1955– 1961. – Т.6. – 1957. – С. 231 – 309.
5. Тальков И.В.Монолог: Стихи, воспоминания, дневники. – М.: Изд-во Эксмо. – 416 с.
6. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. – М.: Три века истории, 2001. – С.5-32

Shelyuto V.M. PLACE AND ROLE OF SACRAL VALUES IN THE PROCESS OF FORMING CONCEPTION OF SOCIAL SPACE SAFETY

The article is dedicated to the problem of safety of social space. On the basis of different examples, including those from the history of the Soviet Union and modern Ukraine, the article states that a system of sacral orientations built up in a wrong way frequently results in the destruction of social space and disintegration of state system. In the article focuses on the major role of religious and historical sacral values in forming of the social safe space. The author admits that safety of social space will be guaranteed only when the most effective methods of solution of the real problems, facing the modern society will be found. He underlines that aspiration to the eternity due to the sacral beginning of human personality and nation must simultaneously assist in further development of the individual, societies and states in time. If the sacral

beginning blocks a progressive society trends, there appears an obvious disproportion between high spirituality and low level of life, education and weak economy.

Key words: *sacral, social space, historical process, religion, political ideology, socio-political conflict.*

Шелото Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 130.2:930.1

Сухина И.Г.

ТРАДИЦИЯ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И КУЛЬТУРА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

«Традиция происходит из источника, из которого все произошло и к которому все вернется». Сеид Хоссейн Наср (современный иранский философ).

Предложено онтологическое понимание феномена традиции как хронотопа воплощения сущностных характеристик бытия, микромоделей миропорядка и бытийственной константы культуры. Соответственно представлена трактовка традиции как системообразующего начала культуры, ее базиса, универсальной константной формы ее исторического развития, в его преемственности, последовательности и конструктивной определенности. Также традиция рассмотрена в качестве сублимирующего и транслирующего элементы социокультурного опыта и наследия культурного текста. С позиции традиционалистского мировоззрения представлена концепция устойчивого развития как опирающегося на традицию коэволюционного развития. Исходя из этого, обосновывается приоритетность традиционности в историческом развитии культуры и общества при всех наявных модернизационных научно-технических достижениях, которые должны быть сообразованы с традицией.

Ключевые слова: *традиция, традиционализм, традиционалистское мировоззрение, культура, понимание, онтологический, бытие, миропорядок.*

Будучи универсальным способом человеческого «бытия в мире», культура являет собой самоорганизующуюся систему, морфологическая

целостность, воспроизводство, оптимальное функционирование, устойчивое и преемственное развитие которой осуществляется благодаря присущим ей традициям как определенного, укоренившегося порядка социокультурной жизнедеятельности, выражающегося в нормативных программах поведения и деятельности, правомерность которых определяется их исторически-длительной апробацией. Так, российский философ Ф.Лазарев отмечает: «традиция – не просто элемент культуры, а ее системообразующее начало» [7, с. 5]; «традиция, согласно его определению, – система специфических норм, образцов и культурных практик, обеспечивающих *универсально направленное* освоение мира...» [7, с. 5].

Если культура – это способ человеческого бытия в мире, то традиция – основополагающий культурный механизм его состоятельного осуществления. Культурная традиция, будучи способом человеческого бытия в культуре, в своем содержательном плане являет собой совокупность наличествующих длительное историческое время в культуре общества социально - и духовно - значимых типизированных элементов культурного наследия (представлений, способов восприятия мира, верований, идей, ценностей, идеалов, идеалогем, обычаев, обрядов и т.д.), для которых характерны: сохраняемость, воспроизводимость, передаваемость от поколения к поколению. Преломляясь через социокультурный опыт и нормативные образцы поведения/деятельности, эти элементы традиции являются важнейшей составляющей исторически преемственной жизнедеятельности социальных общностей, также как и процессов инкультурации и социализации личности. «Традиция, по словам Ф.Лазарева, является наиболее целостно и эффективно функционирующим культурным пространством производства человеческого в человеке» [8, с. 224].

Культурные традиции выступают средоточиями социокультурного опыта в историческом развитии человеческого бытия. В информационном плане они предстают в качестве неотъемлемой от социокультурного опыта коллективной культурной памяти; также – передаваемой из поколения в поколение социально значимой информации, источником которой выступает коллективное сознание, прежде всего. Оформляя социокультурный опыт в стандартах или стереотипах поведения, традиции осуществляют его отбор, концентрацию и передачу.

Традиции (от лат. *traditio* – передача) охватывают объекты культурного наследия и опыта, процессы их передачи от поколения к поколению, способы и процедуры их наследования. Вообще вся совокупность культурных форм, как институализированных, так и

неинституализированных, может выступать в качестве традиции. Российский культуролог А.Флиер отмечает, что традиции выступают аналогом таких единиц культуры, сублимирующих ее содержание, как «культурные тексты», существующих в устной (фольклорной) форме и «...аккумулирующих в себе всю совокупность норм и образцов социально рекомендуемого поведения, сложившиеся формы социальной организации, регуляции и коммуникации, нравы, обычаи, обряды и ритуалы» [10, с. 242].

Культурную традицию можно понимать как апробированную, приобретшую нормативный характер, социально легитимную культурную практику, целенаправленную на универсальное освоение мира. Традиционность воплощается в обеспечивающем целостность системы культуры принципе унитарности как подоплеку силы действия традиции. Как архетипически нормативная культурная практика традиция входит в онтологический контекст и порядок мироздания, удостоверяет его, выступая его микромоделью, тем хронотопом, в сфере которого происходит утверждающая его актуализация; т.е. традиция является воспроизводством аккумулированного социокультурного опыта и культурного наследия, а также – определенной модели миропорядка, предполагающей основания социокультурной интеграции человеческого бытия.

Культурная традиция, удостоверяющая собой феномен преемственности и включающая соответствующие процессы и институты/организации, – отнюдь не только воспроизводимое в настоящем прошлое. Она проявляет себя в форме трансформации диахронического порядка в синхронический, что предполагает интеграцию определенных составляющих моделируемых культурных ситуаций. Российский философ В.Кутырев подчеркивает: «традиция – не прошлое, ею обозначается не то, что «позади нас», а то, что непрерывно существует в мире и в нас самих... В традиции выражается устойчивость, вечное во временном...» [6, с. 95]. Более того, «традиции, по словам Кутырева, пока они есть, будут проявлением абсолютного, вечного (положенного Богом или природой), и существующие до всяких перемен, тождественны универсалиям (константам) культуры. Они проявляют себя в каждой форме и отрасли культуры...» [6, с. 97]. Тем самым, традиция – это настоящее, наличествующее как в прошлом, так и в будущем, это – подлинная действительность, вечное в ходе или течении времени. Рассматривая традицию как систему норм и принципов культуры [3, с. 134], украинский философ С.Гатальская утверждает: «в традиции всегда есть несокрушимое ядро, неопалимая ее купина, благодаря которой она выполняет функцию хранильницы вечного, классического, хрестоматийно-нормативного в

историческом становлении; тем самым ее онтологическим основанием является не преходящее, а вечное, поддерживающее связь времен» [3, с. 135].

Традиция онтологична, поскольку обеспечивает сохранение бытия в эстафете существования при всех осуществлениях. Как отмечал Г.-Г.Гадамер, «по существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах» [2, с. 334]. В предельно широком значении традиция, согласно определению В.Кутырева, есть «...область сохранения постоянно меняющихся характеристик любого предмета, когда он рассматривается как социокультурный феномен» [6, с. 92-93]. Подлинный смысл традиции – скорее не передача, а сохранение основных характеристик предмета культуры в изменении, т.е. содержательная связь между прошлым, настоящим и будущим, причем связь как «унаследование». Только традиции способствуют сохранению и передаче накапливаемого веками культурного достояния, богатства культурного наследия. Ориентированные на сохранение они относятся к вечному, непреходящему, абсолютному.

Такое понимание традиций, согласно которому они воплощают в культуре онтологический порядок бытия как некой абсолютной данности, изначальной по отношению ко всем изменениям, можно квалифицировать онтологическим. Такое понимание традиций как воплощающихся в культуре онтологических констант оправдано, хотя бы потому, что традиционность обеспечивает стабильность и преемственность в существовании и историческом развитии культуры и общества, в их гармонизации с окружающей средой. Российский философ Л.Баева отмечает, что сущностью традиционной культуры является преобразование окружающей среды при сохранении ценностного ориентира на гармонию человека и природы [1, с. 148]. Эту сущность можно выразить через понятие коэволюции (лат. со – с, вместе и *evolutio* – развиваться) – совместной эволюции культуры, общества и природы; коэволюция, как считает российский философ Н.Моисеев, – фундаментальное свойство развивающихся систем.

Сущность культурной традиции, согласно с онтологическим пониманием, раскрывается как обеспечение, поддержание и (социокультурная) оптимизация существования и функционирования вовлекаемой в хронотоп ее действия предметности, с приданием ей архетипического культурного значения. Если в традиции, наряду с процессуальной выделить ее сущностно-содержательную сторону, то согласно словам В.Кутырева, «...кроме «передачи» под традицией имеется в виду то, *что* передается...» [6, с. 92], и за этим «*что*» (табу, обычаи,

нравы, ритуалы) в конечном итоге стоит «факт передачи бытия» [6, с. 92]. Традицию можно рассматривать областью/хронотопом утверждения бытия, его сущностных характеристик, возможностей, принципов миропорядка. Именно в качестве реализации возможностей бытия мыслил традиции М.Хайдеггер.

Культура зиждется на традициях, которые будучи развернутыми в нормативную культурную практику системного освоения действительности являются основаниями и началами устройства человеческого бытия в мире, и вместе с тем – преобразования мира в универсум культуры; они воплощают укорененность человеческого бытия в культуре, а культуры – в миропорядке. Выступающие скрепами культуры и фундаментальными опорами культурно-исторического процесса они сопровождают человечество на протяжении всей его истории, являясь важнейшими элементами его филогенеза и онтогенеза. Отношение к ним – важнейший показатель культурного развития сообщества.

Именно с традиционной стадией культурно-исторического процесса связано становление и онтологическое утверждение культуры и человека как единых структур. Традиция выступает архетипом человеческого бытия в культуре. Она представляет собой субстанциальный фермент культуры, ее базис, фундамент, принцип ее организации, ее системообразующее начало, универсальную модель ее устойчивого и преемственного развития. Благодаря традициям культура способна выступать как самоорганизующаяся система.

Будучи субстанцией культуры традиции не просто нормативно фиксируют, сохраняют и осуществляют передачу культурного наследия, но способны наращивать и обогащать его, адаптируя культуру к условиям окружающей среды. Как нечто константное в развитии и переменях, традиции, будучи включенными в исторический процесс, в ход исторического времени, могут трансформироваться при сохранении своей специфичности и культурного содержания. Это осуществляется не революционным путем радикальной инновационной замены прежних образцов социокультурной жизнедеятельности на более эффективные, а эволюционным путем постепенного введения новаций в традиционные установления культуры, обеспечивающие ее устойчивое развитие. Ориентированная на коэволюционный гомеостазис традиционная культура представлена наиболее устойчивыми системами культуры: например, история традиционных культур Индии и Китая исчисляется тысячелетиями. И то, что называется «устойчивым развитием» культуры и общества должно пониматься и квалифицироваться как развитие, согласованное с традициями.

Будучи онтологическими константами культуры, традиции предполагают понимание оснований и принципов бытия как миропорядка, на который они ориентированы. Г.-Г.Гадамер указывал на то, что традиции создают достаточное условие миропонимания и выступает универсальной средой его развертывания, [2, с. 329-338]. Обусловленное, задаваемое традициями миропонимание связано с соответствующими смысложизненными представлениями, их утверждением в социокультурной общности и передачах. Человеческим способом нахождения смысла жизни, и даже вариантом обретения бессмертия (или долголетия) в жизни и ценностях своих потомков характеризует традицию Л.Баева [1, с. 154].

Содержащие первичные – архетипические смыслы культуры и человеческого бытия, традиции воплощают «мудрость веков» как капитальное культурное наследие. По утверждению Ф.Лазарева, «традиция и мудрость и в историческом, и в сущностном плане органически связаны друг с другом... Традиция является наиболее полной и адекватной формой существования мудрости, ибо она способна аккумулировать, сохранять и обогащать сапиентные способности людей во всем многообразии своих специфических средств – этических, эстетических, коммуникативных, познавательных и т.п. Традиция и мудрость – взаимодополняющие понятия» [8, с. 226]. Сублимируясь и реализуясь в образующих духовную культуру формах общественного сознания традиции осуществляют передачу культурных смыслов и кодов, и «у культуры, как отмечает Ф.Лазарев, нет другого способа сохранить себя, как реализовать свои смыслы и ценности в традиции» [7, с. 98].

Утверждающиеся в культуре (состоятельные) традиции предполагают сакрализацию, выступают воплощением ценностных абсолютов. В опоре на закрепленные в традициях ценностные абсолюты (например, Бог, священное), восходящие к архетипу священного – важнейшая особенность традиционных культур, картина мира которых задается, как правило, религией [9, с. 293]. Это, прежде всего, культуры, фундированные религиозным мировоззрением, связанные с ценностным архетипом священного. Как утверждает украинский философ С.Гатальская, «традиционная культура – это, прежде всего, культура, основывающаяся на священном тексте...» [3, с. 118]. Священный или религиозный текст (Веды, Трипитака, Авеста, Библия и т.д.) предполагает адекватную себе культуру, тяготеющую к наполнению семантикой священного. Традиции можно представить как содержащие значения абсолютных ценностей священные тексты, в которых фиксируются значимые элементы культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению, и сохраняющиеся в социальных сообществах в течение длительного исторического времени.

Присущее традициям семантическое – ценностно-смысловое богатство содержания, фундированное архетипом священного и связанное с непреходящей смыслоложившей проблематикой человеческого бытия не может быть замещено технизированными институциональными формами социокультурной жизнедеятельности и трансляторами (социокультурного) опыта, если говорить об инновационной культуре модернизированных стран.

Онтологическое понимание традиции апеллирует к бытийственности культуры, взятой и в ее исходном – природном начале, и в ее собственных – материальных, предметно-субстратных (материальная культура) и ментально-духовных (духовная культура) основаниях и ресурсах. Никакие технологии и техносфера в целом не могут заменить или подменить эти основания культуры.

Переход от традиционной к инновационной культуре, охватывающей, согласно типологии мирового культурно-исторического процесса, которую предложил российский философ М.Каган, европейскую (западную) культуру эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени в ее влиянии на развитие мировой культуры и современную культурную ситуацию [5, с. 357-401], и ее историческому продукту – техногенной цивилизации, связанный с модернизацией социокультурного развития в результате влияния НТП и НТР, не должен сопровождаться деструкцией устоявшихся в культурной истории традиций, их дискредитацией, вытеснением на периферию системы культуры. Это подрывает онтологическую основу/опору человеческого бытия в мире, делает его безосновным, без-опорным, самодеструктивным наконец, подобно саморазрушающимся конструкциям швейцарского кинетика Ж.Тенгли.

Порожденная культурой инновационного типа и идейно фундированная восходящей к Просвещению идеологией прогрессизма – преимущественной ориентации на (инновационные) научно-технические приоритеты развития, техногенная цивилизация с ее самодовлеющим утилитарным принципом технологической рациональности, десакрализирующим предметную сферу своего воздействия, обнаруживает тенденцию замены устойчивых традиций текущими (научно-техническими) инновациями, тотальным их внедрением в социокультурную жизнедеятельность, ее среду. Мир с позиции прогрессизма как сциентистской апологии социального прогресса на креативной основе научно-технических инноваций предстает «полигоном» их экспериментального осуществления, где место традиции (традиционности) занимает перманентная, всепоглощающая новация (новаторство). Недостаток идеологии прогрессизма – абсолютизация

будущего, в ущерб настоящему и прошлому, что ведет к разрыву связи времен, угрожает преемственности социокультурного развития.

Бурные темпы прогресса науки и техники, их достижения, смещают вектор социального интереса и ценностного приоритета развития от традиции к новации. Связанная с прогрессом техногенной цивилизации модернизация ведет к ограничению сферы влияния традиционности, ее маргинализации, вытеснению на периферию социокультурной жизни, деструкции, наконец.

В результате происходит выхолащивающий субстанциальное содержание культуры отрыв техногенной цивилизации от традиций, сопровождающийся ее приоритетным утверждением в permanently модернизируемой инновационной социокультурной среде жизнедеятельности. Эта дисгармония между новациями и традициями, переменами и стабильностью, утилитарностью и духовностью, цивилизацией и культурой наконец, порождает коллизии мирового развития. Так, XX век оказался отмечен небывалыми в истории катастрофами: военными, гуманитарными, политическими, экономическими, экологическими. Коллизии мирового развития, связанные с утверждением техногенной цивилизации на инновационной волне бурных темпов развертывания НТП и НТР, нашли свое воплощение в оборотной стороне глобализации – глобальных проблемах современности, угрожающих стабильности природной и социокультурной среды, самому существованию человечества, как и всего ареала жизни на земле.

Удостоверяемая, прежде всего, западным социокультурным миром и особенно – США, техногенная цивилизация может быть представлена как такое инновационное образование, которое постоянно меняет свои основания, оказывая соответствующее – дестабилизирующее воздействие на окружающую среду своего глобализирующегося влияния (например, в экологическом плане). Онтологическая без-опорность техногенной цивилизации преодолевается экстенсивностью ее глобального развертывания. Квази-глобализационный проект ее развертывания – вестернизация, сопровождающийся утверждением массовой культуры производит унификацию и редукцию культурных традиций. Вестернизация как раз и предполагает элиминирование неотъемлемых от традиций культурной самобытности и разнообразия общностей и обществ.

Сегодня, исходя из того, что в условиях глобальных проблем на передний план мирового развития выходит идея и стратегема выживания, а все остальные его задачи имеют значение постольку, поскольку эта идея разрешима, очевидна актуальность переосмысления концепта культурной традиции, ее сущности, значения, места в человеческом бытии и его

истории. Очевидна необходимость новой парадигмы культурно-исторического развития человечества [9, с. 530], акцентирующей изначальные – традиционные основания культуры в плане онтологической сбалансированности и устойчивости этого развития. Ф.Лазарев указывает на то, что «...рождается новая социокультурная парадигма, лозунг которой – «Назад к традиции, если мы хотим выжить и идти вперед» [8, с. 224].

Мировоззрение, которое вызревает в рамках нового – постклассического, по отношению к прогрессистскому активизму и динамизму социокультурного мира (фаустовской) культуры инновационного типа, культурного сознания и парадигмы, опирается на переосмысление традиции в духе ее онтологического понимания. Это мировоззрение можно квалифицировать традиционалистским.

Согласно с вышеизложенным, традиционализм можно представить как философское мировоззрение, усматривающее в традиции онтологическую константу культуры, ее универсалию, воплощающую модель миропорядка, исполненную непреходящим (восходящим к архетипу священного) ценностно-смысловым значением, выступающей носителем и транслятором элементов культурного наследия и предполагающей нормативный образ социокультурной жизнедеятельности, связанный с исторически обстоятельной апробацией основных направлений, видов и форм его (конструктивного) проявления.

Особенностью философского традиционализма является акцентуация онтологического статуса традиции в ее понимании. Подобное понимание традиций было предложено в работах французского философа Р.Генона [4], исследовавшего проблему изначальных, абсолютных оснований культуры. Генон является фундатором интегрального традиционализма – религиозно-философского учения, постулирующего наличие во всех культурах и религиях единой интегральной Традиции, воплощающей собой первопринцип бытия; эта примордиальная (лат. *primordialis* – первозданный) сакральная традиция трактуется выражением абсолютного бытия – вечной и первичной реальности, несущей изначальное содержание духовности, изначально целостный комплекс сакральных знаний, дифференцирующийся на различные духовные традиции, которые выступают конститутивными первоосновами исторических культур.

В прагматическом плане традиционализм можно представить мировоззренческой апологией приоритетности традиции (традиционности) в историческом развитии культуры и общества при всех их модернизационных научно-технических достижениях, которые должны быть сообразованы с традицией, коэволюционной логикой и динамикой ее исторического развития.

Реактивация традиции в условиях глобализации даст возможность осуществления единства человечества не через культурную унификацию, производимую квази-глобализационным проектом вестернизации, а через коммуникативное единство культурного многообразия, через диалог культур.

Сегодня актуальна традиционалистская идея, что в самоопределении и трансформации культуры в условиях модернизации огромное значение имеет обращение к своим традициям, опора на закрепленные в них ресурсы и возможности, связанное с их реактивацией «новое открытие» содержащихся в них духовных потенций, архетипов культуротворчества, идеалов и ценностей.

Показательный пример здесь – Япония, которая в своем развитии после второй мировой войны избрала путь модернизации на базе традиций, а не вопреки им. Важнейшую роль в успехах социально-экономического развития Японии сыграли принципиальный учет в ходе реформ культурных традиций страны, отказ от слепого копирования западных модернизационных моделей, как не учитывающих специфику национальной культуры и менталитета.

Представляется, что наиболее глубокое проникновение модернизация должна иметь в сфере материально-технологической культуры, а в сфере духовной и социальной культуры человеческих отношений должны доминировать ценности традиционные. Опора на них есть залог подлинной культурной идентичности, сбалансированного развития культуры и общества.

Реактивация значения традиции с учетом ее онтологического понимания предполагает пересмотр приоритетов мирового культурно-исторического развития, замену концепции прогрессизма концепцией устойчивого развития как опирающегося на традицию коэволюционного развития культуры и общества, ориентированного на мировой баланс между решением социальных проблем и сохранением стабильности окружающей среды. Устойчивое развитие возможно только на основе и посредством культивирования традиций.

Опыт обращения к мировоззрению традиционализма указывает на то, что если, например, в прогрессизме выражена потребность в постоянной смене, преодолении тех или иных форм бытия, то традиционализм выражает собой потребность в сохранении, передаче и прохождении форм бытия сквозь время. И потому мировоззрение традиционализма имеет непреходящую актуальность.

Литература

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: Монография / Л.В. Баева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 277 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
3. Гатальска С.М. Філософія культури: Підручник / С.М. Гатальска. – К.: Либідь, 2005. – 328 с.
4. Генон Р. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте [Текст]: переводное издание / Р. Генон; [Пер. с фр.: Любимова Т.Б.]. – М.: Беловодье, 2003. – 478 с.
5. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
6. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров / В.А. Кутырев. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.
7. Лазарев Ф.В. Вселенная культуры: стратегемы и ценности / Ф.В. Лазарев, Литтл А. Брюс. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 192 с.
8. Лазарев Ф.В. Выживание и традиция в цивилизационном процессе / Ф.В. Лазарев // Цивилизация: от локального к глобальному Граду: монография. – Донецк: ДонНТУ, УНИТЕХ, 2008. – С. 199-230.
9. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
10. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.

Suhina I.G. TRADITION, TRADITIONALISM AND CULTURE: EXPERIENCE OF A PHILOSOPHICAL EXPLICATION

The ontological understanding of a phenomenon of tradition as chronotope of the embodiment of intrinsic characteristics of being, micro-model of a world order and constant form of existence of culture is offered. The interpretation of tradition as backbone beginning of culture, its basis, universal constant form of its historical development, in its continuity, the sequence and constructive definiteness is respectively presented. Also the tradition is considered as the socio-cultural experience and heritage of the cultural text sublimating and broadcasting elements. From a position of traditionalist outlook the concept of sustainable development as the co-evolutionary development relying on tradition is submitted. Proceeding their it, priority of traditional character is proved in historical development of culture and society at all the available modernization scientific and technical achievements which have to be conformed with tradition.

Key words: *tradition, traditionalism, traditionalist outlook, culture, understanding, ontological, being, world order.*

Сухина Игорь Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального университета имени Михаила Туган-Барановского (г.Донецк).

УДК 130:2;24

Звонок Н.С.

САКРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИИ

Рассматривается проблема соотношения Традиции и новаторства в современной культуре на примере сакрального искусства: в первую очередь иконописи и архитектуры. Автор утверждает, что сакральное искусство как хранитель традиции – нравственности и религиозной веры – способствует духовному воспитанию народа и выходу общества из духовного кризиса. Сакральная Традиция должна стать частью того возрождения христианства, которое, по пророческому предсказанию А. Солженицына, должно наступить как новая антропологическая ступень, связанная с духовным поиском Бога.

Ключевые слова: *Традиция, новаторство, культура, сакральное искусство, иконопись, архитектура.*

Постановка проблемы. Общество как часть культуры – целостная система, подверженная процессам устойчивости и изменчивости. Культура инициирует программы, отражающие наследственность – Традицию, и программы, направленные на новаторство или нарушение традиции, ее изменение. Религия предстает хранителем Традиции, «...устойчивых ценностей, аккумулирующих исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям.... именно в историческом развитии мировых религий кристаллизировались общечеловеческие нравственные ценности» [9, с. 248]. Основополагающим элементом религии является сакральное искусство, которое в современном мире постмодерна является одним из хранителей Традиции.

Цель исследования – анализ проблемы существования православного искусства в современном мире с учетом того, что Сакральная Традиция должна стать частью возрождения христианства, выхода общества из духовного кризиса.

Основная часть. Людям прошлых веков вера переходила по

наследству, передаваясь из поколения в поколение как связующее начало. В XX веке несколько поколений отказались от прошлого, пытаясь построить светлое будущее. Об этой распавшейся связи времен современный католический богослов Йозеф Ратцингер пишет: «Духовная ситуация в прошлом была такова, что понятие «традиция» описывало программирующую матрицу. Традиция охраняла, и человек мог положиться на нее. Он полагал, что находится в безопасности и стоит на правильных позициях лишь тогда, когда может сослаться на традицию. Сегодня же господствует прямо противоположное ощущение: традиция представляется чем-то отжившим, чем-то исключительно вчерашним, а прогресс – подлинным обетованием бытия, так что человек видит себя живущим не в традиции, не в прошлом, а в пространстве прогресса и будущего. И та вера, которую он находит в рубрике «традиция», должна поэтому ему казаться преодоленной, он не находит в ней места для жизни, поскольку открыл будущее как свою подлинную обязанность и возможность» [12, с. 12].

В Западной культуре началом нарушения традиции, распада сакральных ценностей следует считать XIV век Возрождения и Реформацию [3, с. 22]. Постепенно теоцентризм западноевропейской культуры, характерный для Средневековья, уступает место антропоцентризму Нового времени.

В XVIII веке в Российской империи традиционное церковное искусство заменяется светской живописью на религиозные темы. Новые жанры в светском искусстве приобретают самостоятельную жизнь, приобретают независимость от Церкви, и полностью зависят от художника. Это касается живописи, архитектуры и скульптуры. Светское искусство полностью подчинено западным влияниям проходит все главные этапы западного искусства своего времени: барокко, классицизм, романтизм и т.д. Иконописание практически вытеснено из культурной среды живописью на религиозные темы, подражателем западным образцам, что соответствовало вкусам эпохи.

Однако с начала XIX века в русской культуре появляется интерес к прошлому своего народа, его истории. Старина, и в первую очередь икона становятся предметом особого внимания. Однако основной критерий к оценке иконы – эстетический, она рассматривается вне православного мировоззрения. Открытие иконы происходило в канун величайших исторических потрясений, в преддверие целого грозного «периода всемирной истории, который явит миру ужасы, доселе невиданные и неслыханные» (Е.Трубецкой). Для многих это открытие и осмысление иконы натолкнуло на переосмысление происходящих событий. Духовный упадок предшествующих веков сказался на

забвении иконы, духовное пробуждение, вызванное катастрофами, возвращает икону, ее глубинный духовный смысл, она открывается не только как эстетическая ценность, но как художественное открытие духовного опыта – «умозрения в красках» (Е.Трубецкой). XX век поставил множество вопросов и обнаружил массу проблем. В советские годы были прерваны многие традиции, в том числе иконописания, которое начало возрождаться в начале века, богословие также практически прекратило свое существование. Церковь воспринимается как носительница враждебного мировоззрения, отсюда церковное искусство, как и Церковь, преследуется и уничтожается с позиции господствующего атеизма.

Однако и в сложных условиях гонений и эмиграции создаются величайшие творения: инок Григорий (в миру Георгий Иоганнович Круг), сестра Иоанна (в миру – Юлия Николаевна Рейтлингер), архимандрит Зинов (в миру – Владимир Михайлович Теодор), монах Псково-Печерского монастыря. В их творчестве мы встречаем не только мастерство иконописца, но и глубокое богословское осмысление иконы. «Православная Церковь всегда боролась против обмирщения церковного искусства, – считает архимандрит Зинов. – Голосом своих соборов, святителей и верующих мирян она защищала его от проникновения чуждых ему элементов, свойственных искусству мирскому. Нельзя забывать, что как мысль в религиозной области не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на Высоте подлинного иконописания. Поэтому ошибочно считать непогрешимым всякий образ, даже если он очень красив и простоял в храме сто или двести лет, а тем паче если он создан в эпоху упадка иконописания... учение Церкви может быть искажено кистью, так же как и словом» [14, с. 201]. Залог будущего Церкви архимандрит Зинов видит в восстановлении чистоты иконописания. Если в иконоборческий период Церковь боролась за икону, то в наше смутное время пришла очередь иконе бороться за Церковь, – считает иконописец.

Возрождение иконы есть жизненная необходимость не только православия, но культуры. Как утверждает П.Флоренский, «Церковь, всегда живая и творческая, вовсе не ищет защиты старых форм как таковых, не противопоставляет их новым как таковым. Церковное понимание искусства было, и есть, и будет одно: реализм. Это значит что Церковь, столп и утверждение истины, требует только одного – истины» [11, с. 106]. Как считают богословы, икона может соответствовать веяниям времени и вносить новизну, но она должна выражать все ту же богословскую истину: возрождение иконы не возврат к фольклору, но возврат к **святоотеческому опыту**.

В современном мире практически всюду, где возникает интерес к

христианству, пробуждается и интерес к иконе. Христианская антропология нашла свое наибольшее воплощение именно в православной иконе. И наблюдается интерес к иконе не только среди православных, но и среди католиков и протестантов. Во многих странах Европы существуют католические центры с иконописными мастерскими, в католических храмах можно наблюдать православные иконы. Современный христианский мир открывает себе историю через икону. Иконописный образ, как рожденный в эпоху неразделенной Церкви, соединяет то, что до сих пор было разделено догматикой. Икона – общее христианское наследие. Современный протестантский мир заинтересовали иконы. В первую очередь среди ортодоксальных направлений – лютеран, кальвинистов – наблюдается новый поворот к образному постижению слова и литургической эстетике, когда икона предстает как откровение Слова. Икона выполняет важную роль в межконфессиональном диалоге, будучи понятной для любой вероисповедной традиции. «Икона зиждется на Слове Божьем, икона – христоцентрична, а потому выражает общехристианские принципы», – считает И.Языкова [14, с. 202]. Выработанный православием художественный язык иконы становится достоянием христианских народов, вне каких-либо национальных или конфессиональных границ, так как единство его достигается общностью не столько культуры, сколько веры.

В иконе наиболее полно выражается христианское учение о соотношении Бога и человека, человека и мира. Икона в христианской антропологии предстает как «видимое свидетельство воплощения Бога», но также и свидетельство «уподобления человека Богу». В христианстве миру зла, насилия противопоставляется образ мира, в котором человек приходит к единению с Богом, как его Творцом. На путях этой встречи одна из главных ролей отводится иконе.

Нельзя отрицать, что авторами наиболее значительных произведений религиозной живописи XIX века являются преимущественно светские художники: Н.Ге, В.Васнецов, М.Нестеров, М.Врубель, Ж.Руо, М.Шагал, П.Холодный, М.Сосенко и др. Они создали наиболее яркие произведения религиозного искусства. Однако Васнецов, который вместе с Нестеровым расписывал Киевский собор Св.Владимира, отмечал: «...эти древние живописцы, будучи связаны традицией и определенными формами, создали подлинную, настоящую живопись в самом глубоком ее понимании, а именно как игру красок. Это были не рисовальщики, как мы, нынешние, а были творцы, настоящие художники... Мы должны гордиться нашей древней иконой, нашей древней живописью: тут никого нет выше нас... Я сам думал, что проник в дух русской иконы...Оказалось, однако, что я

глубоко заблуждался. Внутренний мир живописи тех времен был гораздо более богатым, чем дух нашего времени, или лично мой, или Нестерова, и нам далеко до их техники, до их живописного эффекта. Моя живопись – это только слабое отражение, к тому же выхолощенное, невероятно богатого мира древней иконы...» [10, с. 543]. И здесь предстает отличие антропологии православной, понимаемой как осуществление человеком богоподобия, которое раскрывается экзистенциально, жизненным, творческим путем и тем самым обуславливает содержание православного образа, и антропологии западных исповеданий, утверждающих автономность человека от Бога; человек, хотя и создан по образу Божию, но будучи автономным, не соотносится со своим Первообразом. На этом зиждется развитие гуманизма с его автономной от Церкви уже дехристианизированной антропологией современности, где отличие человека от прочей твари мыслится лишь в природных категориях: человек – «животное мыслящее», «социальное» и т.д., – считает Л.Успенский [10, с. 590].

В проповеди православия искусство играло роль проводника культуры, будучи одним из основных элементов веры как духовного стержня культуры. Каждый народ, входя в православную культуру, воспринимает ее вместе с ее прошлым, настоящим и будущим. Однако, входя в православие, каждый народ в тоже время вносит в него свои национальные особенности, раскрывается в нем в соответствии со своим характером – как в религии, вере так и в искусстве. Церковное искусство воспринимается творчески, сочетаясь с местными национальными традициями, и каждый народ на православной основе вырабатывает свой художественный язык. Единство православной веры не исключает многообразия в формах церковного искусства и культа, вызванных национальными особенностями. Православные миссионеры не только не навязывали свою культуру, но составляли азбуку и грамматику для перевода Священного Писания на местные языки. На основе неизменного образного языка Церкви формировался национальный язык каждого народа путем непосредственного переживания православных истин. «И святость, и образ получают национальную окраску и форму потому, что они – результат живого опыта. Рождается специфический тип русской, сербской, болгарской святости, в соответствии с этим и специфический тип иконы» [10, с. 255].

Упадок современного искусства отражает в полной мере упадок современной культуры. Г.Зедльмайр назвал этот процесс «утратой середины», связывая его с духовной деградацией: «Если, таким образом, диагноз, к которому с необходимостью подводит созерцание образов

современного искусства, формально звучит как «утрата середины», то содержательно он звучит как гипертрофия в человеке низших духовных форм за счет высших» [5, с. 169]. Современные представления об искусстве, сформированные в западноевропейской культурологической мысли, допускают, что мир искусства – это не только «мир вещей», но прежде всего «мир знаков». По словам французского философа-неотомиста Ж.Маритена, «... искусство предстает символизацией трансцендентного. Произведение искусства есть будто бы двойным символом, с помощью которого выражена и реальность вещей, которые окружают человека, и другая, идеальная реальность, которая стоит за ней. Иначе говоря, искусство никогда не ограничивается просто изображением каких-либо объектов окружающего мира. Искусство – своего рода молитва, которая предвидит отношение художника к сфере сакрального. Такой подход в современной эстетической мысли выражен в концепции искусства как религии современного человека» [13, с. 30-31]. Сторонниками данной теории являются Л.Флам, В.Воррингер, Ч.Кеггли др. Так Л.Флам выдвинул мысль, что на смену религиозному культу приходит «искусство-фетиш», «искусство-идол» которое сегодня является предметом поклонения так же, как в прошлые времена люди поклонялись богам.

Сегодня наибольшие потери мы видим в церковном искусстве. По форме оставаясь религиозным, оно по своей сущности перестает быть сакральным. Образы современного искусства, не имея связи с Первообразом, превратились в пустые оболочки художественных форм, знаки. И здесь отличие между символом и знаком – символ участвует в высшей реальности, знак не имеет с ней связи. Современное художественное оформление церковных сооружений оставляет желать лучшего – архитектура, будучи эклектическим соединением отдельных элементов исторических стилей прошлого, далека от стилиевой целостности. Некачественные строительные материалы, акриловые краски, искусственная позолота, пластиковые окна и двери – свидетельствуют о недостатке духовной адекватности. Настенные росписи во многих церквях далеки от иконописного искусства прошлого и больше похожи на лубочные картинки.

В наше время, с выходом церковного искусства в этот «перевернутый вверх ногами мир», происходит встреча двух различных ориентаций человека и его творчества: «антропоцентризма секуляризованного, безрелигиозного гуманизма и антропоцентризма христианского» (Л.Успенский). На путях этой встречи одна из главных ролей принадлежит церковному искусству. Главное: церковное искусство стали больше ценить и правильно понимать как свидетельство иного плана

бытия, которое ставит человека в иную перспективу в соотношении с его Творцом, дает иное видение мира.

После «Затмения Бога» (Мартин Бубер) философия говорит о своеобразном духовном возрождении, о «реванше Бога» (Ж.Кеппель). Наряду с искренним возрождением веры, преимущественно преобладают симулятивные процессы, – утверждает В.Головей. Участие в религиозных обрядах становится своеобразной модой, рекламным пиаром для политиков и олигархов. Кроме того, углубляется профанация самой церковной жизни. В симулятивных формах религиозной практики, в которых сокровенное духовное и моральное содержание уже не является доминирующим, невозможно достичь основной цели культа – поддерживать сущностную связь между земным и божественным измерениями, актуализировать действенное присутствие священного в человеческой жизни [4, с. 36]. Исследователь отмечает, что секуляризация культурного пространства не привела к полному исчезновению сакрального, а только к его трансформации и переориентации в других системах ценностно-мировоззренческих координат (светский гуманизм, либеральные ценности, националистические и тоталитарные идеологии и т.д). Но ни одна из этих идеологических структур не может иметь доминирующего статуса в эпоху постмодерна, за исключением разве что идеологии консьюмеризма, которая мифологизирует сам процесс потребления и фетишизирует предметы потребления. Эта идеология подчиняет себе жизненные ориентиры обывателя, не давая ему возможности реализоваться как полноценная духовная личность. Одной из культурных альтернатив этой идеологии является приобщение к различным формам сакрального опыта, в которых осуществляется трансгрессия повседневности и происходит соотношение с абсолютным измерением бытия [4, с. 36-37]. Интересный современный автор Олеся Николаева в работе «Православие и современная культура» процесс десакрализации современной культуры трактует с православной точки зрения. Исходя из принципиальной противоположности современной посткультуры и выдающихся достижений классической культуры, автор негативно характеризует «новое» постмодернистское мифотворчество в плане его влияния на мировой культурный процесс. Постмодернистская идея «смерти автора» выступает как одно из проявлений идеи «смерти Бога» Ницше. Особенно внимательно автор рассматривает мифоритуальную структуру культуры постмодерна, подчеркивает ее принципиальное отличие от традиционной классической культуры. С точки зрения автора, способность к творчеству предстает как богоподобие, а христианский канон только способствует созданию наработок литературы и искусства, тогда как постмодернистский

нигилизм, отрицающий необходимость сакрального элемента в культуре, делает в конце концов невозможным сам процесс творческого освоения действительности. Противопоставляя русскую классическую культуру и посткультуру, автор утверждает, что русская классика была «выношена в лоне Православия», а «разрыв человека с Первоисточником его бытия ведет к вырождению и смерти», «разрыв культуры с Церковью оборачивается ущербностью, упадком и в конце – смертью культуры» [7, с. 277]. Русская Православная Церковь вынесла устами Юбилейного Архиерейского Собора в 2000 году следующее суждение: «Для проповеди о Христе пригодны любые творческие стили, если намерение художника является искренне благочестивым и если он хранит верность Господу». И далее: «Проповедуя вечную Христову Истину людям, живущим в изменяющихся исторических обстоятельствах, Церковь делает это посредством культурных форм, свойственных времени, нации, различным общественным группам. То, что осознанно и пережито одними народами и поколениями, подчас должно быть вновь раскрыто для других людей, сделано близким и понятным для них. Никакая культура не может считаться единственно приемлемой для выражения христианского духовного послания. Словесный и образный язык благовестия, его методы и средства естественно изменяются ходом истории, различаются в зависимости от национального и прочего контекста. В то же время изменчивые настроения мира не являются причиной для отвержения достойного наследия прошлых веков и тем более забвения церковного Предания» [8, с. 240].

Каково же будущее церковного искусства? «С иконой дело обстоит также как с мышлением Отцов. Оставаясь всецело преданным Преданию и основным канонам священного искусства, нужно осмелиться творить. А иначе мы не превзойдем благочестивой археологии. Основной поток жизни Предания должен принять в себя поиски нашего времени, осветить жизнь во всех ее аспектах...», – считает величайший подвижник XX века патриарх Афинагор [14, с. 203].

Современное искусство иконы существует в различных вариантах – «от полу-авангардного индивидуализма и рыночного модернизма до сухо-академического копирования и безликого добротного ремесла» (И.Языкова). Икона связывает нас с опытом Церкви, раскрывая нам прошлое – через традицию, настоящее – через талант иконописца, который предстает как дитя времени, и будущее через устремленность к грядущему «царству Божию».

Сакральные образы порождены вымыслом, который М.Мамардашвили называет трансцендентальным вымыслом [6, с. 259-260],

то есть способностью человека представлять то, что находится за пределами его эмпирического опыта. Как утверждал Гегель в своих лекциях по эстетике: «...мы набожно почитаем произведения искусства и благогоуем перед ними; впечатление, которое они оказывают – особое, а то, как они нас умиляют, требует испытаний высшего качества» [2, с. 124]. Начиная с эпохи Нового времени происходит изменение сакрального измерения на антропологический. В новой системе мировоззренческих координат разрушается трансцендентность образа, образ теряет свой глубинный смысл. Художественность и религиозность уже не выступают как единое и неделимое целое. В культуре постмодерна одной из насущных проблем является проблема превращаемости реальности, иллюзорности, с которой имеет дело человек. В культурном бытии современного человека особую роль играет символическая реальность, вещи в которой превращаются в симулякры. Действительность дана человеку через многоуровневое опосредованное действие, в котором она трансформируется до полного неузнавания. В данной ситуации сакральное искусство является своеобразным островом трансцендентной реальности. В современности удельный вес художественных произведений сакральной направленности незначителен. И тем не менее сакральное искусство вызывает уважение и почтение даже со стороны людей неверующих. Утрата глубинного смысла, символичности, профанация искусства – результат десакрализации. Искусство перестало быть фактором формирования чувств и передачи смысла, уступив место медиа. Искусство теряет свою функцию символической передачи трансцендентного, не ставя больше перед собой высокой задачи – духовного очищения и возвышения зрителя. Искусство становится предметом товарно-денежных отношений и конъюнктуры арт-рынка, и все-таки остаются художники, которые поддерживают высокие традиции сакрального искусства. Сегодня преобладает тенденция виртуализации искусства. Как альтернатива технизации художественного процесса, сохраняются традиционные художественные техники, возможно, сакральные традиции станут частью того духовного движения, которое, по пророческому предсказанию А. Солженицына, должно наступить как новая антропологическая ступень, связанная с духовным поиском Бога.

Выводы. Прогноз относительно будущего церковного искусства может быть следующим: попытка восстановления традиционного православного канона и возрождение лучших традиций прошлого. Использование нового должно органически сочетаться с церковной традицией, поскольку главное в церковном искусстве – это адекватное восприятие его верующими. К сожалению, сакральное искусство в его

традиционном культовом значении уже не будет занимать в современной культуре такое же важное место, как в прошлые времена. Необходимо вернуть сакральным произведениям, как основополагающему элементу Традиции, достойное место хранителя Традиции. Через «код сакрального» религиозное искусство осуществляет связь прошлого и будущего.

Литература

1. Абрамович С.Д. Церковне мистецтво / С.Д.Абрамович. К.: Кондор, 2005. 205 с.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: в 4-х т. Т.1./ Г.-В.-Ф.Гегель; [пер. с нем.Б.Г.Столпнер]. М.:Искусство, 1989. 330 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира/ Рене Генон; [пер. с франц.Н.В.Мелентьева]. М.:Арктогея, 1991. 160 с.
4. Головей В.Ю. Сакральне в мистецтві: проблеми образотворчої репрезентації. Монографія/ В.Головей. Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, 2012. 420 с.
5. Зедльмайр Х. Утрата середины / Ханс Зедльмайр; [пер. с нем. С.Ванеян]. М.: Прогресс-традиция, 2008. 640 с.
6. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления/ Мераб Мамардашвили. М.: Моск.шк.полит.исслед., 2000. 416 с.
7. Николаева О.Православие и современная культура/ Олеся Николаева. М.; Изд-во Моск.Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999.288 с.
8. Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. М.:Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 2000. 285 с.
9. Степин В.С. Цивилизация и культура/ В.С.Степин. СПб: СПбГУП, 2011. 408 с.
10. Успенский Л.А. Богословие иконы православной Церкви/ Л.А.Успенский. М.:Изд-во братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. 656 с.
11. Флоренский П.Иконостас/ Павел Флоренский// Избранные труды по искусству. М.:Изобр.искусство, 1996. С.75-198.
- 12.Хейзинга И. Осень средневековья. Т.1. / И.Хейзинга; [пер.с голл. Д. Сильвестров]. М. : Прогресс-Культура, 1995. 413 с.
- 13.Шелюто В. Естезис сакрального/ В.Шелюто. Луганськ: Вид-во СНУ ім.В.Даля,2007. 276 с.
- 14.Языкова И.К. Богословие иконы: Учебное пособие/ И.К.Языкова. М.: Изд-во Общедоступного Православного университета, 1995. 212 с.

Zvonok N.S. SACRAL ART AS THE FUNDAMENTAL ELEMENT OF TRADITION.

The problem of the relation between Tradition and innovation in modern culture is considered, with the example of sacred art: first of all, icon painting and architecture. The author claims that sacred art as the guardian of the tradition - morality and religious faith - contributes to the spiritual education of

the people and the emergence of society from the spiritual crisis. Sacred Tradition should be part of the revival of Christianity, which, according to the prophetic prediction of A. Solzhenitsyn, must come as a new anthropological stage associated with the spiritual search for God.

Key words: *Tradition, innovation, culture, sacral art, iconography, architecture.*

Звонок Наталья Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 130.3

Ширманова М.Ю.

Г-КУЛЬТУРА И ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

Мир во зле лежит (1 Ин. 5, 19)
«...Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей...»
(Ф.М. Достоевский)

В статье рассматриваются содержание понятия г-культура и особенности его духовного, ценностно-смыслового наполнения, соотношение в жизни современного человека потребительских и традиционных ценностей и онтологическое содержание последних. В статье проведён анализ духовно-психологического содержания потребительского духа и лексических форм его выражения.

Ключевые слова: *г-культура, общество потребления, духовная культура личности, традиционные ценности, здравый смысл.*

В настоящее время в мире и в истории России наступил момент перехода цивилизационного конфликта в открытую форму цивилизационного противоборства. Всё чаще жизнь мирового сообщества характеризуется терминами гибридная война, информационная война, психо-историческая война, экономическая, финансовая война, война смыслов, ценностей, война идей. Высказываются мнения, что третья мировая война уже началась и идёт, наступают последние времена и приближаются судный день и битва конца. Фиксируются и доказываются культурная мутация человечества, антропологическая катастрофа, цивилизационный слом.

Весь ход человеческой истории свидетельствует о том, что, по сути, война есть способ существования человечества, как бы нам не хотелось обратного.

Война как противоборство воюющих сторон предполагает подавление воли, разума и жизни противника в целях подчинения его жизненных сил и ресурсов своим интересам. Достижение целей победы в войне связано с лишением противника самоорганизации: способности самостоятельной деятельности и самостоятельного мышления, самобытности духа, свободы воли и поведения, сопровождается стремлением к обессиливанию, растрению, расчеловечению, манкуртизации – лишению исторической памяти и национальной идентичности, отрыву от глубинных духовных корней культуры народа.

В современном противостоянии культур и цивилизаций очевидна наступательная стратегия условного запада – англо-американского атлантизма, действующего по принципу «Разделяй и властвуй».

Западу принадлежит активно-агрессивная, экспансионистская активность, направленная на полное подчинение ресурсы планеты своим интересам, целям, задачам.

Эта активность обусловлена стремлением западных элит к мировому господству и владением ресурсами планеты через сокращение численности населения земли и его глобализацию. Глобализация направлена на создание нового мирового порядка с соответствующим ему типом человеческой ментальности, предполагающим лёгкую управляемость человеком, его послушание, подчинение внешнему управлению, быструю приспособляемость к новшествам, готовность к предлагаемым видам деятельности.

Размышляя о войне, мы всегда находим противоборствующие субъекты: страны, народы, этносы, политические и экономические группировки, цивилизации. Однако, за спинами видимых и определяемых человеческих субъектов противостояния, стоят более могущественные силы: воля и разум людей направляются духовными силами и сущностями, подчиняются им. Именно об этой войне говорят слова, выбранные нами в качестве эпиграфа данной статьи. Война в духовном мире идёт не столько между людьми, сколько посредством людей. Эта подчинённость воли и разума людей духовным силам и сущностям и проявляется в тех идеях, целях, смыслах, которыми люди руководствуются в своей деятельности

Социально-философский анализ мирового процесса как противостояния и противоборства людей, с необходимостью должен быть дополнен анализом богословским, аскетическим, учитывающим фактор противоборства в духовной сфере, невидимую брань. Это предполагает

использование соответствующих понятий, которые могли бы стать ключом к пониманию социальных процессов как на макроуровне общественной жизни, так и на уровне личностного мышления и психологии. К таким понятиям относится, в первую очередь, понятие духовная культура. В научном обиходе понятие духовная культура используется как для описания и понимания социальных процессов и отношений, так и для характеристики духовной жизни личности.

Мы будем исходить из того, что понятие духовной культуры характеризует в первую очередь духовную жизнь человеческой личности, потому что именно личность обладает способностью целостной жизни духа, любви, разумного смыслообразования, совестного самоосознания, свободного выбора модуса своего духовного бытия. Именно личность обладает ответственностью за своё духовное состояние, поступки и свою деятельность, способностью свободного выбора ценностей и полагания смыслов своего бытия.

Понятие духовная культура выражает способность человека возделывать внутренний духовно-душевный мир (как свой, так и других людей) согласно свободному выбору сокровищ своего сердца, или своих ценностей. Именно эти ценности определяют смыслы и цели деятельности, которые люди ставят перед собой. На основе этих ценностей создаётся образ человека, который лежит в основе человеческой жизнедеятельности, т.е. ценностно-смысловое поле личности, которое определяет в свою очередь лицо культуры народа, этноса, страны, класса.

На основании мотивов и способа возделывания человеческой души условно можно выделить два основных типа духовной культуры: религиозную (сотериологическую) и атеистическую (гедонистическую). Религиозную культуру в свою очередь можно условно разделить на культуру богоуподобления, или культуру дара и культуру богоиспользования, потребления условий душевного радования. В этом пункте религиозная духовная культура сближается с атеистической духовной культурой, поскольку обе ориентированы на достижение человеком ценностей счастья и благополучия в земной жизни, здоровья, комфорта, удовольствия, безопасности, удовлетворённости. Этот тип духовной культуры, по сути, является культурой счастья, понимаемого как стремление к переживанию радости, обусловленной внешними причинами, условиями и обстоятельствами. В качестве этих причин могут полагаться особые общественные отношения, социальная справедливость (гуманизм, коммунизм, социализм), уровень и качество потребления, деньги, власть, могущество, успех или чувственные наслаждения (гедонизм).

Культура счастья по своей сути является потребительской, т.к.

источники счастья человек находит во вне, используя, потребляя их в качестве причины переживания душевной радости (комфорта) и удовлетворённости жизнью.

Наблюдая процессы мировой глобализации трудно не заметить, что именно этот дух бездарности – использования, потребления внешних средств для переживания людьми душевного комфорта, счастья, безопасности, удовлетворённости стремится подчинить их разум, сердце, волю, определяет соответствующий духовно-психологический строй личности. Этот строй предполагает, что содержание так называемых общечеловеческих ценностей: любви, добра, свободы, счастья, наслаждения, удовольствия, комфорта, безопасности, стабильности, личной свободы, власти, плюрализма, толерантности и политкорректности осмысливается в гедонистическом, потребительском ключе.

Проникновение этого строя в жизнь личности и общества откровенно выражено словами министра образования РФ (2004-2012) А.А. Фурсенко. «...Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [1].

Проникновение в ценностно-смысловое культурно-идеологическое пространство современного общества идей, ценностей и идеологии глобализма и потребительского духа, приводит к тому, что в жизнедеятельности и образе жизни людей появляются соответствующие черты, имеющие общие духовные основания и ценностно-смысловое содержание. Это позволяет говорить о возникновении глобальной культуры гедонизма, или г-культуры.

Смысл и содержание понятия г-культура определяются наличием в жизни современного человека и общества класса феноменов, связанных с деятельностью людей, направленной на преобразование природного, социального и духовного мира человека на основе духа отвержения абсолютного добра и выбора в качестве определяющих ценностей власти и собственности (денег), удовольствия, принятия в качестве базовых идей и ценностей гедонизма, гламура, понимаемого как магия: очарование, обаяние, колдовство, создание видимости, а также маскировка, переодевание. Можно сказать, что сущностью г-культуры является гедонистический фетишизм, или фетишизм тщеславия, т.е. грех. Понятие г-культура характеризует эксплуатацию и культивирование греха и человеческих страстей для реализации экономических и политических целей и задач людьми, одержимыми алчностью и страстями властолюбия, сребролюбия, жадной наслаждений и комфорта. По сути, г-культура не

только поощряет, даёт согласие и официальное разрешение на грех, маскируя этот факт созданием видимости добра и свободы, но понимаемых строго в гедонистическом ключе. Она эксплуатирует греховные страсти человека для организации общественного производства в целях извлечения максимальной прибыли и установлением власти над эксплуатируемыми. Г-культура предполагает обработку, возделывание человеческой души в направлении подавления воли и расщепления духа, омрачения разума и расчеловечивания, растления и обессиливания человека через создание его ложного образа, в котором болезнь выдаётся за норму, а ложь – за правду.

Г-культура имеет общечеловеческий характер. Её элементы в той или иной степени концентрации присутствуют в культуре любого человеческого сообщества, поскольку все люди, живущие на Земле, являются носителями греха как изменённого состояния сознания.

Совокупность волевых устремлений, желаний и поступков людей, имеющих греховное содержание, достигает высокой энергетической концентрации и начинает определять главный вектор движения как жизни отдельного человека, так и больших групп людей, в том числе и всего общества, что ведёт к объединению человечества на основании греха и страстей, жажды комфорта и удовольствий. Этот факт и выражается понятиями общества потребления и г-культуры как культуры греха и фетишизации гедонизма, или глобального потребительства.

Главной особенностью г-культуры является отвержение идеи абсолютного добра, или Истины Христовой, отказ от абсолютных ценностей как якобы не соответствующей демократическим принципам личностного и культурного равенства, справедливости, понимания, взаимоуважения, бесконфликтности сосуществования людей с различными ценностями и мировоззрением. Однако, отвергая идею абсолютных ценностей основании приписывания им стремления к духовному, культурному и социальному доминированию и превосходству, идеология г-культуры приводит к подавлению идеи абсолютных ценностей и практики жизни согласно этим ценностям. Г-культура пытается установить запрет на их исповедание и манифестацию в социальной жизнедеятельности признающей их личности. Осуществляются попытки принуждения к отказу от духовно-нравственного смысла концептов традиционной культуры и внедрения в ценностно-смысловое поле культур, основанных на ценностях мировых религий, чуждых им смыслов и ценностей. Тем самым идеология г-культуры, формально утверждая толерантность как терпимость к инакомыслию, сама приходит к духовному диктату и насилию, истолковывая принципы терпимости и плюрализм в пользу ценностей г-культуры.

Г-культура, которая создаётся на основе идеи утверждения равнокачественности взаимоисключающих ценностных и мировоззренческих систем, явно и скрыто противодействует культуре традиционной. Традиционная культура претендует на обретение и познание абсолютного, необусловленного добра как Абсолютной Истины – благодати живой силы творческой славы. Фундаментальные смыслы и ценности традиционной культуры основаны на религиозном духовном опыте мировых, или традиционных религий, являются производными от этого опыта. Сущностью и содержанием этого опыта является жизнь в благодати славы Бога Живого, вера в благодать Которого присутствует во всех мировых религиях.

Этот опыт аккумулируется, выражается и передаётся в таких концептах культуры как добро, благо, благодать, дар, правда, справедливость, истина, любовь, свобода, зло, грех, спасение для вечной жизни, милосердие, сострадание.

Религиозный духовный опыт, определяющий и наполняющий смысловое содержание этих слов, понятий, концептов, позволяет говорить об этом смысловом содержании как об истинном, живом, или простом, т. е. основанном на абсолютной Истине Божественного безусловного беспредпосылочного безотносительного бытия, или Царства Божия, Небесного. Истинный, живой, или простой смысл вещей, понятий, значений слов открывается как здравый смысл уму простому, целостному, живому, самобытному.

Так, слово *благо* в истинном, или простом смысле означает живую силу славы Божией, или благодать; слово *любовь* в истинном смысле будет означать дар жизни, благо-дарение, поддержка человеком другого человека в совместном в обретении духовной свободы, т.е. любовь к ближнему как к себе самому. Слово *правда* в истинном смысле будет означать знание основ, истоков жизни. Слово *свобода* – свободу от греха и страстей, бесстрашие, духовное равновесие, самобытность.

Г-культура, не отвергая концепты традиционной культуры, переозначает слова, их означающие, меняет смысловое содержание этих концептов. Так, слово *любовь* в г-культуре всё в большей степени начинает обозначать состояние влюблённости, страстной привязанности к её объекту или физиологический акт, связанный с деторождением, который в первую очередь должен доставить удовольствие, понимаемое как высшее благо. Слово *правда* – точную информацию о каком-либо факте (например, вопрос: Это правда, что Вы ударили тещу ногой в живот? Ответ: Да, это правда). Слово *свобода* означает вседозволенность и беспрепятственность в осуществлении желаний, и в первую очередь желания получения всевозможных удовольствий.

Концепт современной культуры *общечеловеческие ценности* в

традиционной и г-культуре наполняется разным смыслом и содержанием. В традиционном смысле под общечеловеческими ценностями будут пониматься благодать, сила Божественного присутствия в человеке, совесть и любовь как дар жизни.

В г-культуре под общечеловеческими ценностями будут пониматься различные психофизиологические процессы, связанные с переживанием всевозможных удовольствий от потребления их источников и условий - власти, доминирования, собственности, избеганием страданий

Трактовка общечеловеческих ценностей в потребительском смысле свидетельствует о личностной ориентации на потребительское отношение к жизни, культивирование удовольствий как нормы духовного устройства человека. В потребительском смысле под добром понимаются комфорт, счастье, стабильность, безопасность, власть и собственность. Понимание любви всё больше наполняется чувственно-эротическим содержанием. Свобода трактуется как свобода выбора и безудержное своеволие субъекта свободной чувственности, стремящегося к удовольствиям, власти, собственности.

Говоря о счастье как общечеловеческой ценности большинство людей обычно понимают под ним радость, радостное состояние души. Радость, обусловленную различными внешними причинами и обстоятельствами. Можно сказать, что именно в стремлении к обусловленной внешними причинами радости состоит главная особенность потребительского понимания общечеловеческих ценностей. Смысловое значение слова «счастье» как обусловленной внешними причинами, земной радости в русской православной культуре очень точно выражено поговоркой «Глупому счастье, мудрому Бог даёт». Мудрость русского народа понимает, что эти условия и обстоятельства, вызывающие радостное состояние души, обычно называемое счастьем, люди используют, потребляют для пробуждения этого радостного состояния счастья. Народная мудрость ясно видит различия счастья как обретения благ земных, тленных, обусловленных и блаженства благодати как дара безусловного блага вечной жизни славы Божией.

Логика стремления к счастью как обусловленной внешними причинами радости ведёт к тому, человек утрачивает своё духовное достоинство: духовную свободу благо-дарения – бескорыстного безусловного дарения блага славы Божией, которое не зависит от внешних обстоятельств и условий жизни. Человек лишается возможности дарения, способности дара, поскольку все его отношения ориентированы на обмен ценностями в целях их использования – потребления, или получения возможности испытать чувство обусловленной радости, или счастья. У

него исчезает способность к творчеству как самостоятельному созиданию, движимого любовью и во имя любви, и заменяется изобретательностью, или как теперь принято выражаться, креативностью. Потребительские дух и идеология, таким образом, культивирует в человеке бездарность и бессилие, меняют бытие человека-творца и дарителя на образ бездарного, обесиленного, лишённого естественных идентичностей атомизированного потребителя-торговца, управляемого извне посредством СМИ, рекламы и других средств манипуляции сознанием и поведением.

В ценностно-смысловом поле г-культуры свобода духа, самообладание подменяются свободой-вседозволенностью, т.е. властью инстинкта и страстей. Сущность человека биологизируется. Глубина и многообразие человеческого бытия сводятся к его биологической и социальной составляющим.

В христианской традиции факт наличия явлений культуры, имеющих ложное ценностно-смысловое содержание и направленность, выражается библейскими высказываниями: «Мир во зле лежит» (1 Ин. 5, 19) и «Всяк человек – ложь» (Пс. 115, 2).

Однако в современной русской духовной культуре, в духовном мире наших современников сохраняется понимание ценностей в смысловом ключе русской православной духовной традиции. Это понимание по-прежнему присутствует в духовной жизни людей, принадлежащих русскому миру, русской православной культуре, где ценности чтутся и сохраняются такими же, какими они почитались их предками много лет назад. Традиционные ценности (или традиционное понимание, осмысление ценностей) передаются от поколения к поколению неизменными на протяжении многовековой истории русского народа.

К этим традиционным ценностям относятся добро, понимаемое как благодать, бескорыстный дар вечной жизни славы Бога-Троицы. Совесть, как голос Божий в душе человека, удерживающий человека от ухода с пути добра и любви, указывающий на различие добра и зла, достойного и недостойного и удерживающий человека от грехопадения. Правда, как знание основ, корня, источника жизни – крестной силы славы Божией. Справедливость как утверждения братства и равенства всех людей перед Богом Живым. Духовное совершенство, понимаемое как полнота жизни в мире, жизни со Христом и во Христе. Свобода, понимаемая как благодать, свобода славы детей Божих (Рим. 8, 21). Самоорганизация, или самодержавие, самобытность понимаемые как смирение – жизнь в мире, покое и полноте радости благодати Святой Троицы.

В отличие от потребительски-бездарного понимания ценностей традиционные ценности имеют православное жизнеутверждающее

(онтологическое) содержание и смысл и основываются на благодати – даре самобытной жизни славы Божией, безусловной целостности живого духа, активном равновесии бесстрастия богоподобной любви - любви к Богу и ближнему как к самому себе.

Традиционные ценности предполагают в человеке и развивают в нём причастность благодати - способность и возможность быть самостоятельным активным ответственным субъектом своей духовной жизни, жить не по чужой, навязанной извне, а по своей воле, являющейся действительно свободной, если она совпадает с волей Бога Живого, согласуется с законом, который написан Творцом в сердцах людей - законом совести. Содержание и онтологические основания традиционных ценностей указывают на то, что русская православная духовная культура является культурой дара.

Одной из таких традиционных ценностей является доброжелательность как проявление благодатной духовной сущности человека, его призвания к богоуподоблению в любви как даре вечной жизни радости и славы Божиих.

В русской православной духовной традиции доброжелательность выражается и передаётся такими словами: «Спасибо» (спаси Бог), «Благодарю» (дарю благо славы Божией, уподобляясь своему Творцу – подателю вечной жизни славы, радости и любви), «Бог в помощь!» (для поддержки в различных благих начинаниях), «Всего доброго», «С Богом!» (при прощании).

В современной России практически общеупотребимой формой пожелания добра стало пожелание «Удачи!». Что же означает слово «удача»?

В толковых словарях русского языка значение этого слова раскрывается как *везение, желанная неожиданность, счастье, счастливое совпадение обстоятельств*, т.е. такое совпадение обстоятельств, которое неожиданно, непреднамеренно, случайно приводит к желаемому благу - пользе, выгоде, удовольствию, такому исходу дела, который нужен, выгоден кому-нибудь.

Удача – это везение, т.е. случайная, неожиданная, но желанная выгода, для обретения которой выгодополучатель не затратил никаких усилий, поскольку получил её неожиданно для себя, случайно.

Иногда слово «удача» используется как синонимичное слову «успех» в значении – желаемый исход, результат дела, но который не вполне зависит от сознательных усилий и стараний деятеля.

Но если слово «успех» скорее характеризует достижение поставленных целей, которые достигаются упорным трудом, то слово

«удача» подчёркивает неожиданный, случайный характер, не зависящий от сознательных деятельных усилий «удачеполучателя». Значения этих двух слов объединяет то, что они указывают на земной характер обретаемых благ - выгоды, пользы, удовольствия, причём слово «удача» подчёркивает нечаянный, случайный характер обрётённых благ, т.е. тех благ, обретение которых выражается словом «счастье». В русском языке нет выражений «удачное спасение от греха и страстей для вечной жизни», «удачно помолиться», «успешная молитва», «успешный святой», «удачное покаяние».

Употребление слова «удача» для выражения благожелательности ближнему свидетельствует о нескольких вещах: - том, что люди, употребляющие слово «удача», не задумываются над смыслом сказанного, бездумно пользуются речевыми шаблонами для выражения своих добрых чувств; - что эти добрые чувства стали уже не добрыми в традиционном, православно-онтологическом смысле слов «добро», «благо», «любовь».

Таким образом, подтверждается, что под добром, благом в ценностно-смысловом поле современной России теперь понимается не радость и любовь благодати – дара силы славы Божией, а выгода, польза, удовольствие, счастье, успех, удача – благо, получаемое без напряжения трудовых деятельных усилий, случайно.

Является ли эта ситуация в ментальной практике современных россиян выражением тенденции в их духовной жизни и свидетельством изменения духовной культуры России в сторону прагматизма или она уйдёт так же случайно, как и пришла, покажет время.

А пока можно пожелать соотечественникам более осознанно и осмысленно выбирать слова для выражения своих добрых чувств и тех ценностей, которые они чтут по-настоящему и которыми хотят поделиться с ближними.

Литература

1. Фурсенко честно рассказал о целях реформы образования // Правда - TV Новости мира, России, Украины и Новороссии От 19.04. 2012.: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>.

Shirmanova M.Yu. G-CULTURE AND SPIRITUAL HEALTH OF A PERSON

The article discusses the concept of g-culture and especially its value-semantic content, the ratio of modern life and traditional consumer values and ontological meaning. In the article the analysis of psychological and spiritual content of consumer spirit, and lexical forms of its expression.

Key words: *culture, consumer society, the spiritual culture of personality, traditional values, and spiritual health of the individual.*

Ширманова Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

УДК: 316.44

Скворцов Ю.А.

К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ СРЕДОВОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ СТУДЕНТОВ)

В статье описаны результаты социологического исследования маятниковых студенческих миграций и анализа этих данных на 2011 год. Приводятся данные конкретно-социологического исследования изучения маятниковых студенческих миграций как аспекта средовой маргинальности описанная с использованием теории Каганского.

Ключевые слова: социологический опрос, анализа, маятниковые миграции, средовая маргинальность, жители малых городов, студенты, переходная зона, маргинал.

Миграция является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный социальный процесс, затрагивающий многие стороны жизнедеятельности общества. В течение всего XX века наблюдается интенсивное расширение миграционных потоков, а в начале XXI века феномен миграции стал составляющим фактором всех глобальных изменений. Собственно сама глобализация в значительной степени интенсифицировала этот процесс. И это потребовало новых подходов к миграционной политике, способствующей достижению и поддержанию баланса интересов международных акторов, участвующих в регулировании миграционных процессов.

В настоящее время социальная структура общества является рассеянной системой, то есть на данный момент в обществе происходит распад большинства социальных связей, размывания базовых норм и структур самого социального целого. Поэтому может возникнуть

специфический тип личности, так называемый маргинальный человек, со статусом и положением, которое трансформировалось под воздействием внешних обстоятельств. Изменения социального целого приводят к изменению и ломке привычных социальных отношений, изменения социальных ролей и связанных с этим вариантов образа жизни.

Изучением проблемы маргинала занимались Р. Парк, А. Керкхофф, Т. Мак-Кормик, Т. Шибутани, Дж. Манчини, К. Маркс, К. Рабан, В. Каганский, М. Темкин, Е. Старикова, Н. Навджавонов, И. Прибыткова, В. Прок, И. Казаринова и другие [1, с. 47].

При рассмотрении проблемы маргинальности в современных условиях продуктивным представляется использование комплексного подхода, в рамках которого маргинальность является результатом воздействия целого комплекса структурных и культурных факторов. Таким образом, маргинальность понимается как трансформация положения (позиций (объективные условия – социальное положение субъекта в структуре) и диспозиций (субъективные оценки – ценности, нормы, представления и т.д.)) субъектов в социальной структуре общества (с его нормами, взятое в качестве объективного целого).

Невзирая на относительно большое количество научных исследований маргинала, на наш взгляд, проблема средового маргинала, выделенная в теории В. Каганского, заслуживает особенное изучение в рамках малых городов Донецкой области [2; 3].

По мнению В. Каганского маргинальность – это признак переходной – пограничной зоны, а маргинал – ее житель, обитатель, персонаж; переходные – пограничные зоны в его представлении одновременно чрезмерно и недостаточно определены, двойственны, амбивалентны, богаты краевыми эффектами. В тоже время далеко не все переходные зоны ассоциируются с маргинальностью; похоже что маргинальность – случай особый, культурно и выделенный и универсализируемый. Универсальное место пространства в культуре принимается как данность, как и почти универсальная моделирующая роль пространства в науке, стремление изобразить, назвать, или представить как пространство почти все. Проблема маргинальности плохо очерчивается и трудно удерживается: рефлексии проще и привычнее совершиться над тем, что имеет ясное место, уже находится в центре [3].

Основа взгляда В. Каганского является пространственный подход. Пространство понимается широко: и физически-телесное и фазовое, семантическое пространство, тем более, что социальное, культурное, ландшафтное пространство включают оба компонента. Пространство – это универсум, где есть места, позиции, смежность, удаленность, близость,

расстояния, направления, области, зоны, границы; эти категории являются главными в его теории. Для пространства осмысленны вопросы: *где? куда? как далеко? рядом с чем? в центре? на периферии?* Пространство не терпит пустоты: все его возможные места заняты, заполнены; каждое место имеет смысл, связанный с его положением [3].

Все реальное пространство неоднородно и разнообразно. Его разнообразие находит выражение в разделении на области, части, районы; их разделяют и связывают границы. Граница – разрешение проблемы соседства двух максимально сближенных разных, (не имеющих общих существенных частей) объектов. Граница – выражение и разрешение ситуации соседства. Проведение границ прямо не связано с континуальностью или дискретностью пространства; границы сложнее. Язык границ, изображение сетью граничных линий тех областей, на которые делится целое – способ представить пространство дискретизованным. В границы дискретность привносится и в них концентрируется. Граница – дискретное выражение дифференциации [3].

Он полагает, что маргинальная ситуация не исчерпывается положением «между» – статусами, нормами, ролями. Любую границу однозначно провести практически невозможно, всегда имеет место взаимоналожение двух (и более) различных зон, дающее переходное, промежуточное состояние. ***Средовая маргинальность может иметь два варианта:***

1) зона двупринадлежности, например, смесь городского и сельского образа жизни;

2) зона двунепринадлежности, например, пригородная зона. В обоих случаях возникает ощущение неопределенности среды и / или - ощущение, что находишься «не в том месте, где бы хотел», в неопределенной, неясной территориально-пространственной среде [3].

Средовая маргинальность – это ситуация несовпадения локусов личностного бытия и объективных характеристик среды, несовпадение личностных и средовых структур – ситуация, когда личностные параметры (мотивы, установки, смыслы) не совпадают с параметрами среды (ландшафтом, архитектурной, функциональным назначением, символическим содержанием) [2; 3].

Основаниями средовой маргинальности являются:

1) социальная маргинальность в статусном, нормативном и ролевом аспектах как результат социетальных процессов,

2) миграционные процессы,

3) личностно-биографические процессы: самосовершенствование или деградация личности,

4) символическая динамика архитектоники среды – саморазвитие городской среды и отставание от него личностного роста.

Формы средовой маргинальности:

1) неопределенность образов среды: семантики территории и пространства смыслов,

2) неудовлетворенность средой,

3) непринятие, чуждость среды,

4) враждебность среды.

Проблемы средовой маргинальности:

Проблема территориальной идентификации и идентичности.

Характер средовой идентификации является одним из факторов поведения. Как пишут Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов, «в субъективном семантическом пространстве территорий процесс принятия решений о том или ином поступке «разговаривает» на языке образов: «Я член территориальной общности». Таким образом, можно сказать, что психологическая сущность семантического пространства интериоризованных образов территорий состоит в том, что оно является знаковым прообразом пространства деятельности».

Проблема вандализации среды.

Проблема социальной ответственности за территорию проживания: города, микрорайона, жилого дома, квартиры как локуса жизни родных и близких. Отношение к жилой среде как фактор социализации, коммуникации (например, внутрисемейной), поведения в целом.

Проблема дегуманизации среды в связи с гипертрофией модуса потребления и последующей проблематизацией реализации модуса бытия (вариант проблемы самореализации личности) [3].

В данной статье мы будем рассматривать такие проблемы:

• *удовлетворенность средой обитания жителей малых городов Донецкой области;*

• *степень остроты проблемы социальной ответственности за территорию, на которой студенты родились и проживают;*

• *степень привязанности маятникового мигранта к территории на которой он родился;*

• *степень средовой маргинализации у маятниковых мигрантов;*

• *степень влияния студенческой маятниковой миграции на такое явления как средовая маргинализация*

В настоящей статье рассматривается маятниковая студенческая миграция малых городов Донецкой области как аспект средовой маргинализации. Базой для исследования была взята студенческая среда,

поскольку начальный этап профессиональной подготовки определяет весь ход дальнейшей жизни человека, оказывает комплексное влияние на лицо студента: его профессиональные качества, социально-психологические характеристики, жизненные ценности и идеалы [4; 5].

Для определения уровня средней маргинализации нами был проведен социологический опрос в 2011 году среди студентов макеевского ВУЗа. Выборка респондентов была многоступенчатая и включала в себя три этапа.

На первом этапе выборка распределилась по факультетам и потокам внутри вуза. На этом этапе использовался принцип пропорциональных квот: количество респондентов на каждом из трех курсов каждого факультета распределялось пропорционально доле этой категории среди всех студентов-экономистов, правоведов, психологов и социологов, обучающихся в вузе.

Второй этап выборки предполагал определение студенческих групп, в которых производился опрос. На каждом потоке отбирались несколько групп, типичных для данного факультета и потока по таким показателям, как численность студентов и проживание в другом городе донецкой области (гнездовая выборка).

Наконец, на последнем, **третьем этапе** производился отбор студентов, подлежащих опросу, из списков студенческих групп. Принцип отбора – механическая выборка. Шаг выборки определяется для каждого потока на факультете, в зависимости от соотношения численности студентов в отобранных группах, и предполагаемого объема подвыборки.

В разработанном опроснике были такие эмпирические переменные как – направленность территориальных перемещений, периодичность поездок в город для обучения в вузе, время затраченное на поездки к месту обучения, вид транспорта, намеренность покинуть родной город, самоидентичность студентов с городом, участие в решении проблем города в котором родились, участие в работе органов местного самоуправления родного города. Опрос проводился методом анкетирования на месте обучения студентов. Полные результаты исследования были опубликованы в магистерской работе Скворцова Ю.А.

В ходе социологического исследования нами было опрошено 300 иногородних студентов, которые приезжают на обучение в ВУЗ в возрасте от 17 до 21 года. Среди опрошенных – 30% юношей и 70% девушек. Тот факт, что девушки преобладают в институте можно объяснить тем, что большинство специальностей в ВУЗе имеют гуманитарную направленность.

В большинстве своем (90.6%) наши респонденты не состоят в браке,

5,4% живут в незарегистрированном браке и только 4% заключили законный брак.

Распределение респондентов по городам мы можем увидеть в таблице 1. Из результатов следует, что в большинстве своем (31,5%) студенты-мигранты проживают в городе Харцизск, так же наблюдается большое количество студентов из города Тореза (9,4%).

Таблица 1

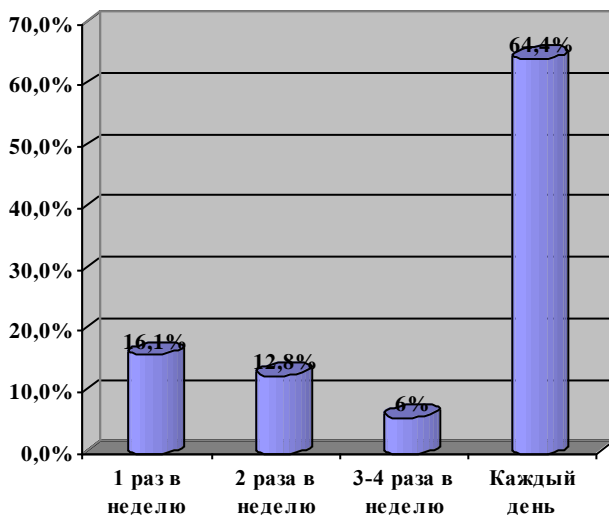
Населенный пункт проживания респондентов

Населенный пункт	Проценты
Амвросиевка	2,7
Докучаевск	2,7
Енакиево	6,0
Ждановка	2,0
Зуевка	,7
Иловыйск	2,0
Кировское	4,7
Колодец	1,3
Мариуполь	6,7
Торез	9,4
Ханжонково	4,0
Харцизск	31,5
Ясиноватая	7,4

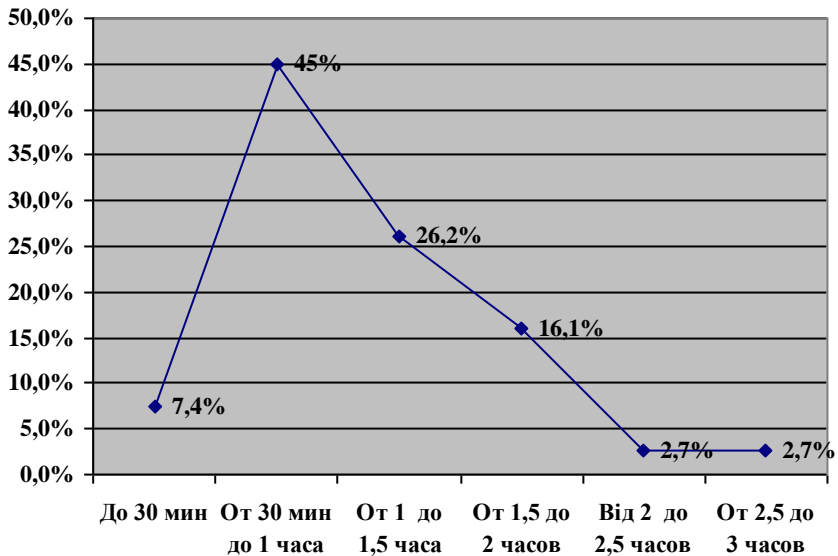
Нами были выяснены миграционные установки наших респондентов по окончанию школы. Установлено, что большинство наших респондентов – это 74,5% имели установки на то, чтобы выехать из своего города и поступить в ВУЗы в других городах. Из них 60,4% направлены на то, чтобы поступить в ВУЗы в другом городе Донецкой области и 14,1% направлены на то, чтобы поступить в ВУЗы в другом городе. Как мы видим из полученных результатов, что прослеживается такая тенденция – молодежь студенческого возраста малых городов Донецкой области с самого начала ставит перед собой цель осуществить миграцию в другие города.

Также респондентам предлагалось оценить меру направленности своих территориальных перемещений. Эти данные дают нам представление об основных направлениях передвижения студентов-мигрантов.

Опрошенные, в большинстве своем, осуществляют поездки в другой город Донецкой области - 67,8% респондентов. Так же для них характерные перемещения между районами своего города – это 24,2%, и только 8,1% респондентов осуществляют поездки в областной центр - город Донецк. Поскольку респонденты осуществляют маятниковые миграции, следовательно у них снижается социальная ответственность за территорию проживания, а это является одной из причин средовой маргинализации. Из диаграмм 1 и 2 следует, что в большинстве своем студенты перемещаются на обучение ежедневно и тратят при этом от полчаса до часа свободного времени на то, чтобы добраться до места обучения. Это свидетельствует о том, что большинство студентов-мигрантов живут в малых городах Донецкой области неподалеку от места обучения. Из этого следует, что количество времени, потраченного на передвижение и периодичность поездок обуславливает то, что студент в большей степени проводит времени на территории где находится ВУЗ, в котором он обучается. Это является свидетельством того, что респонденты теряют социальные связи с территорией, на которой проживают.

Диаграмма 1 Периодичность поездок на учебу

Диаграмма 2. Время, потраченное на поездки

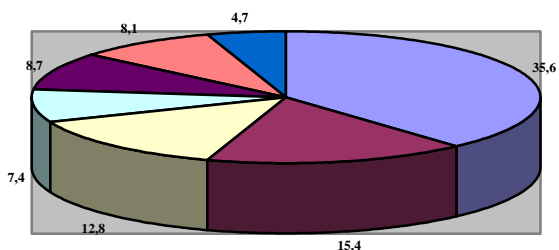
В ходе дальнейшего исследования нашей темы мы пытались выявить главные причины студенческой маятниковой миграции. Основными причинами перемещения в другой город наши респонденты назвали:

- 1) в городе, в котором проживает респондент, нет ВУЗа - 35,6%;
- 2) у ВУЗа родного города нет специальности, на которую респондент хотел пойти обучаться, - 15,4%
- 3) желание получить качественное высшее образование - 12,8%. (см. Диаграмму 3)

Таким образом, наиболее приоритетной причиной маятниковой миграции можно назвать отсутствие ВУЗа по месту жительства респондентов, а наименее приоритетными причинами являются: позитивный пример друзей и знакомых, а также будущие перспективы: карьера, высокий доход и желание получить диплом престижного ВУЗа.

Необходимо отметить, что почти половина опрошенных респондентов (46,3%) после окончания ВУЗа выразили желание окончательно оставить родной город и переехать в другой. Из них на 5% больше тех, кто быстрее покинет город, чем тех, кто уже определился с отъездом окончательно.

- В моем городе отсутствует ВУЗ
- В ВУЗе моего города отсутствует специальность которую хотел получить
- Желание получить качественное высшее образование
- Желание получить диплом престижного ВУЗа
- Будущие перспективы: карьера, высокий доход
- Влияние родителей
- Позитивный пример друзей и знакомых

Диаграмма 3. Причины миграции в другой город (в процентах)

Одним из заданий нашего исследования было определение меры остроты проблемы социальной ответственности за территорию, на которой студенты родились и проживают. Это задание характеризует следующий блок вопросов в нашей анкете – «участвуете ли Вы в работе органов местного самоуправления города, в котором проживаете?» и «Вы участвуете в решении проблем города (району, улице), где родились и проживаете?»

При рассмотрении вопроса об участии наших респондентов в решении проблем города, где они проживают, мы получили следующие результаты: 43% опрошенных не берет участие в решении проблем города, а группа, которая участвует, составляет лишь 9,4% респондентов. Также у нас выделилась группа, которая еще не определилась, насколько участвует в жизни города. Эта группа составляет – 47,7% опрошенных. Из полученных данных прослеживается такая тенденция – студенты-мигранты в большинстве своем не участвуют в городской жизни или еще окончательно не определились со своей судьбой участия. Это свидетельствует о том, что

студенты мало заинтересованы социальным и экономическим развитием родного города.

Следующий вопрос анкеты «Вы берете участие в работе органов местного самоуправления города, в котором проживаете»? подтвердил наше предположение о том, студенты-мигранты не заинтересованы в развитии своего города. Это доказывают такие показатели – 86,6% респондентов не принимают участия в работе органов местного самоуправления, и только где-то шестая часть респондентов участвует в их работе. Из них в домовом совете 7,4%, в поселковом совете и городском совете местного самоуправления по 2% соответственно. Исходя из полученных данных, часть респондентов, которые не принимают участия в работе на 73,2% больше, чем те, кто участвует. Это дает основания утверждать, что проблема социальной ответственности за территорию становится острой для малых городов Донецкой области. Эта проблема является одной из составляющих средовой маргинализации.

Таким образом, в ходе анализа результатов исследования следует, что на студенческие миграции в большей степени влияет то, что в городе, где проживает респондент, нет высшего учебного заведения, а также отсутствующие возможности освоить специальности, по которым они хотят обучаться и получить качественное высшее образование. Следовательно, выдвинутая гипотеза подтверждена частично, поскольку такие факторы, как желание получить диплом более престижного ВУЗа и влияние родителей, знакомых, друзей, не подтвердились в ходе исследования. Следующая гипотеза исследования - «При постоянном перемещении между городами расположение к родному городу становится менее значимым» – также подтвердилась частично, поскольку расположение к своему городу остается на высоком уровне, хотя группа, которая потеряла расположение к родной территории, уже увеличивается. А если смотреть самоопределение респондентов, то треть иногородних студентов уже считает себя жителями того города в котором проводят больше своего времени. Кроме того, социальная ответственность за территорию, на которой проживает наш респондент, становится менее значимой из-за того, что они постоянно осуществляют поездки на обучение и не находятся постоянно на территории своего города, и физически не могут участвовать в работе органов местного самоуправления и решении проблем своего города. В качестве второй причины можно выделить нежелание самих респондентов совершенствовать и развивать социальные и экономические связи города.

Обобщая вышесказанное, мы видим целый ряд проблем, которые сопровождают маятниковую миграцию студенческой молодежи: во-первых, это территориальная идентификация и идентичность наших респондентов,

во-вторых, ярко выраженная проблема снижения социальной ответственности за территорию, на которой проживают опрошиваемые, в-третьих, это проблема самореализации личности на родной территории.

Все выделенные проблемы присущи такому социальному явлению как средовая маргинализация. Поэтому можно сделать вывод, что проблема средовой маргинализации ярко выражена среди студенческой молодежи малых городов Донецкой области. Как мы убедились, сущность феномена средовой маргинализации и ее парадокс состоят в том, что человек заложником специфической ситуации, когда находится одновременно в разных топосах (фигурально выражаясь, телом пребывает в одном, а душой – в другой). Вот тут-то и возникает проблема средовой идентификации и одновременно проблема локуса личностного пространства.

В дальнейшем желательно изучить не только как влияют студенческие маятниковые миграции на формирование средовой маргинальности, но и другие факторы, влияющие на этот феномен. А так же посмотреть динамику маятниковой миграции уже в новообразованной Донецкой Народной Республике.

Литература

1. Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ / И.П. Попова – М.: Союз, 1996. 77 с.
2. Каганский В. Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта / В.Л. Каганский // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 54 – 65.
3. Каганский В. Л. Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница / В.Л. Каганский // Мир психологии. 1999. № 3. С 15 – 28.
4. Запесоцкий А. И. Молодежь в современном мире / А И Запесоцкий. – СПб.: СПбИК, 1998. С. 59 – 65.
5. Вишневский Ю. Р. Шапко В. Т. Студент 90-х – социокультурная динамика. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 2000. №2. С. 56 – 64.

Skvortsov Y.A. TO THE HISTORY OF THE ENVIRONMENTAL MARGINALITY PROBLEM OF THE SMALL CITIES RESIDENTS IN DONETSK REGION (ON THE EXAMPLE OF THE STUDENTS CIRCULAR MIGRATION)

The article describes the results of a sociological survey of circular student migrations and an analytics of these data for 2011. The data of a case sociological study of circular student migrations as an aspect of environmental marginality, which were described using Kagansky's theory, are given in the article.

Key words: *sociological survey, analytics, circular migrations, environmental marginality, residents of small towns, students, transition zone, marginal.*

Скворцов Юрий Анатольевич – методист научного отдела, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого педагогического института (г. Донецк).

УДК 316

Оставная А.Н., Волкова О.А.

ПОТРЕБНОСТЬ МИГРАНТОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВЕ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИХ ДЕТЕЙ ¹

Целью данной статьи является представление результатов исследования потребностей мигрантов в дистанционном образовании как средстве сохранения этнокультурной идентичности детей.

Во-первых, в статье представлены результаты исследования, проведенного в 6-ти странах: России, Германии, Италии, Португалии, Великобритании, Израиля. Метод сбора первичных данных: фокус-группа. Участники фоку-групп: мигранты – выходцы из Приднестровья. Во-вторых, в статье приведены материалы исследования, проведенного в Дмитриевском сельском поселении Ракитянского района Белгородской области (Россия). Метод сбора первичных данных: фокус-группа. Участники фокус-группы: турки-мехетинцы, постоянно проживающие среди русскоязычного населения на территории Дмитриевского сельского поселения Ракитянского района Белгородской области (Россия).

Результаты исследования показали, что сеть Интернет предоставляет возможность изучения курсов, содержание которых основано на исторических и культурных особенностях родной страны.

---

¹Исследование проведено в рамках проекта «Supporting the implementation of the migration and development component of the EU-Moldova Mobility Partnership and harnessing its benefits for the residents of the Transnistria Region of the Republic of Moldova» funded by the EU and implemented by IOM, Mission to Moldova (CE.0245). А также статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» (№ 16-03-00057).

Ключевые слова: мигранты, этнокультурная идентичность, дистанционное образование.

С каждым годом сеть Интернет предоставляет населению планеты все больше возможностей для повышения его образовательного и культурного уровня. Увеличивается количество людей, желающих получить образование в другой стране, пройдя «интернациональное обучение». В этом случае сеть Интернет играет главенствующую роль, обеспечивая доступ обучаемого к образовательным ресурсам, которые он для себя выбирает.

Посредством дистанционного образования человек может реализовать свое право на образование и на получение интересующей его информации на родном языке. Сеть Интернет позволяет мигрантам обеспечить их детям прохождение обучения в образовательном учреждении своей страны и на родном языке. Дети мигрантов могут получить образование разных уровней, как основное, так и дополнительное.

В последние десятилетия увеличилось количество людей, участвующих в процессах миграции. С одной стороны, очевидной является задача интеграции детей мигрантов в социокультурную систему принимающей территории, с другой стороны – сохранения их этнокультурной идентичности.

Целью данной статьи является представление результатов исследования потребностей мигрантов в дистанционном образовании как средстве сохранения этнокультурной идентичности детей.

Авторы настоящей статьи в течение 2016 года осуществляли прикладные исследования, материалы которых презентуются здесь.

Во-первых, в статье представлены результаты исследования, проведенного в 6-ти странах: России, Германии, Италии, Португалии, Великобритании, Израиля. Метод сбора первичных данных: фокус-группа (N = 8). Участники фоку-групп: мигранты – выходцы из Приднестровья. Все они временно проживают на территории 6-ти стран: России, Германии, Италии, Португалии, Великобритании, Израиля (N = 56). Цель проведения фокус-групп: изучение ситуации и потребности приднестровских мигрантов в дистанционном обучении их детей в учебном заведении Приднестровья на родном языке.

Во-вторых, в статье приведены материалы исследования, проведенного в Дмитриевском сельском поселении Ракитянского района Белгородской области (Россия). Метод сбора первичных данных: фокус-группа (N = 1). Участники фокус-группы: турки-месхетинцы (N = 12), постоянно проживающие среди русскоязычного населения на территории

Дмитриевского сельского поселения Ракитянского района Белгородской области (Россия). Цель исследования: изучение ситуации и потребности турок-месхетинцев в дистанционном обучении их детей на турецком языке.

Результаты всех проведенных фокус-групп показали, что сохранение этнокультурной идентичности детей мигрантов в основном происходит через функционирование неформальных институтов: во-первых, расширенной семьи или какого-либо домохозяйства; во-вторых, социальных сетей мигрантов. Семьи мигрантов и близкое окружение их детей имеют ограниченный ресурс формирования этнокультурной идентичности у подрастающего поколения. Родственники и члены социальных сетей мигрантов не могут предоставить детям общую этнокультурную ситуацию в родной стране. Представители старшего поколения не владеют навыками работы в сети Интернет и дистанционными технологиями. Они не смогли ясно объяснить, что такое дистанционное обучение. С возможностями дистанционного образования в разной степени знакомы люди до 40 лет. Но они не имеют достаточно времени и не имеют опыта получения дистанционного образования. Поэтому они также не могут в полной мере использовать возможности сети Интернет. Они не могут научить детей пользоваться возможностями дистанционного обучения для получения знаний об этнокультурной специфике собственного народа. К таким выводам приводят нас высказывания участников фокус-групп.

Этнокультурная идентификация детей мигрантов происходит и по линии формальных институтов: официально зарегистрированных религиозных общин и диаспоральных организаций. Главная же проблема состоит в том, что они в некоторых случаях становятся каналами радикализации мигрантов. Один из участников фокус-группы отметил: *«Повышение образовательного и культурного уровня детей и молодежи способствуют исчезновению вредных для нас радикальных настроений. Наоборот, дети начинают с уважением относиться как к культуре своих предков, так и к культуре принимающего сообщества. Это ценно. А дистанционное обучение отвлекает молодежь от вредных мыслей. И время проходит с пользой»*(предприниматель, сфера переработки сельхозпродуктов, 45 лет, муж.).

Участники фокус-групп высказали мнение о том, что обозначенные трудности мигранты хотели бы преодолевать с помощью получения дистанционного образования. *«Надеюсь, мы с семьей через несколько лет вернемся в Приднестровье. И наши дети на Родине будут продолжать обучение в школах и в университетах. Но детям опять придется»*

привыкать к системе обучения в родной стране. Мы все бы хотели, чтобы наши дети сейчас учились в приднестровских школах. Дистанционная форма была бы нашим спасением. Тогда дети не отвыкали бы от родного языка и от тех правил, которые существуют в системе образования в Приднестровье. И к поступлению в университет готовиться было бы легче. В университетах, конечно, есть подготовительные дистанционные курсы. А в школах этого нет. Нам жаль» (муж., 39 лет).

Дети мигрантов используют следующие средства обучения: сетевые учебно-методические пособия, компьютерные обучающие системы, аудио и видео материалы, тренажеры с удаленным доступом, виртуальные лаборатории, электронные библиотеки, компьютерные фонды оценочных средств для контроля и самоконтроля.

Участники фокус-групп высказали мнение о том, что дистанционное образование является едва ли не единственным средством сохранения этнокультурной идентичности детей, мигрировавших вместе с родителями. В лучшем случае несовершеннолетние посещают образовательные учреждения, расположенные на принимающей территории. В худшем – дети не получают образования, поскольку вынуждены трудиться, помогая родителям. Кроме того, они могут не посещать образовательные учреждения и из-за незнания местного языка, на котором осуществляется обучение. Или же ходить на занятия, но не понимать учебного материала из-за языкового барьера. Ситуация усугубляется тем, что территориальная направленность миграции различна, что не позволяет мигрантам использовать одни и те же способы сохранения этнокультурной идентичности как своей собственной, так и детей.

Обратимся к результатам изучения групп мигрантов, выехавших из Приднестровья в настоящее время проживающих на территории 6-ти стран: России, Германии, Италии, Португалии, Великобритании, Израиля. По мнению участников фокус-групп, только 1,5 % детей мигрантов из Приднестровья получают образование в дистанционной форме. Речь идет только о тех детях, которые мигрировали вместе с родителями. Дети дистанционно учатся в учебных заведениях Молдавии, Приднестровья, России, Румынии. Выбор учебных заведений зависит от языка обучения, который является родным для детей.

Привлекательность различных стран для мигрирующих приднестровцев во многом зависит от того, какими языками они владеют. Так в России, Великобритании, Израиле и Германии доля приднестровских русскоязычных иммигрантов превосходит количество

мигрантов из Приднестровья других национальностей. В Италии и Португалии преобладает доля приднестровских молдаван. Данный факт объясним с точки зрения языкового фактора – молдавский язык входит в одну языковую группу с итальянским и португальским, что облегчает языковую адаптацию молдаван в этих странах.

Исследование, показало, что, население Приднестровья абсолютном большинстве знает русский язык. Это послужило одной из основных причин (85,0 % – 90,0 %) выбора России в качестве страны миграции. По этой же причине дети мигрантов для дистанционного обучения выбирают российские вузы. В случаях с остальными странами нами выделены следующие закономерности. Во-первых, использование языка принимающей страны в общении с членами семьи (домохозяйства) чаще всего связано либо с официальным браком или сожительством с представителем местного населения, либо с работой в секторе домашнего хозяйства и проживания в домохозяйстве работодателя. Во-вторых, сохранение родного языка происходит в сфере занятости принимающей страны, если в данном секторе трудоустроены соотечественники. Как в первом, так и во втором случае у мигрантов и у их детей снижается потребность в дистанционном обучении в вузах Родины. И, наоборот, возрастает потребность в получении образования в вузах той страны, в которой мигранты планируют остаться для постоянного проживания. Причем мигранты стараются устроить своих детей для очного обучения. А взрослые изъявляют желание получить образовательные услуги в дистанционной форме в вузах принимающей страны, чтобы иметь местный диплом.

Высказывания участников фокус-групп свидетельствовали о том, что вопрос сохранения этнокультурной идентичности у детей родители считают очень важным. Но на первое место они ставят решение задачи интеграции детей в местное сообщество, в том числе, через устройство их в местные учебные заведения для очного обучения. И лишь второе место родители отводят для сохранения этнокультурной идентичности детей посредством дистанционного обучения в вузах страны, из которой они приехали.

Турки-месхетинцы во время проведения фокус-группы утверждали, что 100 % их детей школьного возраста учатся в местных школах. Речь идет о 100 %, поскольку турки-месхетинцы, иммигрировав на территорию России, поселились в Дмитриевском сельском поселении для постоянного проживания. Обучение в этих школах проходит на русском языке. Вместе с тем, участники фокус-группы отметили, что только 5 % их детей получают образование в дистанционной форме. Из них только половина

обучается на турецком языке. Причем 90 % всех обучающихся в дистанционной форме старше 16 лет. Все 100 % проходят обучение (самообучение) на бесплатных дистанционных курсах. На платных дистанционных курсах никто не учится.

Дети записывались в группу изучения турецкого языка и турецкой культуры по этому адресу: <http://evimturkiye.com/forum/16-2536-1>. На сайте содержится виртуальная турецкая клавиатура, онлайн-словарь, текстовый справочник по грамматике турецкого языка, грамматика турецкого языка в таблицах, контакты для обращения за помощью в режиме «вопрос-ответ».

Каждый урок турецкого языка сопровождается практическим заданием на закрепление теоретического материала. Обучающимся предлагается сделать несколько заданий, перевести небольшой текст, заучить выданные слова. В любое время суток по выбранному уроку обучающиеся могут размещать решенные задания. Преподаватели проверяют работы каждого участника, исправляют ошибки, объясняют их происхождение, советуют, на что именно обратить свое внимание, отвечают на вопросы, которые появились в ходе изучения темы и выполнения домашнего задания. В уроке содержится материал и интерактивные ссылки (они выделены голубым цветом). По этим ссылкам нужно обязательно переходить, иначе материал не будет изучен полностью.

Онлайн-обучение для многих в новинку. И часто бывает непонятно, как работать, например, на форумах. Участие в форуме, получение и отправление выполненного домашнего задания на проверку имеют специфику. Уроки выкладываются 3 раза в неделю, но слушатели не обязаны успевать делать их день в день. Все предыдущие уроки выложены на сайте, и обучающиеся в любое время могут выполнить домашнее задание. В каждом уроке дается материал или интерактивная ссылка на него. Ссылка синего цвета, при наведении мыши она подчёркивается, а при нажатии отправляет пользователя на другую страницу. На одной странице темы умещается 25 сообщений. Преподаватели рекомендуют обязательно прочитывать все сообщения, так как иногда учителя ведут диалог с учениками, дают рекомендации, пишут объявления или размещают дополнительные упражнения для тренировки. Если у слушателя возникает вопрос по теме, то он может задать его в специальном поле сообщения. Учителя ответят на него во время проверки. Если у ученика возникает вопрос не по теме, то его следует написать в поле «вопрос-ответ». Учитель проверяет за раз по одному уроку у каждого ученика. Поэтому, если ему отправить на

проверку сразу несколько уроков, то он их будет проверять не все сразу. Нужно проявлять терпение и уважение к учителям. Уроки не следует высылать по электронной почте. Они проверяются лишь при отправке в специально отведенном для этого разделе на форуме. Перед отправкой урока на форум следует сохранять копию на компьютере. Это поможет избежать потери урока при сбоях на сайте и в сети Интернет. На сайте <http://evimturkiye.com/forum/16-2536-1> размещен опрос «Был ли вам полезен базовый курс турецкого языка?» [1].

В целом все респонденты отметили, что в дистанционном обучении их детей наиболее полезными оказались следующие средства электронной коммуникации:

- внутренняя электронная почта – средство связи, используемое только слушателями дистанционных курсов;

- обмен файлами – пересылку электронных документов между участниками дистанционного образования;

- видеосервис – организацию визуальных презентаций, конференций и сессий общения между участниками дистанционного образования;

- белая доска – онлайн-сервис, позволяющий осуществлять свободный просмотр и редактирование тестов, которыми обмениваются участники дистанционного образования;

- записная книжка – личный документ, позволяющий обучающимся делать личные заметки по поводу осваиваемых курсов;

- дискуссионные форумы – онлайн-средства обмена сообщениями, где вопросы и ответы группируются в зависимости от тематической структуры виртуального форума;

- чат – синхронный обмен сообщениями в форме диалога или групповой дискуссии.

Возможность сохранения этнокультурной идентичности посредством использования дистанционного образования отражена в высказываниях тех потомков мигрантов (турков-мехетинцев), у которых мы брали интервью. *«Вот он старше, он знает все эти правила. Он может много рассказать. Он по этим правилам живет. И все остальные с ним советуются. Но каждое следующее молодое поколение знает уже мало и не соблюдает традиции предков. Только кто в Турцию уехал жить, те вынужденно общаются на турецком. Хотя современный турецкий от нашего исторического сильно отличается. Турков-мехетинцев много, но они разбросаны по всему миру. Между собой практически не общаются. Было бы великолепно, если бы наши дети имели возможность дистанционно, при помощи компьютеров*

изучать нашу историю и культуру» (турок-месхетинец, муж., 45 лет, предприниматель). С этим высказыванием человека среднего возраста согласуются и содержание реплик представителей других поколений.

Анализ результатов фокус-групп позволил нам сгруппировать преимущества дистанционного образования, которые были упомянуты респондентами.

Во-первых, мигранты, как правило, происходят из развивающихся стран (третьего мира). Для них создание и поддержка функционирования традиционных институтов этнокультурной социализации требует значительных финансовых ресурсов. Дистанционное образование может быть организовано при сравнительно меньших экономических издержках. Но и здесь участники фокус-групп отмечают трудности.

Во-вторых, особенность современного мира состоит в том, что мигранты имеют высокую степень территориального рассредоточения. Дистанционное образование способно преодолеть эти ограничения доступа к образовательным ресурсам вне зависимости от места проживания мигрантов.

В-третьих, дистанционное образование может быть рассчитано как на детей мигрантов, так и их родителей.

В-четвертых, содержание дистанционного образования может носить индивидуальный характер в зависимости от возраста, имеющегося образования, личных потребностей ребенка, а также от пожеланий его родителей.

В-пятых, дистанционное образование способно содержать комплекс учебных дисциплин и видов деятельности, характерных для конкретной этнокультурной группы мигрантов (языкознание, религиоведение, история, литература, кулинария, народные промыслы и т.д.).

В-шестых, содержание дистанционного образования может подвергаться мониторингу официальных властей принимающих стран и тем самым исключать возможность радикализации групп мигрантов, получающих образование в дистанционной форме.

В-седьмых, сеть Интернет предоставляет возможность получения дополнительного образования на родном языке и изучения отдельных курсов, содержание которых основано на исторических и культурных особенностях родной страны.

Литература

1. Бесплатные курсы турецкого языка онлайн для начинающих. : [Электронный ресурс] – URL: <http://evimturkiye.com/forum/16-2536-1>.

Ostavnaya A.N., Volkova O.A. MIGRANTS' DEMAND IN E-LEARNING AS A MEANS OF PRESERVING THE ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY OF THEIR CHILDREN

The purpose of this article is to present the results of a study of the demand of migrants in distance education as a means of preserving the ethno-cultural identity of children. First, the article presents the results of a study conducted in 6 countries: Russia, Germany, Italy, Portugal, Britain, Israel. Method of collecting primary data: focus group. Participants of focus groups: migrants from Pridnestrovie. Secondly, the article presents the materials of a study conducted in the Dmitrievsky rural settlement of the Rakityansk district of the Belgorod region (Russia). Method of collecting primary data: focus group. Participants of the focus group: Meskhetian Turks permanently living among the Russian-speaking population in the territory of the Dmitrievsky rural settlement. The results of the research showed that the Internet provides an opportunity to study courses whose content is based on the historical and cultural characteristics of their native country.

Key words: *migrants, ethnical and cultural identity, e-learning.*

Оставная Алла Николаевна – старший преподаватель кафедры социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье, г. Тирасполь).

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

Даренская В.Н.

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ Н.Н.СТРАХОВА И Н.Я.ДАНИЛЕВСКОГО

*«...ужели можно обвинять меня за то, что, что я пожелал
для России слишком многого, что я выразил
нетерпеливое ожидание нравственной победы
России над Европой?»*

Н.Н. Страхов [Цит. по: 5, с. 554].

В статье рассматриваются нравственные основания цивилизации Русского мира на основе анализа историсофских концепций Н. Данилевского и Н. Страхова. В частности, автор акцентирует их сущностное понимание истории России и Русского мира как братского содружества народов, основанного на нравственном подвиге. Основой их историсофии является русский исторический опыт, отраженный в православном самосознании. Тем самым, моральные категории для русской истории одновременно являются и категориями онтологическими. Это позволяет интерпретировать события русской истории в их особом духовном смысле – как усилия борьбы за Правду.

Ключевые слова: *Русский мир, Н. Данилевский, Н. Страхов, история, нравственность.*

Актуальность исследования. Понимание нравственных оснований цивилизации Русского мира в настоящее время приобрело особую актуальность в связи с усилением русофобской пропаганды на Западе и на Украине. Эта пропаганда весьма глубоко проникла и в академическую среду, препятствуя объективному изучению русской культуры и истории. В этой ситуации особо актуальным становится обращение к наследию русской философии.

Степень исследованности проблемы. Среди знаковых авторов русской философской классики в этом отношении особо важной является знаменитая книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Кроме того, требует актуализации также и яркое наследие Николая Николаевича Страхова (1828-1896), русского мыслителя-энциклопедиста, которого А.А. Григорьев назвал «всепонимающим философом», литературного критика, друга и издателя Ф.М. Достоевского. Как пишут новейшие

исследователи его творчества, «в обширном наследии этого мыслителя, который вновь приобретает известность в современной России и становится интересен зарубежным исследователям, дает себя знать особое начало цельного и целостного русского философствования, критически просвещенного и самобытного» [4, с. 114].

Цель исследования в данной статье состоит в анализе концепции нравственных оснований российской цивилизации в наследии Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского в контексте современной теории Русского мира.

Основная часть. Начиная свою первую книгу «Борьба с Западом в нашей литературе», Н.Н. Страхов писал, что она «касается самого главного, самого существенного из наших вопросов, вопроса о нашей духовной самобытности. Без сомнения, коренное наше зло состоит в том, что мы не умеем жить своим умом, что вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества: прямой связи с нашей жизнью, с нашими собственными духовными инстинктами» [6, с. 232]. В этой работе впервые после провокативных размышлений П.Я. Чаадаева и программной концепции первых славянофилов Н.Н. Страхов сформулировал принцип исследования сущностных особенностей русской цивилизации: «Очевидно, наше дело было бы вполне оправдано, если бы мы могли отвечать нашим западным противникам так: «Вы ошибаетесь в своем высоком значении; вы ослеплены своею цивилизацией, и в этом ослеплении не хотите или не умеете видеть, что с вами борется и соперничает *не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, – наша русская цивилизация*»... Сказать это легко, но, спрашивается чем мы можем доказать это? Кроме нас, русских, никто не поверит нашим притязаниям, потому что мы не можем их ясно оправдать, не можем выставить никаких очевидных идей, всех убедительных признаков, проявлений, результатов, которые заставили бы признать действительность нашей русской цивилизации... *Но только верить мало, и только тешить себя надеждами неизвинительно.* На нас лежит обязанность понять эти элементы, следить за их развитием и способствовать ему всеми мерами. Нам может быть сладка наша вера в народ и приятны наши блестящие надежды. Но не забудем и горького: не забудем, что *на нас лежит тяжелый долг – оправдать нашу народную гордость и силу*» [Цит. по: 5, с. 552-553]. Более того, здесь же Н.Н. Страхов высказал мысль о неизбежной «нравственной победе России над Европой» – мысль, очень не понравившуюся В.С. Соловьеву.

Как можно оценить эту идею в наше время, после нового исторического опыта и богатой традиции осмысления специфики цивилизации, получившей имя «Русского мира»? Русский мир – понятие, к

настоящему времени принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течении длительного времени находящихся или находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Русский мир – одна из локальных цивилизаций, имеющая ряд специфических особенностей социокультурного бытия, определяемых объективными факторами исторической жизни. Возникновение Русского мира в качестве локальной цивилизационной общности было обусловлено объективной необходимостью самоорганизации обширных полиэтнических пространств восточной Европы и северо-восточной Азии перед лицом перманентной внешней агрессии с запада и юга. В основе формирования территории Русского мира лежит объективный процесс продолжения миграционного потока славян, начавшегося в первые века нашей эры общим вектором на северо-восток и восток. Включение отдельных регионов в состав российской государственности и цивилизационное пространство Русского мира происходило в соответствии со следующими принципами. 1) Главный и основной – как следствие миграционных потоков славянского земледельческого населения на обширные пространства Евразии: Поволжья, Урала, Великой степи и Сибири. 2) Связанный с реализацией нравственно-религиозных основ русской государственности – включение территорий с православным населением, подвергавшемуся опасности геноцида и ассимиляции – земли Руси западнее Днепра, Грузия, Армения. 3) Связанный с необходимостью поддержания геополитического баланса в противовес экспансии других мировых держав – Прибалтика, Средняя Азия. К настоящему времени все три названные принципа в значительной степени утратили свою актуальность и на первый план выступает принцип обеспечения самостоятельного развития и сохранения культурной самобытности Русского мира перед лицом экспансии западной «цивилизации потребления», приближающейся к порогу энергетической, демографической и экологической катастрофы. *В настоящее время сохранение общности Русского мира является оптимальным вариантом смягчения катастрофических процессов и более быстрого перехода к новому жизнеспособному типу цивилизации.*

Уникальными объективно-историческими особенностями Русского мира, которые обусловили само его возникновение как локальной цивилизации, являются: 1) особый способ колонизации территорий; 2) особый способ взаимоотношения между государством и населением; 3) особый способ отношения между государствообразующим центром и окраинами. В отличие от колонизаторской политики европейских народов,

почти полностью уничтоживших коренное население трех континентов (Северной и Южной Америк и Австралии), русская колонизация носила характер культурного симбиоза и реального породнения с другими этносами (Дж. Керзон: «Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами... к чему англичане никогда не были способны» [Цит. по: 3, с. 15]; Н.А. Бердяев: «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [1, с. 8]). Поэтому ни один из вошедших в состав Русский мир этносов не только не исчез, но все они резко увеличились в численности и, как правило, увеличили территории своего проживания. Для сравнения: в Западной Европе более половины из существовавших в конце Средневековья этносов были либо ассимилированы, либо уничтожены государствообразующими нациями (в частности, западные славяне, проживавшие на большей части территории нынешней Германии). Наоборот, только благодаря вхождению в состав Русский мир целый ряд этносов – в частности, украинцы, эстонцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и др. – были спасены от геноцида и ассимиляции. Представляя собой уникальный в мировой истории пример подлинно христианской колонизации земель, Россия, объединившая Евразийскую степь, основала на её западных и восточных границах с интервалом в столетие Одессу и Харбин.

Возможность свободного этнического развития в рамках Русского мира была обусловлена спецификой отношения государства и населения: здесь государство здесь имело своеобразный «надстроечный» характер, не затрагивая внутренние формы народной жизни различных этносов, в том числе и великороссов. Государствообразующий великорусский этнос до начала XX века существовал в форме огромного конгломерата самоуправляющихся общин, члены которых, как правило, не имели непосредственного контакта с государственной системой и жили лишь в соответствии с традиционными обычаями и христианскими заповедями. Существование в фактически соседи соседи состоянии крестьянского «мира» (первобытной соседской общины) с постоянной возможностью ухода на вольные земли стало важнейшим фактором формирования русского национального характера и менталитета. Жизнь крестьянского «мира» имела огромное нравственное значения, сохраняя в народе дух *соборности и бескорыстия*. Важнейшим фактором формирования русского национального характера является особая психологическая культура

православной традиции, сосредоточенная вокруг таинства покаяния. В совокупности с аскетическим образом жизни в суровых природных и исторических условиях это способствовало *уникальному проникновению христианского мироотношения в глубину народного духа*. С другой стороны, эти же факторы обусловили и сущностную амбивалентность русского национального характера, несущего в себе, с одной стороны, уникальный опыт свободы и нравственного подвига, вследствие которого «Россия – страна безграничной духовной свободы» (Н.А Бердяев); а с другой – источник огромных разрушительных стихий по отношению к любым «внешним» формам государственности и цивилизации как воплощению «неправды», что обусловило катастрофизм русской истории XX века.

В свое время Н.Н. Страхов усматривал основу новой, подлинно русской историософии в ныне уже знаменитом труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Так, в своей острой полемике с Вл. Соловьевым он справедливо отмечал: «По строгости мысли, по правильности в постановке вопросов, по точности, с которою выражено каждое положение и определен относительный вес каждого положения, – я нахожу Н.Я. Данилевского безупречным, удивительным, твердым и ясным, как кристалл» [7, с. 532]. Выделим главные принципы, на которых основана историософия Н.Я. Данилевского.

Построение Н.Я. Данилевским теории культурно-исторических типов имеет целью апологию свободы исторического творчества всего человечества – вопреки претензии одной из его частей на то, чтобы объявить себя вершиной истории и тем самым завершить исторический прогресс. Тем самым, вопреки распространенному предрассудку, такое понимание истории – как раз наилучшее «лекарство» от какого-либо «партикуляризма», наилучшая школа уважения ко всем без исключения историческим традициям и формам исторического творчества. Первая глава книги Н.Я. Данилевского на конкретном сопоставлении двух событий показывает, что Европа открыто противопоставляет себя России как *иному субъекту* исторической жизни. Отсюда, т.е. из факта разнособъектности событий, становится понятной в последующих главах и вся история отношений Европы и России, которые *соизмеримы* только в качестве качественно разных самостоятельных субъектов истории. Нарушение же принципа соизмеримости, например, трактовка России как «части Европы», уничтожает возможность понимания «особой формулы» (А.С. Пушкин) русской истории. С другой стороны, неизменное отношение Европы к России исключительно как к потенциальной колонии, точно так же необъяснимо при нарушении названного принципа.

Обвинение теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в якобы «биологизации» истории основано на явном недоразумении. Ученый предлагает природные аналогии (пользуясь строгим методом *научных аналогий*) для прояснения собственных (а вовсе не «биологических») законов развития культурно-исторических типов. Циклизм их развития, как поясняет сам ученый, является следствием частности и ограниченности исходных принципов каждого из них, и вообще конечностью потенциала исторических общностей, в конце концов всегда исчерпывающих свои внутренние ресурсы. Конечность жизни культурно-исторических типов для Н.Я. Данилевского была важным *нравственным* фактом, заставляющим каждую из культур и человеческих общностей смиренно признавать свою конечность – а значит, и *обязанность перед другими передать им все лучшее, сделанное ею*. Это заставляло мыслить историческое бытие не в категориях группового самодовольного эгоизма (в определенные периоды свойственного всем цивилизациям без исключения), но через категории *дара* и *ответственности*. С другой стороны, прогностическая сила историософии Н.Я. Данилевского очень велика даже в частных вопросах. В частности, он четко предсказал неизбежность и сам характер будущих мировых войн. Об этом хорошо писал Н.Н. Страхов: «Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единодушным. Возьмите дело с этой стороны. Перед взорами Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства; давнишний *Drang nach Osten* действовал, наконец, с полною силою и заливал эти равнины огнем и кровью. Он видел в будущем, что его любезным славянам предстоят такие испытания, такие погромы, перед которыми ничто Бородинская битва и Севастопольский погром» [7, с. 532]. Не это ли не подлинное *предсказание* нашествия 1941 года?

По Н.Я. Данилевскому, факты нравственного порядка в истории являются вовсе не субъективным «довеском» к фактам экономической, культурной, социальной и политической жизни, но наоборот, как раз самыми содержательными, концентрированными по смыслу, *синтетическими* фактами. Вот вывод Н.Я. Данилевского о специфике европейского и русского культурно-исторических типов на основе указанного принципа: «Что же представляет нам в параллель этой насильственности европейской истории, проявлявшейся во всяком интересе, получавшем преобладающее значение, – история России? Религия составляла и для русского народа преобладающий интерес во все времена его жизни. Но он не ожидал проповеди энциклопедистов, чтобы

сделаться терпимым. Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. Скажут, что таков характер исповедуемого ею Православия. Конечно. Но ведь то же Православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видим, оно исказилось именно под влиянием насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у русского и вообще у славянских народов, значит, в самых их природных свойствах не было задатков для такого искажения, или, по крайней мере, они были так слабы, что не только не могли осилить того кроткого духа, который веет от христианства, но, напротив того, усвоив его себе, совершенно ему подчинились» [2, с. 187].

Выводы. Таким образом, уже глубоко осмысленная к настоящему времени «особая формула» (А.С. Пушкин) русской истории и цивилизации позволяет признать правильной поистине *пророческую* мысль Н.Н. Стрхова о «нравственной победе России над Европой». Победа состоит в том, что Русский мир как тип цивилизации *всегда* в большей степени, чем Запад, нес в себе христианские начала (и даже сохранял их под оболочкой «советской цивилизации» в большей степени, чем «либеральный» Запад). И эта победа не только в прошлом, но и в настоящем и будущем: ныне ценности Русского мира остаются единственной альтернативой глобальной «цивилизации потребления».

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Изд. МГУ, 1990. 182 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. 564 с.
3. Кожин В.В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожин В.В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 9-31.
4. Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Кредо Н.Н. Стрхова (опыт самопонимания в переписке с П.Д. Голохвастовым) // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 114-119.
5. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России Выпуск второй // Соловьев В.С. Соч. В 2-х томах. – Т. I. – М.: Правда, 1989. – С. 552-559.
6. Стрхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – М.: Изд. Института русской цивилизации, 2010. 576 с.
7. Стрхов Н.Н. Последний ответ г. Вл. Соловьеву // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 529-533.

Darenskaya V.N. MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CIVILIZATION IN N. STRAKHOV'S AND N. DANILEVSKIY'S CONCEPTIONS

In article considered some essential problem of moral foundations of Russian world's civilization. The author considers the main ideas of N.

Danilevskiy's and N. Strakhov's philosophy of history, in particular, his definition of Russian history as a history of folk's brotherhood and moral deeds. The interpretation of historical experience of Orthodox Russia makes ground for N. Danilevskiy's and N. Strakhov's conceptions of history. Therefore, moral categories acquire an ontological and moral aspects in evaluation of historical persons and deeds. The fundamental specifics of Orthodox conception of history is defined as an effort of special freedom in Truth. This conception of history enables to consider every single historical event as the unique which has its own spiritual sense.

Key words: *Russian world, N. Danilevskiy, N. Strakhov, history, moral.*

Даренская Вера Николаевна – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 37.01

Плахотник А.Н., Юсеф Ю.В.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ КАК ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА

Стремительное развитие новых технологий в области медицины, сложные глобальные изменения, информатизация и либерализация культуры, вовлечение медицины в систему рыночных отношений изменяют характер врачебной деятельности и ее нравственное содержание, сказываясь негативно на социальных отношениях в сфере профессиональной деятельности врача. В этих условиях остро стоит вопрос духовно-нравственного воспитания будущих врачей.

Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание, студенты, медицинские вузы.*

В недавнем прошлом вопросы духовной культуры врача не рассматривались как самостоятельная цель профессиональной подготовки, но сегодня они встают с особенной остротой.

Требования, предъявляемые обществом к профессиональной деятельности медицинских работников, при любых формах социально-экономического устройства были и остаются довольно высокими. Наиболее ранние требования к профессиональным качествам врача были

сформулированы еще в глубокой древности. В качестве примера можно обратиться к трудам Гиппократ и Авиценны – великие ученые древности подчеркивали духовно-нравственную значимость профессии врача, что не утратило своей актуальной и по сей день.

Проблема духовно-нравственной культуры находила свое отражение в работах, как мыслителей, так и врачей и писателей прошлого, о чем свидетельствует высказывание русского писателя, врача по образованию, А.П. Чехова: «Профессия врача – это подвиг. Она требует чистоты души и помыслов. Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». О взаимосвязи морально-эстетических факторов и научного творчества писали такие ученые как Н.И.Пирогов, С.П.Боткин, М.Я.Мудров, К.А.Тимирязев и др. Так, Н.И.Пирогов не отделял науку от духовно-нравственных ценностей, которые, по его мнению, являются неотъемлемой частью науки. Как видим, проблема духовно-нравственного воспитания не нова, в каждую историческую эпоху ее осмысливали по-разному, и современность очерчивает новые более сложные грани этой проблемы. Проблема духовно-нравственного воспитания студентов-медиков в различных ракурсах находит свое отражение и в работах современных авторов: личностное и профессиональное становление будущего врача (О.Гуменюк, Т.Скрябина, Я.Цехмистер); развитие профессиональной культуры медицинских работников (О.Крсек, С.Хлестова); формирование профессионально-этической культуры будущего врача (А.Агаркова, С.Бухальская, Е.Уваркина).

Цель нашей статьи – показать значение духовно-нравственного воспитания будущих врачей для современного общества.

В 1948 году Всемирной медицинской ассоциацией была принята Женевская декларация, на основе которой впоследствии были разработаны этические кодексы врачей в разных странах. На сегодняшний день этические требования к деятельности медицинских работников закреплены законодательно. Однако при более детальном изучении, как Женевской декларации, так и Кодексов врачей различных государств, становится понятно, что формального исполнения их предписаний недостаточно, а порой и невозможно, при отсутствии у врача некоего нравственного стержня. Кроме того, практика показывает, что попытки перевести этические нормы в правовое поле и таким образом заставить их работать, очень часто оказываются неэффективными, а кроме того, вызывают ряд еще более сложных проблем. Нередко сегодня встречаются среди медицинских работников формальное отношение к своим обязанностям, неуважительное отношение к больным, отсутствие заинтересованности в

оказании медицинской помощи, отсутствие доверительного контакта между медработником и пациентом, безразличие к нуждающимся в помощи людям, халатность, безответственность. Все это способствует формированию в общественном сознании негативного образа врача и, как следствие, рост недоверия к медицинским работникам. Альтернативой этому образу в представлении наших современников является образ знахаря, народного целителя, которого люди наделяют положительными чертами, ему не присущими. В результате общество оказывается вовлеченным в некую волну медицинского оккультизма, которая активизировала наступление на культуру чуждых ей медицинских практик и деятельность различного рода экстрасенсов, биоэнергокорректоров, магов, чья деятельность имеет пагубные последствия для физического и душевного здоровья, как отдельных индивидов, так и общества в целом [2].

Решать данную проблему можно лишь в том случае, если правильно расставить акценты в современной системе высшего медицинского образования и помнить о том, что человек – в первую очередь существо духовное, творческое, моральное. А для представителей самой гуманной профессии духовность и нравственность являются необходимыми качествами, во все времена считалось, что «нравственная культура врача – это не просто заслуживающее уважения свойство его личности, но и качество, определяющее его профессионализм» [5].

Этика и аксиология творчества, как стержневая проблема жизни человека, была перенесена на образование и отразилась на характере гносеологических взглядов на природу этического познания и морального воспитания.

Абсурдным является такое положение в образовании, когда «люди, считающие себя образованными, не знают того, что, в первую очередь нужно знать всякому человеку: «В чем содержание человеческой жизни, чем она должна руководствоваться и что думали об этом в вопросе и как его решали самые мудрые люди всех времен и всего мира?»» [6].

Л.Н. Толстой считал, что без этической основы содержание образования превращается в «накопление пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но наносят большой вред людям, скрывая от них необходимость самых нужных человеку знаний». Он писал, что идея рационализма о всеильности ума при отсутствии смыслового и морального принципов привела к тому, что «...количество предметов знания бесконечно, и так же бесконечно и совершенство, до которого может быть доведено каждое знание».

Воспитание рассматривается как «целенаправленная деятельность, ориентированная на создание условий для развития духовности,

общечеловеческих и отечественных ценностей; предоставление им помощи в жизненном самоопределении, моральном, гражданском и профессиональном становлении; создание условий для самореализации личности» [4]. В центре гуманистической педагогики находится уникальная личность, которая стремится к самореализации, открытая для восприятия нового опыта, способная к осознанному выбору в разнообразных жизненных ситуациях. Достижение личностью отмеченных качеств провозглашается ведущим заданием воспитания – в отличие от формализованной передачи воспитаннику знаний и социальных норм в традиционной педагогике.

Под духовной культурой врача на сегодняшний день стоит понимать смысловую сферу медицинской психологии, этики и деонтологии, таким образом, речь идет о содержании и духе самого лечения. Духовная культура врача, ученого – это внутренняя, глубоко личностная, мировоззренческая культура высших ценностей и смыслов – вектор морального усовершенствования человека и общества. Это стержень деонтологически и психологически грамотного мышления и поведения врача, его морального самосознания, это высший слой культуры общения, состояние духовного и физического здоровья нации. По большей части, духовная культура становится фактором выживания человечества вообще, которое, по утверждению ученых, находится в глубоком духовном кризисе.

На сегодняшний день в вопросе о человеке господствует естественнонаучная парадигма, что метко выразил известный психолог XX века Л.С. Выготский, повторив суть реплики чеховского персонажа из пьесы «Вишневый сад»: «О человеке забыли». К сожалению, высшее медицинское образование несет на себе груз «образа человека» как естественнонаучного, организма, и врач лечит болезни, а не больного человека. И сегодня при подготовке будущего врача решающими признаются точные знания: физические, химические, патологоанатомические и другие знания. Существенным во врачебном мышлении продолжает считаться лишь то, что можно надежно зарегистрировать органами чувств. Понятие «болезнь» у врача совпадает с представлениями об органических нарушениях, в значительно меньшей степени – психосоматических и очень редко – ноогенных. Тем временем, объектное восприятие человека опасно, потому что если больше рассматривать человека как объект, то у него появится тенденция становиться только объектом. Такое представление о человеке базируется на принципе детерминизма, который исключает собственную активность субъекта. Человек как объект познания в этой логике пассивен, он должен выполнять инструкции, информировать о психических процессах и

состояниях. Такой подход не способен постигнуть индивидуальность личности, ее духовную сущность, потому что последняя объясняется с позиции естественнонаучной парадигмы.

Источники естественнонаучного подхода находятся в вульгарном материализме и атеизме. Духовная составляющая человека наукой признается или метафизической, или отождествляется с умом, а душа (психе) и содержание (логос) вообще исчезают как понятие и замещаются явлениями высшей нервной деятельности, рефлексамии головного мозга или остаются для описания эмоциональных процессов и художественных образов. Частично этому способствовали работы Р. Декарта, Ч. Дарвина, Кондильяка, Чернышевского, вульгарных материалистов. Их пример убеждает в том, что гуманизм, какими бы возвышенными не казались его стремления, не в состоянии облагородить, одухотворить, поднять человека над жестокой действительностью, если их внутренние убеждения находятся в разладе с нравственностью, совестью. В окончательном итоге, это оборачивается социальным или духовным нигилизмом, который приводит к конформизму, снижению ответственности, апатии, аморальности, агрессивности, являющимися симптомами духовного нездоровья человека и общества. К подобному же роду явлений принадлежит общий дефицит милосердия и отрицания необходимости специального деонтологического воспитания и самовоспитания студентов. В итоге возникает тупиковая ситуация, когда гуманизм, по высказыванию Н.А. Бердяева, переходит в антигуманизм.

Драматизм заключается в том, что психология как наука о душе началась с ее потери, что выразил известный советский психолог А.Н. Леонтьев в 1975 г., заявив о методологическом кризисе психологии, что длится 100 лет, то есть с момента ее отделения от религиозной философии в самостоятельную науку: «Мы разобрали человека на части и научились» уважать «каждую из них, а собрать человека воедино не в состоянии». Естественнонаучный, по своей сути органический подход, выделяя части, односторонние проекции, претендует объяснять ими таинственную душу. Чтобы удобнее это делать, преимущественно изучать общие закономерности психики «человека вообще», а отсюда и возникают казусы, вроде статистических методов. В целом, вплоть до начала 60-х годов XX века врачебному мышлению была сделана «прививка» естественнонаучного понимания человека как объекта, умного человека. Целостный же человек оказался разложенным на частные проекции: в медицине – на органы и функции, в психологии – на эмоции, мотивы, волю, поведение, сознание, несознательное.

Таким образом, существующая организация высшего медицинского образования формирует подход к человеку как организму, идентифицирует человека с большим органом, привнося на несознательном уровне иллюзию возможности познания человека только на основе изучения закономерностей жизнедеятельности организма. Даже этим отдельным наблюдением подтверждается факт, что прилагательное «больной» стало существительным и фактически отбросило слово «человек». За болезнью чаще всего забывают человека, следствием чего становятся случаи назначения лечения, которое отвечает поражению одного органа, но противопоказанного больному в целом. Полное же игнорирование духовного мира пациента во всем устройстве клиник ведет к возникновению у него ощущения одиночества, ненужности, запущенности, униженности, то есть чувство подопытного кролика, и самое страшное заключается в том, что это происходит независимо от успешности лечения как такового. Как следствие возникают ятрогении – болезненные расстройства, которые выражаются в ухудшении физического и эмоционального состояния пациента в результате неправильного поведения врача.

Понять сложный душевный и духовный мир человека удастся только тем врачам, которые понимают и уважают его как в себе, так и в других, формируя отношение к пациенту, как к неповторимой личности, то есть целостного человека, который владеет не только физической, но и душевной, и духовной сущностями. Именно такие качества должен развивать в себе специалист 21 века.

Одной из проблем современного общества является его дегуманизация, как следствие постоянных социально-экономических изменений, что не может не отражаться на системе здравоохранения. По мнению ведущих ученых, диагностика и лечение болезней в последние годы превалировали над их профилактикой. Неудовлетворенность врачей оплатой и условиями труда, коммерциализация медицины и конкуренция в среде медицинских работников, безусловно, крайне негативно сказываются на культуре современных врачей. Поэтому нельзя недооценивать роль духовно-нравственного воспитания будущих врачей [1].

Мы глубоко убеждены, что образование врача, занимающегося лечебной практикой не может ограничиваться лишь комплексом профессиональных медицинских знаний, хотя им принадлежит, несомненно, самое важное и первостепенное место [7]. Известно, что в эпоху Средневековья, прежде чем приступить к изучению медицины, студент должен был овладеть «семью свободными искусствами», в число которых входили гуманитарные науки, имеющие огромное значение для

формирования духовно-нравственной культуры. Истории известны и печальные примеры, когда блестящие знания в области медицины становились страшным «оружием» в руках людей, имеющих диплом врача.

На фоне стремительного развития медицинских технологий духовно-нравственная культура врача приобретает особую актуальность. Так, по мнению Н.В. Кудрявой «...современная медицина – это уникальный сплав великих достижений фундаментальных и прикладных отраслей естествознания. Но от «чистого» естествознания ее отличает то, что она работает не с веществом, полем или абстрактной информацией. Врач имеет дело с живым человеком, причем человеком страдающим. Медицинские знания, навыки и умения не могут ограничиваться одним естествознанием. Они обязательно предполагают и нравственное измерение» [3].

Выводы. На сегодняшний день в вопросе о человеке господствует естественнонаучная парадигма, которая рассматривает человека как некий биологический механизм – набор органов и систем, чувств и эмоций, а духовная составляющая человека замещается явлениями высшей нервной деятельности. И ни гуманизм, ни принятие этических кодексов врачей не способны облагородить человека, если его внутренние убеждения находятся в разладе с нравственностью. Такая ситуация ведет к духовному кризису человека и общества, и поэтому духовно-нравственное воспитание будущих врачей имеет огромное значение для общества.

Литература

1. Дзукаева Е.Н. Значение духовно-нравственной культуры в структуре личностных характеристик будущих врачей // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXII междунар. науч.-практ. конф. Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2012.
2. Ковелина, Татьяна Афанасьевна. Образ врача в культуре : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.13 Ростов-на-Дону, 2006 296 с. : 71 07-9/115
3. Кудрявая Н.В. Педагогика в медицине. – М.: Академия, 2006. – 319 с.
4. «Программа развития воспитания в системе образования России на 1999-2001 год».
5. Силуянова И.В. Биомедицинская этика как форма профессиональной защиты врача // Вестник РАМН. – 1997. – № 8. – С. 40-49.
6. Толстой Л. Н. Пед. соч., М., Педагогика. 1989. С. 455.
7. Юсеф Ю.В. Формування комунікативної культури лікаря в процесі вивчення гуманітарних дисциплін // Education and Pedagogical Sciences / Освіта та педагогічна наука. – 2013. – № 5 – 6 (160 – 161). – С. 38 – 45.

Plakhotnik A.N., Yusef Yu.V. SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF FUTURE DOCTORS AS SECURITY OF SOCIETY

Historical dynamics of medicine and profession of a doctor, complicated global changes, culture's informatization and liberalization change the character of medical activity, its moral contents, having sometimes negative influence on social relations in the sphere of professional activity of a doctor. In these conditions the problem of spiritual and moral education of future doctors is rather critical.

Key words: *spiritual and moral education, students, medical universities.*

Плахотник Алла Николаевна – старший преподаватель кафедры философии, социальных и гуманитарных наук Луганского государственного медицинского университета.

Юсеф Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, ассистент кафедры социальной медицины и экономики здравоохранения Луганского государственного медицинского университета.

УДК 351:37.034+37.06

**Захаркив М.Р., Юкович Л.Ф.,
Ермакова Д.В., Лаврентьева Ю.Н.**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ НА ПРИМЕРЕ РИБиУ

Основываясь на стратегических целях и задачах государственного управления, а также на базе статистических исследований и социальных наблюдений, непосредственного опыта организационно-воспитательного взаимодействия с обучающимися по направлению 38.03.04 Государственное и муниципальное управление, сделана попытка обозначить приоритетные направления организационно-воспитательной работы преподавательского состава высшего учебного заведения с целью развития принципа этнической толерантности, как необходимого элемента всесторонне развитой личности.

Ключевые слова: *гуманизм, государственное управление, личность, нравственное воспитание, этническая толерантность, высшее образование, профессиональная деятельность, общекультурные компетенции, студенты.*

Современная Россия является полиэтническим государством, в связи с этим особенно актуальными становятся проблемы этнокультурного характера, такие как предотвращение межнациональных конфликтов; понятие толерантности; вопросы возрождения национальной культуры, традиций; учет национальных особенностей в процессе обучения и воспитания личности. Этническая толерантность рассматривается нами как один из показателей сформированности общекультурной компетентности личности студента [1].

В структуре этнической толерантности выделяются следующие компоненты: когнитивный (представление о других этнических группах, их культуре, правах людей вне зависимости от этнической принадлежности); эмоциональный (отношение к другим этническим группам); поведенческий (стремление общаться, демонстрировать свое отношение к людям другой национальности) [2].

К сожалению, ответом на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы для защиты своих интересов, выступают этнические фобии. Это реакция неуверенного в себе общества на процессы усложнения социальной структуры. В Российской Федерации как современном демократическом государстве существуют, совершенствуются и создаются правовые механизмы защиты интересов различных народов. Создание и укрепление институтов гражданского общества – серьезный фактор решения проблем общественно-политического и национального характера в правовом русле. Экстремизм различного толка выступает преимущественно как опасная манипулятивная технология воздействия на общество и власть с целью корыстных или иных амбиций и притязаний [3].

В то же время, носителем как этнической толерантности, как и этнической фобии является личность, поэтому развитие этнокультурных качеств, этот сложный, но необходимый процесс, должен быть лично ориентированным и реализовываться, прежде всего, через систему образования.

В соответствии с образовательным стандартом и основной образовательной программой, реализуемой Частным образовательным учреждением высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (РИБиУ) по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление, очной и заочной форм обучения, выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать способностью работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия.

Одним из принципов, ориентирующих воспитание на развитие

социально активной, образованной, нравственно и физически здоровой личности в современных условиях, для всех участников образовательного процесса РИБиУ является уважение общечеловеческих и отечественных ценностей, прав и свобод человека, духовность, корректность, толерантность, соблюдение этических норм. Практика показывает, что уровень этнокультурного воспитания студентов во многом зависит от наличия условий для саморазвития каждой личности.

Система воспитательной работы кафедры «Государственное и муниципальное управление» РИБиУ предусматривает формирование развивающей воспитывающей среды личности в ходе учебных занятий и во внеаудиторное время.

В настоящее время формирование этнокультурной толерантности при осуществлении подготовки бакалавров Государственного и муниципального управления основывается на изучении ряда дисциплин: истории, политологии, социологии, истории мировых цивилизаций, философии, социологии управления, истории государственного управления, демографии, управлении общественными отношениями, этики государственной и муниципальной службы.

Будущий представитель публичной профессии должен иметь представление об историческом многообразии культур и цивилизаций, способах их сосуществования, типах и формах культурной и социальной жизни; о месте национальной культуры в мировом историко-культурном процессе; ознакомиться с ролью этнических и национальных факторов в эволюции культуры и цивилизации, знать специфику полиэтнической среды; уметь использовать накопленный опыт для развития творческих способностей личности и т.д.

Важная роль в решении задач формирования личностных качеств будущего бакалавра Государственного и муниципального управления отводится социологическим исследованиям. Регулярное проведение исследований способствует анализу комфортности среды в вузе с целью выявления недостатков и слабых мест в деятельности профессорско-преподавательского состава и выработки конкретных рекомендаций, направленных на совершенствование воспитательной и учебной работы в институте. Как пример, студентам было предложено заполнить анкету посвящённую определению основных цивилизационных угроз безопасности существования и развития мира в условиях глобализации и формирования нового мирового порядка. Цель проведенного исследования – получение информации о том, насколько студенты осведомлены и как воспринимают темы: природа терроризма, личности и психологии террористов; мотивация террористов; смысл и цели терроризма; место и

роль терроризма и экстремизма как основных угроз современного мира; необходимость терроризма как фактора политической действительности; приемлемость методов терроризма и экстремизма для общественной жизни и лично для студента; взаимосвязь политики и терроризма; способы и методы борьбы с терроризмом; вопросы взаимодействия представителей различных национальностей; вопросы этнической нетерпимости; социальная и культурная безопасность [4].

Анкета включала вопросы, позволяющие выявить отношение студентов к экстремизму, понимание сути этого явления, степень религиозной и национальной толерантности, а также определить ценностные приоритеты в жизни. Кроме того, опрос позволял выявить наличие тех или иных оснований, «слабых мест» в системе взглядов молодежи, которые могли бы быть использованы для укоренения экстремистских позиций. Вопросы были составлены таким образом, чтобы степень искренности и полноты ответа корректировалась совокупностью вопросов, варианты ответов позволяли выявить не только отношение, но и мотивировку позиции [3].

Национальный, этнорелигиозный, религиозно-политический, политический экстремизм затрагивают важнейшую сферу жизни человека – мировоззренческую, ценностную. Успешное решение имеющихся проблем возможно при условии их точного диагностирования, определения их возможного развития и влияния. Стремительность и многовекторность процессов в век информационных технологий требуют постоянного мониторинга и учета быстро изменяющихся реалий. Как они влияют на сознание людей, прежде всего молодежной среды, каковы ценностные и мировоззренческие ориентиры молодежи, ее установки и отношение к современным вызовам и угрозам [5].

Студенты являются достаточно компактной, но, в то же время, социально активной возрастной группой. Они объединены высокой ментальной мобильностью, восприимчивостью к влиянию со стороны СМИ, и вместе с тем высокой критичностью к установкам извне. Студенты – это будущее страны, будущее нашего общества. Восприятие ими какого-то социально-политического феномена – это заряд его восприятия в будущем не только на научном и политическом, но так же и на социально-экономическом уровнях [6].

Авторами была выдвинута следующая гипотеза – представления студентов о терроризме и экстремизме сформированы адекватно современной реальности, обучающиеся способны осуществлять поликультурные коммуникации, с учетом того, что со студентами регулярно проводятся учебные и воспитательные занятия, в ходе которых

разъясняется обучающимся негативный характер действий националистов, расистов, членов деструктивных организаций радикального экстремистского характера, в том числе религиозной направленности, а также о предусмотренной законом ответственности за действия, разжигающие национальные и религиозные конфликты, оскорбляющие честь и достоинство отдельных наций и конфессий [1].

Указанная гипотеза в ходе проведенного социологического исследования подтвердилась. Анализ анкетных данных студентов РИБиУ показал, что общая этносоциальная ситуация в вузе достаточно благоприятная, бесконфликтная. Студенты РИБиУ занимают активную жизненную позицию, в курсе последних мировых событий. Первостепенное значение для молодежи – способность принимать самостоятельные решения. Студентам важна независимость в выборе жизненной позиции, они подчеркивают значение возможности действовать в соответствии со своими убеждениями, возможности реализации неотъемлемых прав и свобод. Терроризм и экстремизм воспринимаются студентами как одни из основных угроз современности, наравне с такими глобальными проблемами человечества как СПИД, бедность, перспектива третьей мировой войны и разрыв между богатыми и бедными.

Изучая материалы исследования, мы пришли к выводу, что большинство студентов продемонстрировало определенное беспокойство по поводу увеличения количества мигрантов. Основанием для такого беспокойства выступают как объективные причины – активизация миграционных процессов и увеличение количества мигрантов на территории Рязанской области, так и субъективные – культурные различия, опасения за свое будущее материальное благополучие и т.п.

В ходе анализа материалов исследования, было выяснено, что большинству студентов приходилось сталкиваться с негативным отношением к мигрантам. Указанный факт свидетельствует о возможности обострения ситуации этнокультурного взаимодействия. Все опрошиваемые без исключения считают, что население должно принимать активное участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Но при этом, практически все студенты достаточно пассивны по отношению к участию в общественных организациях и считают, что не стоит тратить на это свое время. Дело не в том, что они все должны быть общественными активистами, подобная пассивность, безразличие к защите собственных интересов может в определенной ситуации обернуться своей противоположностью при наличии жизненного кризиса и лидера, который будет пропагандировать экстремистские действия [1].

Когда студентов непосредственно спрашивают об их личном

отношении к мигрантам, их высказывания демонстрируют достаточно высокий уровень толерантности. Осуществленный анализ материалов анкетирования позволил обобщить данные и представить их в виде диаграммы. (Диаграмма 1)

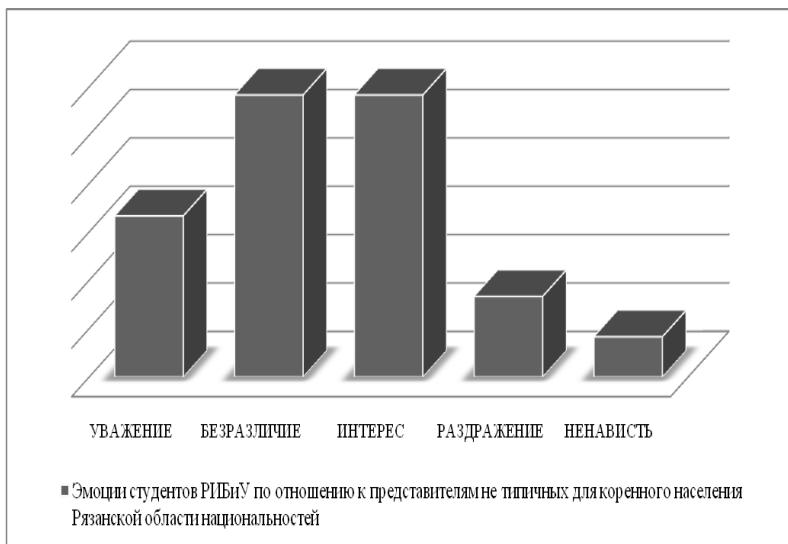

Диаграмма 1. Эмоциональные реакции студентов РИБиУ по отношению к представителям не типичных для коренного населения Рязанской области национальностей

У молодежи нет негативного отношения к людям другой национальности; многие студенты отмечают, что для них чувство этнической принадлежности не является главным, важным, по их мнению, являются личностные качества человека. Определяющими признаками национальности, по мнению студентов, являются культура, язык, быт и традиции. Очень важным, на наш взгляд, показателем является то, что большинство студентов никогда не испытывали трудностей в общении с людьми других национальностей и культур. Большинство студентов РИБиУ считает, что взаимодействие представителей различных национальностей приводит к взаимному культурному обогащению и к появлению новых возможностей для каждого участника [1].

Выявленные результаты позволяют сделать вывод о том, что в вузе грамотно построена воспитательная работа по развитию системы мировоззренческих ориентиров студентов. Мы можем констатировать, что

проводимая преподавательским составом учебно-воспитательная работа со студентами позволяет сблизить людей, приобщает к истории культур, воспитывает чувство уважения к традициям и языку [1].

Работа по развитию этнической толерантности студентов в процессе обучения в вузе строится планомерно. При разработке учебного плана подготовки бакалавров Государственного и муниципального управления особое внимание уделяется подбору дисциплин, в процессе изучения которых студенты приобретают систему знаний, способов деятельности и ценностей, которые и обеспечивают развитие этнической толерантности. Наиболее популярными формами воспитательной работы профессорско-преподавательского состава РИБиУ, в рамках практических занятий по таким дисциплинам, это организация тренингов по актуальным проблемам социума и проведение лекций-бесед. Так, с целью формирования этнической толерантности среди студентов, были проведены тренинг «Поликультурная коммуникация», лекция-беседа «Межнациональные конфликты», лекция-беседа «Национализм и экстремизм», лекция-беседа «Негативный характер действий националистов, расистов и членов деструктивных организаций». Тренинги и лекции проводятся с интерактивными элементами, что позволяет студентам в игровой форме узнать о важных функциях эффективной коммуникации, а так же об основных проблемах, препятствующих передаче информации.

В связи с изменениями обстановки в мире, преподаватели затрагивают самые актуальные современные темы. Как пример, проведение лекции-беседы о процессах нарушения прав человека и принципа верховенства права в Украине, лекции-беседы о современных событиях, происходящих в Ливии, Сирии и Ираке и других актуальных проблемах в мире.

Ключевые положения лекций отражаются в презентациях, которые размещаются на официальном сайте вуза, чтобы студенты и другие посетители сайта могли бы самостоятельно ознакомиться с материалом.

Особое внимание при подготовке уделяется созданию культурно-эстетического микроклимата воспитательного мероприятия. Чтобы сделать занятия живыми, запоминающимися, преподавательский состав привлекает к работе различные средства: наглядные пособия, мультимедийную технику, раздаточные материалы и т.п.

Институтом разработан план воспитательной работы. План составлен в соответствии с календарем образовательных событий, приуроченных к государственным и национальным праздникам Российской Федерации, памятным датам и событиям российской истории и культуры, на учебный год.

План воспитательной работы института предусматривает реализацию различного рода мероприятий, направленных на формирование этнокультурной компетентности будущих бакалавров и развитию их этнической толерантности.

Социально-воспитательная система вуза предполагает культурно-педагогическую работу со студентами, в основе которой лежат особенности профиля, возможности и традиции учебного заведения. Она способствует развитию культурной и активной личности, которая происходит только в условиях тесного взаимодействия с другими социальными институтами.

В связи с этим, студенты направления подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление принимают активное участие в сторонних мероприятиях. Если взять для рассмотрения предыдущий учебный год, то студенты РИБиУ регулярно становились участниками того или иного значимого события. Так, обучающиеся приняли участие в круглом столе на тему «Человек как ресурс экономики» Академии ФСИН при участии ведущих ВУЗов региона и Рязанской православной духовной семинарии; Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы стратегического управления», посвященной памяти Ю.А. Салганика в Рязанском филиале РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Студенты РИБиУ приняли участие в конкурсах в состав молодежного правительства региона.

Для студентов очного отделения проведена экскурсия по территории Рязанского Кремля. Студенты осмотрели архитектуру Кремля, смогли увидеть комплекс различных памятников древнерусской архитектуры и архитектуры классицизма, подробнее узнать о социально-исторических событиях региона.

Особое внимание в РИБиУ уделяется патриотическому воспитанию. Для того чтобы новое поколение никогда не забыло о том, что смогла пережить наша страна в годы Великой отечественной войны студенты регулярно участвуют в тематических мероприятиях. Так, в 2016 году в Рязанской области прошел региональный слет-семинар «Волонтеры Победы». В рамках серии мероприятий у собравшихся была уникальная возможность перенять опыт и знания своих коллег. Участники слета узнали об основах организации добровольческой деятельности, работе с командой волонтеров, ветеранами и работе с архивами.

Волонтеры Регионального института бизнеса и управления так же принимали участие в акции «Блокадный хлеб», приуроченной к 72-й годовщине снятия блокады Ленинграда. Также волонтеры оказали помощь в проведении акции «Бессмертный полк» в Рязанской области.

Волонтерская деятельность – это отдельный раздел воспитательной

работы в вузе необходимый в условиях современного мира. Основной задачей воспитания, осуществляющегося на базе высшей школы, становится формирование личности студента, стремящейся к проявлению своих личностных качеств посредством реализации тех социально-значимых проектов, которые в наибольшей степени отражают не только уровень ответственности человека в ходе тех или иных социальных действий, но и, прежде всего, отражают его гражданскую позицию в рамках реализации этих проектов. Волонтерское движение – способ приобретения определенных компетенций, знаний, умений и навыков самим волонтером. Работая в проектах, ребята формируют у себя актуальные компетенции, которые невозможно заполучить, сидя в аудитории. Сочетание занятий в вузе с волонтерской деятельностью дает опыт работы, что делает будущего молодого специалиста более конкурентоспособным. Работодатели сейчас интересуются портфолио выпускников, где содержатся данные не только об оценках, но и об опыте социального взаимодействия. А именно в процессе социального взаимодействия и закрепляются на практике принципы этической толерантности [7].

Для приобщения обучающихся к активной гражданской и социальной деятельности на базе Регионального института бизнеса и управления, Школы №3 г. Рязани, а также Центра образования «Дистанционные технологии», был создан сводный волонтерский отряд. Деятельность отряда осуществляется по ряду направлений, среди которых проведение мероприятий для детей с инвалидностью и особенностями развития, социализация людей с инвалидностью, популяризация внутреннего туризма и патриотическое воспитание, кроме того отряд рассматривает возможность деятельности по противодействию интернет-угрозам. Название отряда «Время изменить мир к лучшему!» («ВИМЛ»), подобные нестандартные волонтерские проекты, которые объединяют в себе в качестве волонтеров представителей различных учебных заведений, возрастов, а среди членов отряда есть и родители, позволяют выводить добровольческое движение на новый уровень, открывать новые горизонты.

За небольшой промежуток времени студенты РИБиУ, входящие в состав сводного волонтерского отряда ВИМЛ, приняли участие в открытии пункта добровольчества Дома общественных организаций, провели праздник в сельской школе, навестили ветерана Великой Отечественной Войны, работали общественным наблюдателем на ЕГЭ и многих других мероприятиях.

Еще одним значимым мероприятием, в котором обозначились студенты РИБиУ, стала Региональная школа командиров и комиссаров

студенческих отрядов на базе «Исток» посёлка Солотча. В деятельности школы принимали участие бойцы студенческих отрядов города Рязани и Рязанской области. В программе были: тренинг по «Конфликтологии», интерактивное занятие «Организация мероприятий», тренинг «Управление командой», лекция по привлечению новых бойцов и агитации через социальные сети. Выездные мероприятия в двойной мере дают возможность молодому человеку закрепить на практике этническую компетентность. Это способствует социализации студента и влияет положительным образом на имидж учебного заведения.

Популярный и полюбившийся молодежи вид социальной активности – флэш-моб. Как пример, студенты и сотрудники РИБиУ принимали активное участие в Специальном проекте «Лес Победы» – сажали деревья в память о близких, погибших во время Великой Отечественной Войны. Флэш-моб в рамках реализации заявочной компании WorldSkills Competition 2019 и празднования международного дня молодежи World Youth Skills Day. В городе Орёл проходило мероприятие под названием «Орел-450». 7511 человек выстроились в цифру «450», что было зафиксировано официальным судьей «Книги рекордов Гиннеса».

Администрация РИБиУ поддерживает творческую инициативу студенчества – ГАУК «Рязанский государственный областной театр для детей и молодежи» – «Студенческая среда». Постановки на злободневные темы, такие как пьеса «Я не вернусь» о девушке, которая выросла в детском доме, никого не оставят равнодушными и заставляют задуматься [8].

Студенты активно задействованы в подготовке и проведении таких традиционных мероприятий как региональный и международные выставки «Золотые руки» и «Образование и карьера».

При формировании этнической толерантности, важное значение, мы отводим проведению практик студентов. Развитие этнической толерантности будущих бакалавров государственного и муниципального управления в процессе их практической деятельности осуществляется поэтапно. Так, на первом курсе введена учебная практика, на старших курсах – производственная практика, которая в наибольшей степени влияет на закрепление теоретического обучения. Один из типов производственной практики – это практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (в том числе технологическая практика, педагогическая практика); научно-исследовательская работа. В соответствии с программой данной практики педагогическая практика, как часть производственной практики, проводится на базе института. В РИБиУ обучаются студенты разных национальностей, а, следовательно,

педагогическая практика является широким полем проверки всего теоретического багажа, а также способствует более глубокому осмыслению значения приобретенных знаний в процессе обучения. Она же является критерием правильности собственных представлений и возможностей, но главное, способное проявить умения и навыки в области этнокультуры, так необходимые для социокультурной деятельности.

Опыт нашей работы убеждает, что развитие этнической толерантности является важнейшим показателем уровня готовности будущих бакалавров Государственного и муниципального управления к профессиональной деятельности, способных к позитивному взаимодействию с людьми разных национальностей, открытых к восприятию других культур, уважению человеческих достоинств и индивидуальности.

Воспитательная работа со студентами должна строиться на определенных принципах. На принципах гуманизма – отношения к личности молодого человека как самоценности; демократизма, означающего воспитания поколения, способного эффективно осуществлять жизнедеятельность в условиях демократических реформ; патриотизма, предполагающего формирование национального сознания у молодежи как одного из основных условий жизнедеятельности молодого поколения; толерантности, являющегося одним из основных принципов воспитания молодежи в условиях плюрализма мнений, различных идей для решения одних и тех же проблем; индивидуально-личностного подхода к студентам в организации воспитательной деятельности.

Литература

1. Юкович Л.Ф. Аналитический отчет о результатах социологического исследования с целью выявления уровня сформированности этнической толерантности студентов очной формы обучения. / Л.Ф. Юкович. – Рязань: РИБиУ, 2017. – 26 с.

2. Арзамасцева Н.Г. Развитие этнической толерантности студентов в процессе обучения в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12215> (дата обращения: 01.02.2017).

3. Муслимова М.Ш. Экстремизм в системе мировоззренческих ориентиров студентов Дагестанского государственного университета. – Изучение и прогнозирование развития – 2010. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/izuchenie-i-prognozirovanie/item/618-ekstremizm-v-sisteme-mirovozzrencheskih-orientirov-studentov-dagestanskogo-gosudarstvennogo-universiteta>

4. Юкович Л.Ф., Захаркив М.Р. Терроризм и экстремизм как угроза социальной безопасности глазами будущих представителей публичной профессии

на примере РИБиУ // Культура и образование. – Январь 2017. – № 1. : [Электронный ресурс] – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2017/01/4109>

5. Кулешова Г.П., Дадаева Ю.В. Экстремизм в системе мировоззренческих ориентиров студентов // Социально-политические науки scholar. – Выпуск № 4/2012. : [Электронный ресурс] – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-sisteme-mirovozzrencheskih-orientirov-studentov>

6. Восприятие терроризма в студенческой среде РГГУ (студенты-гуманитарии): опыт социологического исследования. Портал «Родная история». : [Электронный ресурс] – URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/status-i-gosudarstvenniie-imidj-rossii-v-mejdunarodnoie-srede/vospriyatie-terrorizma-v-studencheskoie-srede-rggu-studenti-gumanitarii-opitsociologicheskogo-issledovaniya.html>

7. Захаркив М.Р., Юкович Л.Ф., Литвинов Е.Д. Студенческое волонтерство – шанс увидеть мир // Культура и образование. – Октябрь 2016. – № 10. : [Электронный ресурс] – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2016/10/3967>

8. Официальный сайт РИБиУ URL. : [Электронный ресурс] – URL: <http://ribiu.ru/>

**Zakharkiv M.R., Yukovich L.F., Ermakova D.V., Lavrentieva Y.N.
THE MAIN DIRECTIONS OF WORK FOR DEVELOPMENT OF
ETHNIC TOLERANCE OF BACHELORS OF STATE AND MUNICIPAL
MANAGEMENT IN THE PROCESS OF LEARNING IN HIGHER
EDUCATION INSTITUTION ON THE EXAMPLE OF RIBIU**

Based on the strategic objectives and tasks of public administration, and also on the basis of statistical studies and social observations, direct experience of the organization and educational interaction with the students in the direction 38.03.04 State and municipal management, attempted to identify priority areas for organizational and educational work of the teaching staff of higher education institutions with the purpose of development of the principle of ethnic tolerance ,as an essential element of a fully developed personality.

Key words: *humanism, state administration, personality, moral education, ethnic tolerance, higher education, professional activity, general cultural competencies, students.*

Захаркив Максим Романович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань).

Юкович Людмила Федоровна – старший преподаватель кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань).

Лаврентьева Юлия Николаевна – студентка кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань).

Ермакова Дарья Вячеславовна – студентка кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань).

УДК 172

Носков В.А.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АНТУРАЖ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА: РОЛЬ РОССИИ В ВОССОЗДАНИИ БАЛАНСА ВЕЛИКИХ ИДЕЙ

Современный миропорядок характеризуется фундаментальным отходом от послевоенного миропорядка, определяющегося «духом Ялты» – соответствующим метафизическим антуражем, в основе которого лежал признанный и зафиксированный ключевыми мировыми игроками (великими державами) относительный баланс энергетических потенциалов великих идей Свободы и Справедливости. В своей политической ипостаси эти идеи являлись субстанциальным основанием, соответственно, либерального и социалистического проектов обустройства мира, а с точки зрения требований права – способствовали легитимации существующего миропорядка. Поскольку метафизический антураж современного миропорядка характеризуется перекосом в пользу идеи Свободы, то актуализируется проблема придания легитимности существующего миропорядка на основе политизации новой версии идеи Справедливости. Здесь решающую роль может сыграть Россия, имеющая опыт реализации советской версии идеи Справедливости.

Ключевые слова: *метафизический антураж, идея, миропорядок, свобода, справедливость, право, политизация, легитимность.*

Постановка проблемы. Проблема миропорядка относится к разряду «вечных» проблем, имеющих «надысторический» статус, ибо, по большому счету, речь идет о проблеме, от решения которой (успешного или нет – другой вопрос) зависит континуальность (единство) всемирной истории, что, впрочем, подразумевает также дискретность (специфику) каждой исторической эпохи в лице «своей» трактовки миропорядка.

Цель исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить метафизический антураж существующего миропорядка в лице корреляции великих идей Свободы и Справедливости, проанализировать причины делегитимизации существующего миропорядка, обозначить роль России в деле восстановления легитимного (правового) характера современного миропорядка.

Основная часть. В настоящее время трактовка миропорядка сводится к трем основным подходам: *реалистическому* – учет соотношения потенциалов ключевых игроков (стран) международных отношений; *институциональному* – акцент на международные институты, оказывающие влияние на отдельные страны; *конструктивистскому* – интерес к правилам поведения между основными субъектами отношений [1, с. 67-68]. Если в рамках первого подхода миропорядок ассоциируется с «физическими» подпорками (в лице, прежде всего, экономической и военной мощи), а в рамках второго подхода эти подпорки дополняются «метафизикой» – стремлением придать авторитет ООН и другим международным организациям, то в рамках третьего подхода миропорядок приобретает ярко выраженное метафизическое обрамление, поскольку подразумевается, что миропорядок должен основываться на идеях, придающих ему статус *легитимного миропорядка*. Именно метафизический антураж миропорядка позволяет выносить вердикты касательно его легитимности (или нелегитимности) с точки зрения требований права, причем, вердикты, исходящие от различных сторон этого процесса – международных организаций, отдельных стран или групп стран, транснациональных корпораций, партийно-политических объединений, профсоюзов, общественных движений, групп по интересам, сетевых сообществ, отдельных граждан и т.д.

Метафизический антураж миропорядка выражает прежде всего степень реализации (политизации) великих идей. Поскольку миропорядок характеризует не только сложившееся статус-кво в мире, но и процессы его поддержания (или изменения), то идейная подоплека этого выступает в качестве «целей» и «средств». В означенном процессуальном контексте «цель» – это идея Порядка, а «средства» – идеи Свободы и Справедливости. Причем, данная идейная триада олицетворяет *великие идеи* – предельный уровень самовыражения человека/человечества, что делает остальное идейное бытие (другие идеи) не более, чем их «детализацией», «содержательным наполнением», «заземлением» и т.п. Получается, что синтез идей Порядка, Свободы и Справедливости имеет правовую природу, поскольку речь идет о диалектическом сопряжении свободы – способности человека нести *персональную ответственность* за

свои действия перед обществом (государством) и справедливости – способности человека требовать *социальной ответственности* общества/государства/мирового сообщества за свое персональное благополучие, что и конституирует не просто порядок, но *легитимный порядок*. Вопрос лишь в том, как синтезировать данную великую идейную триаду на практике? Как представляется, подобный синтез возможен только в случае *политизации* основных мировых идеологий – либерализма и социализма, т.е. практической реализации олицетворяющих их идей Свободы и Справедливости, что равнозначно фактическому созданию соответствующей «инфраструктуры» в лице экономического уклада, социальной структуры, ценностно-нормативной системы, образа жизни и т.д.

Как представляется, в своем политизированном облике практически на всем протяжении XX в. идеи Свободы и Справедливости являлись основой существующего тогда миропорядка, придавая последнему *легитимный статус*, поскольку эти идеи не просто уравнивали друг друга, но и подпитывали энергетический потенциал друг друга, создавая тем самым сбалансированные (правовые) правила игры, которым вынуждены были следовать все ключевые игроки (страны). Конкуренция двух общественно-политических систем – капитализма и социализма – на уровне высшей метафизики, т.е. на уровне великих идей – Свободы и Справедливости, как это ни парадоксально, способствовала укреплению правовых основ миропорядка, характеризуя замену политической целесообразности требованиями Права.

Распад в 1991 г. СССР знаменовал завершение политизированной (практической) фазы идеи Справедливости, что было равнозначно не просто уходу в небытие биполярного миропорядка, но *легитимного порядка*. Следствием этого на правах «победителя» Запад провозгласил начало эры монополярного мира (миропорядка), в основе которого лежала политизированная идея Свободы, которая теперь, в отсутствии политического противовеса в лице идеи Справедливости, должна была стать своеобразной субстанцией идейного багажа человечества, воплощая собой «конец истории» (Ф. Фукуяма). В итоге, как отмечает Н. Косолапов, «миропорядок начала XXI в. стал основываться не только на военной силе, но и на сочетании идеологической и экономической целостности западного мира как стержня, вокруг которого этот миропорядок начал формироваться» [2, с. 4]. Другими словами, подобная «целостность» (в том числе идейная) одной фракции мирового сообщества была навязана всему мировому сообществу. Однако политическая монополизация идеи Свободы привела к той метаморфозе, что миропорядок (после 1991 г.) с правовой

точки зрения стал по факту (в отвлечении от пропагандистских клише) нелегитимным, поскольку при данном раскладе право стало подчиняться политике, тогда как должно быть наоборот, разумеется, если иметь в качестве идеала стремление именно к легитимному миропорядку, «отягощенному» балансом между идеями (ценностями) Свободы и Справедливости, балансом, который может иметь только правовой смысл. Можно сказать, что монополярный (центрированный исключительно на ценности Свободы) миропорядок невосприимчив к требованиям права, более того, он вообще выпадает из правового поля, что приводит к негативным последствиям экономического (поощрение неравенства), культурного (поощрение вседозволенности), политического (поощрение безответственности) и иного плана. Как справедливо отмечает К. Гаджиев, в настоящее время «подвергаются эрозии или вовсе исчезают некоторые из основополагающих ценностей, институтов, отношений и т.д., которые в совокупности составляли инфраструктуру прежней системы и обеспечивали ее единство, жизнеспособность, формы и направления функционирования [3, с. 150]. Как представляется, с уходом в небытие идеи Справедливости как одного из фундаментальных метафизических регуляторов миропорядка, созданного по результатам 2-й мировой войны, была разрушена идейная инфраструктура этого миропорядка, что подготовило благоприятную почву для актуализации идей национализма, фашизма, религиозного экстремизма, т.е. идей более низкого регулятивного уровня, не способных обеспечить то, что «по силам» только великим идеям – легитимизацию миропорядка.

Поэтому решение проблемы легитимации существующего миропорядка неизбежно актуализирует сценарий реанимации в качестве политического проекта идеи Справедливости, списанной российскими горе-реформаторами конца XX столетия в «архив истории», но от этого не потерявшей свою привлекательность и востребованность в современных условиях. Действительно, у части российской элиты появилась своеобразная мода на характеристику продукта Великого Октября – советского общества – преимущественно в негативном ключе («казарменный социализм», «тоталитаризм», «террор», «массовые репрессии» и т.д.). Но с позиций высокой философской и научной мысли можно задать следующий вопрос: а не ведет ли подобный переосмысленный интерпретации этого знакового события в отечественной и мировой истории к реализации простого лозунга – «Долой диалектику!»? Как известно, своеобразным камертоном диалектики (в духе Гегеля) является учет именно *единства* противоположностей. Это значит, что сказав «А», нужно переходить к «Б», подразумевая при этом, что «А» как

предполагает, так и отрицает «Б». Допустим, можно и нужно говорить о нарушении «прав человека» в советское время, ибо подобная практика есть, что называется «упрямый факт». Но при этом необходимо руководствоваться и другим «упрямым фактом», который гласит, что благодаря Октябрю в мировом масштабе было реализовано (не на словах, а на деле!) так называемое *второе поколение прав человека*, а попросту говоря социально-экономические права человека – право на труд, отдых и т.д. Специфика этих прав обусловлена тем обстоятельством, что они из потенциального (декларированного) могут превратиться в актуальное (практическое) лишь на основе их *патронажа со стороны государства*, лишь путем реализации государством решительной социальной политики. Ни гражданское общество, ни крупный капитал не способны на подобную решительность по причине того, что по своей природе они (каждый по своему) воплощают и защищают ценности частного (личного) по сравнению с ценностями общественного (государственного), рождая, таким образом, проблему «не управляемого плюрализма», который можно сделать «управляемым» лишь при наличии государственной воли, четко сформулированной государственной политики, подчеркивания императивности всего того, что олицетворяет государство. Следовательно, второе поколение прав человека подразумевает апелляцию прежде всего к государству, а не к гражданскому обществу или бизнес-сообществу, ибо в последнем случае это будет напоминать «глас, вопиющего в пустыне» именно по причине, о которой говорилось выше.

И вот честный анализ показывает, что в деле материализации второго поколения прав человека (социально-экономических прав) приоритет, несомненно, принадлежит Советскому Союзу (Советской России), в то время как в других «передовых» странах нечто подобное было реализовано с опозданием примерно на два десятилетия. Например, в Советской России 8-ми часовой рабочий день был узаконен в 1917 г, а в таких «передовых» странах, как Франция – в 1936 г. (в результате победы на выборах Народного фронта), США – в 1937 г. (следствие реализации «нового курса» Ф. Рузвельта). Уже это обстоятельство позволяет говорить о 7 ноября не просто как о значимой дате российской истории, но как о *фундаментальной детерминанте новейшей истории человечества*, определившей ее социально-экономические, политические, духовные принципы, ориентиры и координаты на длительную перспективу, сформировавшей по большому счету Современность – реальность, визитной карточкой которой (наряду со Свободой) является ценность Социальной справедливости. Сама практическая реализация великой идеи – Справедливости – метафизически нагрнула политическую и духовную

ипостаси советской власти, создав возможность и предпосылки для их *реального союза* на основе «харизмы Седьмого ноября». При всех издержках этого союза («партийном руководстве», «классовом подходе», «служению партии и государству») он обеспечил невиданные масштабы социального и научного творчества, дерзновения духа, уверенности в будущем, убежденности в реализации самых фантастических и дерзновенных замыслов. В этой связи напрашивается следующая ремарка касательно поиска национальной идеи применительно к российскому пути развития. Суть в том, что сами эти поиски обречены на то, что есть «дурная бесконечность» (Гегель), так как для нации, имеющей опыт *практической реализации Великой идеи*, не приемлемо в качестве ее заместителя искать чисто Национальную идею, ибо это опять-таки будет напоминать попытку барона Мюнхаузена вытащить себя из болота, ухватившись за собственные волосы.

Отказ же российской элиты в конце XX в. от идеи Справедливости неизбежно привел к нарушению «идейного баланса» в мире, лишил миропорядок легитимных (правовых) оснований, спровоцировал многочисленные социально-политические потрясения и конфликты, реанимировал казалось бы давно канувшие в лету религиозные идеи экстремистского (преимущественно исламского) толка, породил сомнения в возможности созидания миропорядка в рационалистическом ключе, т.е. в рамках сопряжения смысловой энергетики (мотивации), заключенной в идеях Свободы и Справедливости. Поэтому современная политическая и духовная элита России должна учитывать подобные «наработки» советского периода отечественной истории, делая соответствующие выводы на перспективу. Как тонко подметил С. Франк, «народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства» [4, с. 253]. Важно только, чтобы это «элитарное» меньшинство осознавало в данных исторических обстоятельствах свое предназначение не только в деле созидания национального государства, но и с точки зрения своего вклада в укрепление легитимных оснований современного миропорядка. Позиционирование России в качестве ключевого «держателя акций» великой идеи Справедливости, получившей практическую реализацию в советский период российской истории протяженностью в семь десятилетий, даже принимая во внимание неизбежную поляризацию оценок в отношении этого периода, своим следствием будет иметь трансформацию существующего миропорядка с точки зрения воссоздания метафизического баланса – равновесия актуализированных энергетических потенциалов обозначенных выше великих идей, что де-факто (а не

декларативно) делает право атрибутивным регулятором международных отношений.

Выводы. Современный миропорядок характеризуется фундаментальным отходом от послевоенного миропорядка, определяющегося «духом Ялты» – соответствующим метафизическим антуражем, в основе которого лежал признанный и зафиксированный ключевыми мировыми игроками (великими державами) относительный баланс энергетических потенциалов великих идей Свободы и Справедливости. В своей политической ипостаси эти идеи являлись субстанциальным основанием, соответственно, либерального и социалистического проектов обустройства мира, а с точки зрения требований права – способствовали легитимации существующего миропорядка. Поскольку метафизический антураж современного миропорядка характеризуется перекосом в пользу идеи Свободы, то актуализируется проблема придания легитимности существующего миропорядка на основе политизации новой версии идеи Справедливости. Здесь решающую роль может сыграть Россия, имеющая советский опыт реализации идеи Справедливости.

Литература

1. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 61-74.
2. Косолапов Н. Свобода и несвобода в глобальном миропорядке // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 6. – С. 4-17.
3. Гаджиев К.С. Реквием по старому миропорядку? // Власть. – 2012. – № 10. – С. 149-153.
4. Франк С. De profundis // Из глубины. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 251-269.

Noskov V.A. METAPHISICAL ENTOURAGE OF THE MODERN WORLD ORDER: RUSSIA ROLE IN REBUILDING BALANCE OF THE GREAT IDEAS

The modern world order is characterized by the fundamental withdrawal from the post war world order determined by «Yalta spirit» – a metaphysical entourage created by the key actors (great powers) and based on the relatively energetic balance between the great ideas of Liberty and Justice. Had been in political hypostasis these ideas composed the essential foundation of the liberal and socialist projects in reshaping the post war world and therefore made it possible to legitimate that kind of the world order. The metaphysical entourage of the modern world order is determined by a bias in favour of the idea of Liberty. There is thus a great need to politicize a new version of the idea of

Justice to make more legitimate the existing world order. Russia have had a practical realization the idea of Justice in Soviet times so it can play a decisive role in rebuilding that idea.

Key words: *metaphysical entourage, idea, world order, liberty, justice, law, politicize, legitimacy.*

Носков Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород)

УДК 315

Пивницкий Н.Д., Лебедь В.Н., Кравцов Д.Н.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ: БОРЬБА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В статье рассмотрены некоторые аспекты противоречий между либерализмом и другими идеологическими системами в свете увеличения роли религиозного фактора в международных отношениях и конкуренции проектов глобального развития человечества.

Ключевые слова: *либерализм, либеральная идеология, глобальный проект.*

Современные мировые кризисные явления в социальных, политических и экономических системах обусловлены превалирование либерального общественного строя в большинстве развитых стран мира. Либеральные ценности современного Запада довлеют над национальными аксиологическими системами развивающихся стран, навязывая их жителям индивидуализм и гедонизм, которые возводятся в ранг моральных и идеолого-политических ориентиров созидания «демократии западного образца».

Ввиду данного вполне объяснима экспансивная политика Запада (особенно – США) по навязыванию либеральных ценностей государствам постсоветского пространства. Консолидация этих стран возможна только на основе интегративных процессов с првонаследователем Советского Союза – Россией, а это не на руку Западу. США и их сателлиты боятся возрождения сильной России, и используют технологии манипуляции

общественным сознанием для насаждения в странах постсоветского пространства выгодной Западу системы ценностей. И меры дерусификации населения, которые сегодня планомерно осуществляются на Украине, лишь частный случай общей антироссийской информационно-идеологической кампании Запада, направленной на раскол любых интегративных общностей, которые выстраиваются вокруг России. Осуществляется эта кампания часто в ущерб не только государствам и надгосударственным образованиям, но и обычным гражданам, которые становятся заложниками ситуации и вынуждены в условиях бедности выживать, бороться за существование.

Подобные процессы имеют не столько локально-региональный, сколько глобальный характер, ведь за выживание сегодня борются все: отдельный человек, семья, микро- и макросоциальные общности, государства и межгосударственные публично-правовые образования. И некоторые религиозные организации (особенно – Православная церковь) как социальные институты также борются за своё существование, сохраняя исторические традиции и транслируя противоположную Западу нелиберальную систему духовно-нравственных идеологических ценностей.

В хаосе поисков эффективного пути развития социальных и политических систем одни политики хватаются за белый флаг либерализма, другие – за красный флаг марксизма, третьи – за коричневый национал-фашизма, четвертые пытаются найти выход из духовно-нравственного и идеологического тупиков на основе религиозных учений.

После развала СССР и «краха коммунизма» многие бывшие «советские республики», обретшие «независимость» (от кого или от чего – так и остаётся непонятным!), принялись строить государственность по образу и подобию социально-политических систем западного образца, механистически непродуманно рецепируя чуждые менталитету народа аскиологические системы либерального характера. В начале 90-х гг. даже создавалось впечатление, что либерализм западного толка окончательно победил коммунизм, а об остальных нелиберальных идеологических течениях и теориях, мол, и говорить не стоит.

Действительно, развал Советского Союза стал эпохальным событием, победой одной системы ценностей и поражением другой. Поэтому неудивительно, что не только постсоветские, но и другие общности оказались в своеобразном идеологическом вакууме, который можно было назвать «концом истории» в том значении, которое в 1989 году как политологическое понятие в научный оборот ввел американский обществовед Френсис Фукуяма [1]. В статье «Конец истории», впервые опубликованной в «The National Interest», и в своей следующей книге

«Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма констатирует, что развал Советского Союза и триумф демократии приводят историю до логического конца [2].

Достижения либеральной демократии, по мнению Ф. Фукуямы, постоянно трансформируют общество и ведут его к завершению «идеологической эволюции человечества», превращают в «окончательную (конечную – Авт.) форму самоуправления», а затем – начинается «конец истории». По мнению не только Ф. Фукуямы, но и ряда других политологов, такие изменения в человеческом сообществе якобы неопровержимо доказывают неотвратимость окончательного исчезновения с исторической арены основных оппонентов либеральной демократии – фашизма и коммунизма. Бегло отметим, что подобное мнение очень ошибочно: такие идеи не появляются, не умирают и не исчезают одновременно. Что бы там ни писали политологи и политики, скажем, коммунистические идеи будут иметь место до тех пор, пока человек будет искать правды и добиваться утверждения социальной справедливости. Нечто подобное можем говорить и о фашизме, правда, как об идеологии диаметрально противоположной коммунистической.

По нашему мнению, современный кризис либерализма обусловлен необоснованной уверенностью политиков в том, что либеральные ценности являются универсальными для всего человечества и могут существовать в качестве объединяющей платформы для всех государств и наций. Несогласие с либерализмом ведёт к формированию альтернативных идеологических ценностных систем, в которых отражаются новые глобальные проекты развития человеческой цивилизации.

Следует подчеркнуть, что, критикуя западно-индивидуалистский прагматический подход к жизни, альтернативные, в частности, исламские проекты, не отрицают научно-технического прогресса, не отказываются от СМИ и других современных форм коммуникации для популяризации своих идеологических концепций, хотя все они как раз и является продуктом развития западной модели человеческого бытия.

В последнее время мы все больше наблюдаем подъем религиозного фундаментализма в рамках христианской и мусульманской традиций. Некоторые исследователи и аналитики склонны считать, что оживление интереса к религии свидетельствует о том, что люди глубоко разочарованы духовной пустотой либерального общества потребления. Правда, хотя такая пустота и есть (это, безусловно, значительный идеологический недостаток либерализма), но это еще не значит, что религия может стать универсальной идеологической альтернативой либерализму. Реальное теократическое государство как политическая альтернатива идеологиям

либерализма, коммунизма или фашизма предлагается сегодня только исламом. Однако эта доктрина малопривлекательна для немусульман, и трудно себе представить, чтобы это движение приобрело широкое распространение во вселенском масштабе.

На современном обострение и дальнейшее кризисное развитие событий на международной арене особенно повлияла трагедия 11 сентября 2001 года в США. Она олицетворила появление нового глобального альтернативного нелиберального религиозно-ориентированного проекта – исламского. Этот проект на начальном этапе развивался и набирался силы в форме террористических организаций, а ныне – воплощается в жизнь Исламским Государством (ИГИЛ) как квазигосударственным теократическим образованием. Основные принципы, которых придерживаются адепты ИГИЛ, имеют религиозную окраску и касаются идеи установления контроля над всем миром и подчинения «неверных». Однако Исламское Государство лишь выстраивается на религиозно-мотивированной идеологии, но не опирается на религию в традиционном понимании данного, что делает ИГИЛ не одним из исламских суннитских ответвлений (т.е. религиозной организацией), а политической организацией, провозгласившей нормы шариата как идеологемы.

По нашему мнению, наиболее характерными чертами новейших глобальных проектов, в том числе и религиозных, являются:

- Антизападная направленность: западная либеральная система в них воспринимается не столько как политический оппонент, а как абсолютное зло, как враг, в борьбе с которым все средства допустимы.

- Адепты проектов воспринимают себя как последних оставшихся в мире носителей добра, которые противостоят доминирующим силам зла.

- Отказ от признания авторитета высшего религиозного руководства и необходимости согласования с ним своих действий.

- Склонность к эсхатологическим ожиданиям.

Отдельно необходимо сказать об эсхатологических ожиданиях как атрибутивных свойствах человека. Неудивительно, что все народы Европы, мировоззренческой парадигмой которых был эсхатологический конец света (истории), напряженно и со страхом ожидали Второго пришествия и Страшного Суда. Но, как это ни парадоксально, именно идея «конца» в период раннего Нового времени превращается в идею прогресса, а тотальная религиозность превращается в первые проявления атеизма. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня. Так, при заметном общем росте религиозности населения, несмотря на все усилия религиозных организаций, мы, к сожалению, вынуждены констатировать факт неустанной нравственной деградации человека.

Либеральный человек, приняв воинственный материализм как основу своего существования, победил коммунизм, но лишил себя духовно-нравственной и идеологической основы своего бытия. Однако век либерального человека приходит к концу.

Либерализм требует трансформаций с учётом современной системы международных отношений. Однако его трансформации не должны осуществляться «большой кровью» войны либеральных и альтернативных им нелиберальных глобальных проектов. Именно поэтому стратегической задачей мирового сообщества должна стать минимизация угроз международной безопасности в свете активности социально-политических организаций, исповедующих фундаменталистские радикальные концепции революционного и/или экстремистко-террористического характера, в которых провозглашается разрушение либерального общественного устройства Запада насильственным путём.

Литература

1. Фукуяма, Фрэнсис. Наше постчеловеческое будущее: [последствия биотехнологической революции] / Фрэнсис Фукуяма; [Пер. с англ. М.Б.Левина]. – Москва: Изд-во АСТ, 2008. – 349 с.

2. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; [Пер. с англ. М. Б. Левина]. – Москва: АСТ, 2015. – 575 с.

Pivnitsky N., Lebed V., Kravtsov D. CRISIS OF MODERN LIBERAL IDEOLOGY: THE FIGHT OF GLOBAL PROJECTS

In the article some aspects of the contradictions between liberalism and other ideological systems are considered in the light of the increasing role of the religious factor in international relations and the competition of projects for the global development of mankind.

Key words: liberalism, liberal ideology, global project.

Пивницкий Николай Дементьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, древней и средневековой истории Украины Восточноевропейского национального университета им. Л. Украинки.

Лебедь Виктор Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации и управления Белгородского государственного аграрного университета им. В. Горина.

Кравцов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В. Даля.

Гавлицкий Е.М., Гавлицкая П.В.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРОГРЕССИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье раскрыта сущность понятия «безопасность личности» и влияние личностной безопасности на государственное и социальное развитие. Авторами определены условия для самореализации человека.

Ключевые слова: *безопасность личности, потребность в безопасности.*

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием личной безопасности в современном мире сегодня занимаются многие ученые. Существенный вклад в изучение влияния личной безопасности на развитие общества и государства внесли такие ученые: Алексеев С.С., Кутафин О.Е., Зубанова С.Г., Русанов С.Н., Горшков М.К.

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных данной проблематике, существует много нерешенных проблем в области обеспечения безопасности личности. Так как безопасность личности является главным условием для государственного и социального развития, это обуславливает актуальность избрания нами этой темы исследования.

Цель исследования. Рассмотреть безопасность личности как фактор социального и государственного развития.

Основная часть. Безопасность личности играет основополагающую роль в жизненном процессе каждого человека, вокруг неё группируются фундаментальные ценности человеческого существования. Эти ценности неотделимо связаны с существованием человека в мире и стремлением оградить себя от множества опасностей, подстерегающих его на протяжении всей жизни. Кроме естественных физиологических опасностей, таких как природные стихии, голод, болезни и др., человека подстерегают опасности, исходящие от него самого. К последним можно отнести: войны, преступления, неустойчивость общественной жизни, политической и экономической обстановки в государстве и мире в целом.

Обеспечение безопасности личности предусматривает определенные действия государства, общества и непосредственно самого человека,

направленные на устранение той или иной опасности. Люди формируют нормы и принципы своих взаимоотношений, заключают международные договоры, вступают в военные, политические и экономические союзы, обеспечивая свою безопасность.

Мерой обеспечения безопасности личности на государственном уровне выступает высокая продолжительность жизни граждан, низкий уровень социальной напряженности в обществе. Если же говорить о показателях безопасности конкретного индивидуума, то к числу таких можно отнести отсутствие заболеваний, субъективную удовлетворенность человека своим уровнем жизни, обстановкой в семье и обществе, работой [3].

Личность – основной элемент общественного развития и основа всякого общества и государства. Все в обществе начинается, происходит и имеет следствия не ради самого общества, а ради личности, а степень ее социального благополучия является абсолютным и единственным критерием общественного прогресса.

В основе интересов каждой личности лежит матрица базовых потребностей человека, внутренних побудителей активности (теория мотивации А. Маслоу). Потребность в безопасности – защита от физических и психологических угроз окружающей среды и уверенность в том, что эти потребности будут удовлетворены и в будущем. Даная потребность является фундаментальным элементом и стоит на втором месте после физиологических потребностей человека. Потребность в безопасности является мотивирующим фактором в человеческом существовании [5].

В условиях высокого уровня личностной безопасности человек стремится к улучшению уровня жизни. У человека появляются потребности в самореализации, повышении уровня культуры и образования, что само по себе является залогом развития общества и государства. Реализуясь, человек принимает активное участие в развитии общества и государства.

Результатом взаимодействия культуры, экономики и общества является социальное развитие.

Безопасность личности неотделима от безопасности государства, так как опасности и угрозы для каждого человека идентичны для большинства людей.

На сегодняшний день, безопасность личности требует постоянного и пристального внимания государства и общества. Необходимо постоянно проводить анализ ее состояния для предотвращения и своевременного устранения угроз и опасностей.

Государство должно быть заинтересовано в развитии каждого гражданина как личности. Необходимо обеспечить благоприятные условия для самореализации каждого человека, организовать общественную жизнь и стимулировать социальную активность общества. Современное общество нуждается в социально-ориентированной политике государства и всех его институтов [4].

Яркий пример влияния личной безопасности на социальное и государственное развитие можно увидеть в период становления Донецкой Народной Республики.

В первый год становления государственности Республики, государству и обществу в целом, пришлось столкнуться с огромным количеством политических, социально-экономических, военных и других трудностей. Обеспечение безопасности личности, на первых этапах, сводилось к самому минимуму. Общество пребывало в трудном положении, за счет чего замедлялось государственное и социальное развитие. Но развитие государства набирало все большие обороты. Начали появляться и развиваться структуры и ведомства, направленные на обеспечение жизнедеятельности человека в жилищно-коммунальной, правовой, социальной экономической отраслях. Постепенно расширялось правовое поле, появлялись новые нормативно-правовые акты, в том числе и касающиеся личной безопасности.

На сегодняшний день, Народная Республика достигла значительных успехов в экономической, социальной, политической и других сферах. Безопасность личности перешло на новый этап развития. Государство обеспечивает обществу социальные гарантии, уверенность и стабильность в завтрашнем дне, защиту прав, свобод и законных интересов человека и его имущества. Несмотря на все еще существующую угрозу военного времени, люди смогли вернуться к привычному образу жизни. Ощущая личную безопасность в своей жизнедеятельности, граждане активнее участвуют в социальном и государственном развитии Республики. Все общественные отношения переходят к более качественному, новому состоянию. Существенные изменения появились и в государственном развитии. В условиях более высокой защищенности, люди с большей отдачей, продуктивностью и сплоченностью относятся к осуществлению своих профессиональных обязанностей, что не бесследно отражается в сельскохозяйственной, научной и иных профессиональных сферах и на прямую влияет на развитие государственности.

Правовую основу обеспечения безопасности в Донецкой Народной Республике составляет Конституция Донецкой Народной Республики,

общепризнанные нормы международного права, международные договоры и закон Донецкой Народной Республики «О безопасности».

Обязанностью Донецкой Народной республики, государственных органов и должностных лиц является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Человек, его права и свободы – высшая ценность [1].

Основными принципами обеспечения безопасности в Донецкой Народной Республике являются: соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, законность, приоритет предупредительных мер, взаимодействие органов государственной власти и других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами.

Также в Донецкой Народной Республике был создан Совет Безопасности.

Основными его функциями являются:

- анализ информации о реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности, о социально-политической и об экономической ситуации в стране, о соблюдении прав и свобод человека и гражданина;

- разработка и уточнение стратегии национальной безопасности Донецкой Народной Республики, иных нормативных правовых актов, а также критериев и показателей обеспечения национальной безопасности;

- осуществление стратегического планирования в области обеспечения безопасности и т.д. [2].

Обеспечивая личную безопасность конкретного гражданина, обеспечивается прогрессивное развитие государства в целом, его стабильность и бесконфликтность, спокойствие и благополучие.

Безопасность личности в процессе создания и развития общества может быть гарантирована только при создании определенных экономических, государственно-политических и культурно-духовных условий и факторов, которые обеспечили бы максимальный уровень развития личности и потребности ее самореализации. К сожалению, на данный момент в Донецкой Народной Республике недостаточно развита социальная защита общества, необходимо создавать и развивать экономическую систему общества, социальную структуру, эффективную систему социализации личности.

Выводы. Безопасность личности является фундаментальным элементом в социальном и государственном развитии. Когда человек чувствует себя защищенным, он стремится к самореализации. При этом главная задача государства – обеспечить социальную безопасность

личности, создать условия для развития каждого гражданина, обеспечить состояние защищенности жизненно важных интересов личности от внешних и внутренних угроз. Любое правовое государство не может называться таковым, если оно не обеспечивает безопасность личности.

Литература

1. Конституция Донецкой Народной Республики (ДНР): [Электронный ресурс] – URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>
2. Закон Донецкой Народной Республики «О безопасности» № 04-ІНС от 12.12.2014, действующая редакция по состоянию на 14.01.2015г.: [Электронный ресурс] – URL: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-bezopasnoste/>
3. Яновский Р.Г. Безопасность личности как гарантия социально-политической стабильности общества // Политическая безопасность России. – М., 2007.
4. Подгорный В. Перспективы социального развития ДНР и её интеграции в Евразийский Союз: [Электронный ресурс] – URL: <http://dnrsovet.su/vladimir-podgornyj-o-strategii-sotsialnogo-razvitiya-dnr>
5. Ильин Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. – М., 2007.
6. Указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации»: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071261/#ixzz4cW75DBdi>

Gavlistkiy E.M., Gavlitskaya P.V. SECURITY OF THE PERSON AS A CONDITION OF PROGRESSIVE GOVERNMENT AND SOCIAL DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article reveals the essence of the concept of "security of person" and the influence of personal security in the state and social development. The authors defined the conditions for self-actualization.

Key words: *safety of personality, necessity out of harm's way.*

Гавлицкий Евгений Михайлович – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В.И. Даля (г. Луганск).

Гавлицкая Павлина Владимировна – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В.И. Даля (г. Луганск).

Рецензент: Дервянко К.В. – к. филос. н., доцент.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА

Сегодня наше современное общество представляет собой период антропологического кризиса и «бегства от мышления». Современные разработки технического интеллекта не предусматривают наличие способности к осознанию, прозрению, чувствам, интуиции и это является одной из самых актуальных проблем человечества. Механическое, автоматическое, неосознанное, постоянно повторяющееся воспроизведение любой информации, предоставляет заранее готовый ответ на новый вопрос. Общество новых информационных возможностей несет в себе не только позитивные аспекты, но и опасные негативные тенденции. Человечеству предстоит пересмотреть всю систему «производства интеллекта» и трансляции социокультурного опыта, открыть новый способ воспитания разума, преемственности понимания и осознанности бытия.

Ключевые слова: антропологический универсум, компьютеризация, коммуникативная трансляция, социокультурный опыт, трансляция.

Актуальность исследования настоящей статьи непосредственно связана с возрастающим интересом современной психологии, лингвистики, истории, теории коммуникации к понятию самовоспроизводства культуры, трансляции социокультурного опыта. Проблема трансляции социокультурного опыта является предметом междисциплинарных исследований. Философы, антропологи, культурологи, социологи и педагоги проявляют давний интерес к этому явлению, в том числе и к межпоколенной преемственности как к механизму обеспечения стабильности общества. На данный момент наше современное общество представляет собой период антропологического кризиса и «бегства от мышления». Основополагающая причина совокупности существующих и возникающих проблем социума заключается в следующем: контроль человеческого общества над техногенной средой, над образом жизни в целом, над процессом собственной эволюции систематически теряет свою силу. Пожалуй, является бесспорным тот факт, что данная проблема

основывается не столько в вопросе технического потенциала общества, сколько в степени осмысления, восприятия и толкования антропологическим универсумом информации, которая транслируется в социокультурном пространстве. По словам М. Хайдеггера, «существо человека попадает в руки существа техники», но при этом ничем техническим не является, что, в свою очередь, представляет главную опасность антропологического кризиса. На сегодняшний день, технический интеллект не способен к осознанию, прозрению, чувствам, интуиции и это является одной из самых актуальных проблем человечества. Механическое, неосознанное воспроизведение любой информации, предоставляет заранее готовый ответ на новый вопрос [7, с. 497]. В процессе технологизации и компьютеризации общества, человек становится зависимым по всем параметрам от техники и технического прогресса отчего утрачивает способность думать, чувствовать, понимать, правильно воспринимать и трактовать получаемую информацию.

Существование человека и общества в целом – это многообразие процессов и механизмов, а также средств трансляции, образующее многослойную фактуру, формообразующими элементами которой являются институты трансляции. Трансляция – неотделимый субъект существования антропологического универсума. Некоторые исследователи утверждают, что трансляция и есть существование. Трансляции подвергается абсолютно всё – всё сущее, чувства и эмоции, продовольственные товары и услуги, знания и идеи, духовные и культурные ценности. То, что не транслируется – не сохраняется, бесследно теряется и в конечном итоге исчезает. Основными видами таких институтов трансляции можно назвать школу и традицию. Традиция – устный способ преемственности уровня понимания и осознанности бытия, передающий феномен человеческого, ментальность от души к душе, от сердца к сердцу, а школа, в свою очередь, – формальная информационно-репродуктивная система образования, возникшая на основе письменности, связанная с масс-медийной трансляцией готового знания как сообщения об истине, полученной в результате чужого умственного усилия.

Духовная традиция – чрезвычайно особый род традиции, принципиально отличный от традиций и школ в других сферах существования человека и общества: так, культурная традиция транслирует «культурное наследие»; школы в науке, в профессиях транслируют теории и методы, приемы и навыки. Однако духовная традиция не представляет собой социальный институт, это – специфический, антропологический феномен, в котором необходимая трансляция осуществляется не на социальном уровне, а лишь на сугубо антропологическом.

Сегодняшняя стратегия развития трансляции социокультурного опыта пропагандирует идею ликвидации подчинения социума процессу технологизации и компьютеризации, с пересмотром всей системы производства и трансляции опыта, а также с созданием новой социокультурной организации процесса трансляции опыта, а в конечном счете к переходу от человека, потребляющего информацию – к человеку, мыслящему и понимающему [2, с. 33].

Некоторые особенности коммуникативной трансляции в социокультурном пространстве антропологического универсума просматриваются в мультимедийной культуре, с помощью которой происходит передача социокультурного опыта. Как говорил М. Маклюэн, только человеческая мысль способна думать с еще большей скоростью чем та, которой обладают электронные медиа. И основываясь на этом, утверждает следующее: «контролировать изменения можно не когда ты движешься с ними, а когда ты движешься впереди них. Упреждение дает возможность изменять поток и контролировать его силу». Анализируя современные мультимедиа, можно твердо утверждать о том, что сегодня прослеживается тенденция усугубления автоматизации индустриального общества, живая культурная микрокоммуникация заменяется мультимедийной, т.е. виртуальной коммуникацией. Посредством виртуального пространства создается огромное количество информационных потоков, в гипертекст которых в качестве смысловых элементов включают отдельные слова, фразы, документы, изображения, музыкальное сопровождение, иными словами, все средства мультимедиа. В следствии чего «существо человека попадает в руки существа техники» и из читателя трансформируется в пользователя мультимедийной системы, оперирующего письменной и устной речью, изображениями любых видов, кино- и видеороликами, таблицами и схемами, созданными компьютером по его требованию, что как мы говорили ранее, не дает возможности мыслить и творить самому человеку. Большинство исследователей выдвигают мысль о том, что поколению людей компьютеризированной культуры, предстоит жить в постиндустриальном информационном обществе, которое соответствует стадии постнеокультуры [3, с. 28].

Ю.М. Лотман обосновывает идею о том, что переход к «информационному обществу» содействует не только развитию позитивных возможностей, но и несёт в себе негативную направленность. Началом информационно-технической революции принято считать переход от устности к письменности. Изобретение письменности – это поворот, не только в особенностях коммуникативной трансляции, но и в способе осмысления бытия. Эта тенденция основывается на упрощении

семиотической структуры культуры, ведь, устная культура ориентирована на постоянное воссоздание смыслообразов культуры, а письменная – на постоянное умножение/производство текстов [4, с. 41].

Для лучшего понимания проблемы информационного общества и всеобщей компьютеризации, следует рассмотреть предшествующую эволюцию трансляции опыта, в данной статье рассмотрим лишь общий ход процесса. Следует выделять следующие уровни коммуникационной культуры: словесность, книжность, мультимедийность. В развитии механизма трансляции прослеживаются некоторые зависимости между стадиями культуры и видами трансляции: археокультура – сфера микрокоммуникации; палеокультура – на равных условиях с микрокоммуникацией появляются мидикоммуникации (художественная, литературная, религиозная, материально-производственная); неокультура – массовизация и развитие макрокоммуникации: появление и развитие технических средств массовой коммуникации, международного культурного сотрудничества и информационных войн, глобализации коммуникационных, транслирующих систем. Также, существует некая структура мультимедийной индустриальной неокультурной книжности, которая состоит из трех поколений: рукописная книжность, мануфактурная книжность, индустриальная книжность. Важным является то, что смена коммуникационных культур и утверждение новых транслирующих систем и каналов не происходила без сопротивления. Так, письменность нарушила архаичную гармонию между индивидуальной памятью и общественным знанием; мануфактурная книжность лишила письменность священного ореола; индустриальная книжность спровоцировала появление коммерциализованной массовой культуры; печатный текст стал источником формализма; мультимедийность угрожает примитивизацией и инфантилизацией массовых аудиторий. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что искусство письменности является принуждением к техническому способу мышления и осмыслению бытия. До открытия технологии письменности, в устном социокультурном пространстве, носителем информации параллельно с инструментом обработки информации был человеческий мозг. Устность, в данной проблеме, мы рассматриваем не как способ произведения, а как способ осмысления [3, с. 28].

Чтобы контролировать эволюционный процесс, должен осуществляться переход к «обществу понимания» с соответствующим уровнем осознанности бытия, а не к обществу массового информационно-операционального многознания. Для этого необходима не трансформация человека разумного в человека информационного, а возвращение человека

как мыслящей сущности, открытой бытию [2, с. 35]. Поэтому речь должна идти о новой укорененности в бытии, которая дает человеку силы выстоять в технической среде и избежать порабощения *«существом техники»*. Необходимо вернуть человеческому интеллекту его культурный смысл, однако не освобождая его при этом от инструментальной функции [5, с. 82.]. Уход от порабощения *«существом техники»* не несёт идею отказа от использования технических устройств и приспособлений либо от технического прогресса и компьютеризации в целом. Суть заключается в способности общества и человека в частности выстоять в эпохе технологизации социума, получить из этого положительные возможности и ресурсы, а самое главное сохранить дар самостоятельного, творческого мышления.

Вследствие того, что человек является существом, открытым для бытия, универсум способен на бесконечное понимание и осмысление всего бытия. Принятие либо передача социокультурного опыта, информационных образов – не равноценно познанию истины бытия. Информированность человека является не осмыслением бытия, а лишь способом трансляции опыта. Такая информированность предусматривает не понимание и осознание, а только восприятие новой информации. Поэтому антропологический универсум, живущий в «режиме не извлеченных смыслов» (Ф.И. Гиренок), привыкает не к переменам, а к скорости перемен. Современное общество отражает обыкновение к умственному потребительству – это, в свою очередь, указывает на искаженность экзистенциальной сущности нынешнего человека, который подчинен квинтэссенции техники и сопричастен с симулятивной событийностью [2, с. 37].

При переходе от устности к письменности сотворческое бытование смыслообразов заменяется накоплением дискретных сообщений во внешнем технологическом расширении памяти – «информационном архиве». Вытекает размежевание навыков «творчества – исполнения – восприятия», что способствует возникновению неравноправия в творчестве – сотворческое бытование смыслообразов заменяется получением информации об истине в виде готового сообщения о чужом умственном усилии. Творческий потенциал понимания здесь оказывается невостребованным. В случае, если множественные модификации оставляют без внимания сам принцип коммуникативной трансляции в социокультурной системе, то реализация стратегии передачи социокультурного опыта и знаний может оказаться переходом только к новой – информационно-виртуальной, экранной стадии письменной культуры. О.В. Долженко обращает внимание на то, что мир информационного многознания дан человеку как готовое информационное пространство, как формальная образованность и вместе с информационно-

образной зависимостью неизбежно ведет к ситуации «информационного тоталитаризма». А мир понимания и миро-понимания существуют в процессе развития самого человека, его духовного роста и преображения. Мир понимания – это экзистенциальная, а не информационная реальность человека [2, с. 34-35].

Семантическая структура устной социокультурной информации как отличного от технологического способа осмысления бытия значительно сложнее письменной, поскольку устная социокультурная информация основана на художественном восприятии и внутреннем мышлении. Немецкий философ Мартин Хайдеггер освещал мысль о том, что поскольку существо техники не является чем-то техническим, то «сущностное осмысление техники и решительное разграничение с ней должны произойти в той области, которая, с одной стороны, является родственной существу техники, а с другой – фундаментально отличается от него. Одной из таких возможностей является искусство» [6, с. 228].

Раскрывая особенность трансляций, происходящих в искусстве, стоит уделить внимание антропологическому содержанию феноменов искусства и художественного творчества. Искусство, с точки зрения антропологии, – исключительно важный род «практик себя». Он важен тем, что представляет из себя весьма действенный фактор в антропологической ситуации: он может служить стабильности, переменам, дестабилизации ситуации, а также он обладает некоторой собственной независимой динамикой.

В момент накопления информации, усвоения уже известного и готового знания или в момент создания нового, генерирования смыслообразов протекают принципиально различные когнитивные процессы. Суть общей способности мышления заключается не в накоплении информации, знаний, мастерства, а в умении человека открывать новые пути мысли, изменять парадигму мышления.

Преобладающий способ формальной трансляции социокультурного опыта основан на том, что знания усваиваются не путем переживания, а абстрактно, умозрительно, посредством логического выведения одних знаний из других. Но процесс усвоения и осознания – это не накопление информационных потоков и запоминание информации, а творческий отклик на духовно близкое. Ю.М. Лотман назвал это «информационным парадоксом», который характеризуется как особенность устного восприятия и понимания. Следовательно, можно утверждать, что понимание транслирующейся информации осуществляется путем творческого усвоения.

Образы-символы осуществляют себя не как наличность, а как динамическая тенденция. Символ нельзя объяснить путем сведения к однозначной логической формуле или путем дескрипции. Переменные

аналоговые структуры можно прояснить, соотнеся с дальнейшими символическими сплетениями [1, с. 74]. Образное мышление сохраняет внутреннюю метафорическую интенсивную насыщенность, символическую плотность, что и служит многомерности понимания. Утрата воображения – угроза как антропологическому универсуму, культуре, так и человеку в частности. Деградация образного мышления означает трансформацию осознанной проективности в исчисляемую перспективность и колонизацию будущего планированием. Технический интеллект не умеет мечтать, лишен чувств, проективности понимания, собственного прозрения и мнения. Человечество утрачивает контроль не только над эволюцией, но и над искусственной социотехнической системой, которая устроена так, что можно нарушить все заповеди, не нарушив при этом формального письменного кодекса.

Отличие нашей эпохи состоит в том, что антропологическая динамика носит сегодня некий демократический характер, взамен прежней монархичности. К доминирующей позиции продвигаются виртуальные практики, компьютеризированные технологии. По главному свойству виртуальной реальности, она не может порождать собственных новых форм, ее образуют всевозможные «виртуализации», неполные воплощения явлений из других, актуальных тем [8].

Существо техники знает, но не осознает, ведает, но не понимает, может вырабатывать, производить, исчислять, комбинировать, но не может творить. Вырабатывание, вычисление, комбинаторика – это механическая деятельность, которую могут осуществлять как человек, так и компьютер. М. Хайдеггер указывает на необходимость восстановления человеческого разума в его бытийных правах. Человечеству предстоит открыть новый способ воспитания разума, преемственности понимания и осознанности бытия. Нужна новая разумность, воссоединяющая в единстве все способы мышления, практики рационального и иррационального, формально-логического и художественно-интуитивного мышления. Поэтому новым образом мышления может быть не новая рациональность, и даже не само по себе живое знание, а живое мышление и предвосхищающая осознанность бытия [2, с. 40].

Мы живем в современный период, когда господство машинной полиграфии постепенно уступает место мультимедийным компьютеризированным каналам. Однако использование электромеханических или радиоэлектронных устройств не означает выхода за пределы книжной коммуникационной культуры, ибо основные культурные смыслы фиксируются, передаются и хранятся в документной форме. Данная логика размышлений приводит нас к тому, что новые

коммуникационные средства дополняют индустриальную книжность, но не заменяют ее.

Литература

1. Абрамов М.Г. Знак и символ / М.Г. Абрамов // Человек. – 2006. – № 3. – С. 72–79.
2. Долженко О.В., Тарасова О.И. Будущее: общество информационного многознания или Человек понимающий? / О.В. Долженко, О.И. Тарасова // Высшее образование в России. – М.: изд. Дом «Гуманитарий». – 2009. – №8. С. 32–40.
3. Клейменова О.К. Проблемность передачи социокультурного опыта мультимедийной культурой / О.К. Клейменова // Аналитика культурологии. – 2010. – № 18. – С. 26–29.
4. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю.М. Лотман // Об искусстве. СПб.: – СПб: Искусство. – 1998. – С. 43–51.
5. Порус В.Н. Интеллект как культурная ценность / В.Н. Порус // Вестник РФО. – 2009. – № 1. – С. 79–85.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. – 1993. – С. 221–238.
7. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект. – 2008. – 528 с.
8. Хоружий, С.С. Школа – Традиция – Трансляция: эстетическая проблема в антропологическом освещении [Электронный ресурс] / С. С. Хоружий. – 2005. – Режим доступа: <http://www.synergia-isa.ru/>

Lisina D.S. PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE TRANSFER IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF ANTHROPOLOGICAL UNIVERSUM

Today our modern society represents a period of anthropological crisis and «flight from thinking». Modern development of technical intelligence does not provide for the ability to realize, enlightenment, feelings, intuition and this is one of the most pressing problems of mankind. The mechanical, automatic, unconscious, constantly repeating reproduction of any information, provides a pre-prepared answer to a new question. The society of new information opportunities carries not only positive aspects, but also dangerous negative tendencies. Mankind is to revise the whole system of «production of intellect», to open a new way of educating the mind, continuity of understanding and awareness of being.

Key words: *communicative translation, socio-cultural experience, society, computerization.*

Рецензент: Деревянко К.В. – к. филос. н., доцент.

Лисина Диана Сергеевна – аспирант кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета им. Владимира Даля (г. Луганск).

УДК: 340.12

Глазунов Н.В., Терентьева А.Н.

МЕСТО ДУХОВНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена роль духовности как консолидирующего нацию идеологического фактора в свете обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: *духовность, национальная безопасность, духовная безопасность.*

Постановка проблемы. Философское осмысление национальной безопасности в настоящее время как никогда актуально. Это обусловлено тем, что в наши дни на первый план выходит вопрос решения социальных проблем и удовлетворения возрастающих потребностей социума.

Прежде всего, это связано с образованием и сохранением новой российской идентичности в контексте идущих полным ходом процессов глобализации и унификации культуры [1].

Целый ряд социально-философских проблем системы национальной безопасности России тесно связан с острейшими мировыми кризисными явлениями и вызовами современного этапа глобализации. Это обуславливает необходимость анализа национальной безопасности в призме философского звания, определение роли духовности в системе безопасности нации, ведь именно духовность как консолидирующий нацию фактор вносит неопенимый вклад в обеспечение национальной безопасности страны.

Анализ последних исследований и публикаций. Философское осмысление национальной безопасности является относительно новым взглядом на стандартные вопросы теории безопасности. Именно философские основания национальной безопасности исследователи не так давно стали рассматривать в качестве самостоятельного направления теории безопасности. Философия порождает духовную самобытность нации, которая является необходимым условием достижения

защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства, которые интегративно составляют национальную безопасность.

Духовная жизнедеятельность общества, такие явления, как «народная душа», «национальный характер» рассматривались в работах классиков русской социальной и философской мысли – Н.А. Бердяева, П.Я. Данилевского, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, К.Н. Леонтьева, Л.П. Лосского, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, С.Л. Франка и др. Понятие «духовность» фигурировало и в трудах отечественных философов советского периода. Здесь следует назвать таких авторов, как В.С. Барулин, А.А. Брудный, Л.П. Буюева, Э.В. Ильенков, М.С. Каган, В.Ж. Келле, О.А. Митрощенко, А.Г. Спиркин, К.А. Уледов [3].

Цель исследования. Определить место духовности как консолидирующего нацию фактора в системе национальной безопасности.

Основная часть. Общество не может нормально существовать и расти без прогрессивного развития философской жизни. Более того, самые значительные и весомые социальные перемены имеют место быть только при духовном развитии социума, развитии духовной самобытности нации. Именно она дает вектор движения, как индивидууму, так и социуму, в целом.

Духовность является показателем существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов, в ней концентрируются проблемы, которые имеют отношение к высшему уровню духовного освоения мира человеком, которые затем получают социальное воплощение [2, с. 43].

В человеке и в обществе постоянно идет незримая борьба двух сил, «добра» и «зла». Крайняя степень потери смысложизненных ценностей выражается для общества в социальной аномии, нарастании рисков и угроз его безопасности. Поэтому духовность выполняет интегративную функцию в обществе и государстве, что способствует укреплению потенциала их безопасности.

Духовная сфера общества является определенным кодом, который несет в себе «зашифрованные» принципы функционирования социума. Особенность духовной сферы обусловлена самим фактом существования различных народностей. Также роль играют их уникальная культура, традиционные ценности, религия, степень их воздействия на сознание и поведение других людей.

Духовность имеет субъективное и объективное измерение, ее содержание является достоянием не только сознания отдельных индивидов, но и надиндивидуального – общественного сознания [4, с. 86].

Духовная сфера порождает доминирующие социальные идеи, которые формируются в систему, определяемую как идеология [5, с. 127].

Динамический аспект духовной сферы общества несет в себе такое понятие, как «духовная жизнедеятельность общества». Духовная жизнедеятельность общества является одним из важнейших уровней целенаправленного формирования, популяризации и становления духовности с помощью социальных институтов общества. Это берет свое начало от семьи, особенностей системы воспитания, уровня образования и заканчивается идейными и научными концепциями.

В рамках духовного пространства существуют процессы, в которых огромную роль играет религия. Однако современный социум показывает пример полного равнодушия к культуре и духовности. Общество несет идею потребительства и нигилизма [6, с. 20].

В России набирает силу бездуховность, которая приобретает при этом характеристики общенационального, общегосударственного бедствия. Идеал человека-потребителя, или, как можно выразиться, безответственного раба собственных инстинктов, на удовлетворение которых работает целая индустрия, плотно осела в современной культуре.

Такой вектор самоубийственен. Он заставляет задуматься о элементарной социальной безопасности и стабильности. У молодого поколения потеряны нравственные ориентиры. В то время как чувство патриотизма воспринимается в штык. Данные неоднократных исследований показали, что в ценностной иерархии молодежи на первых местах осели материальные ценности и карьера. Последние же места занимают патриотизм и гражданственность.

Исследованиями ИКСИ РАН подтверждено: воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1% российских семей, а формировать гражданственность и убеждения – менее чем в 7% семей. Тем самым массово воспроизводятся такие негативные качества человеческого потенциала, как индивидуализм, прагматизм, эгоизм, цинизм [7, с. 201].

Также положение ухудшается в результате деятельности ведущих СМИ. Они занимаются навязыванием населению образов низкой массовой культуры. СМИ рьяно препятствуют процессу социализации личности. Немалые средства и усилия направляются на оглушение социума с помощью информационного обмена. Это все приводит к воспитанию пренебрежения социальными и национальными интересами и целями. Все это наносит неопределимый урон национальной безопасности.

Независимость и безопасность России тесно связаны с созданием идеологического базиса и укреплением традиционной системы ценностей,

что в свою очередь, приведет к обеспечению преемственности власти, курса развития страны и консолидацию политической элиты. Ещё Б. Ельцин понял это, выдвинув предложение о важности создания национальной идеи, чтобы идейным вакуум был заполнен хоть как то.

Духовное единство нации, ее духовное здоровье нужны для того, чтобы у нации было будущее. Именно по этой причине изучение духовной составляющей обеспечения национальной безопасности является приоритетным для России. Пути и модели решения вопросов обеспечения безопасности нашего государства обязаны выступить в качестве предмета тщательного и разностороннего анализа со стороны представителей всех гуманитарных и социальных наук. Важную роль здесь должна выполнить философия, которая, в свою очередь, обретает сегодня положение соединяющей различные отрасли знания гуманитарной практики.

Само понятие «безопасность», прежде всего, необходимо видеть во взаимосвязи личностных, индивидуальных и социальных аспектов его содержания. Рост технической мощи человека, улучшенная возможность покорить силы природы, неминуемо ведет к увеличению источников опасности в жизни человека. Также нельзя забывать об увеличении масштаба угроз, которые существовали ранее.

Об этом же свидетельствует и появление систем безопасности, то есть, придание функции обеспечения безопасности институционального характера, когда разделение труда приводит к созданию учреждений, специально занимающихся устранением и предотвращением угроз человеческой жизни [9, с. 63].

Обеспечение безопасности средствами государственного аппарата приводит нередко к неправомерному противопоставлению личной, индивидуальной свободы и безопасности. Стоит отметить, что такой подход противоречит духу теорий «общественного договора», где безопасность является первой формой свободы. Только отступая от исходных принципов теории «общественного договора», можно противопоставлять, с одной стороны, безопасность личности и социальную безопасность, а с другой, – безопасность вообще и свободу.

Социально-философский анализ понятия «безопасность» закономерно преодолевает ограниченность узкоспециальных подходов к изучению данного феномена, так как позволяет соединить физические (связанные со стратегиями выживания) аспекты с аспектами духовными и нравственными, которые мы предметно рассматриваем в данной статье [10, с. 573].

Анализ феномена безопасности в призме духовности становится особенно актуальным во времена глобализации, когда на первый план

закономерно выступают не частные проблемы обеспечения отдельных видов безопасности, а совокупность взаимосвязанных факторов, в целом обеспечивающих благоприятные условия для безопасного развития современного мира.

Выводы. Исследование духовности в свете национальной безопасности России является актуальным для жизнедеятельности современного российского общества. Под духовной безопасностью необходимо понимать качественную характеристику общества в духовно-нравственном срезе, которое объединено единой идеологией – самобытной духовностью нации

Составляющими духовной безопасности российской нации являются комплекс её сегментов – культурная, идеологическая, религиозная безопасность, которые взаимодействуют с политической и экономической средами.

Духовности в государстве отведена роль значительного консолидирующего фактора, который отображает культурную независимость нации, стабильность функционирования политической системы государства, способность национального образования, здравоохранения и культуры динамически развиваться. Все эти стороны духовной жизни нации подлежат анализу через призму философского знания, что актуализирует дальнейший интерес исследователей к проблеме взаимовлияния духовности и национальной безопасности.

Литература

1. Моздаков А.Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 – Великий Новгород, 2008. – 149 с.
2. Захаров М.Ю. Безопасность социума как философско-методологическая проблема. – Монино, 1995. – 221 с.
3. Харсеева А.В. Духовные аспекты национальной безопасности современной России: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 – Краснодар, 2006 – 168 с.
4. Бокачев И. А. Духовность в контексте социально-философского анализа – М., 2000. – 312 с.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – Киев, 1994. – 441 с.
6. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Наука, 1996 – 275 с.
7. Радугин А.А. История России. Россия в мировой цивилизации. – М.: Проспект, 1998. – 322 с.
8. Рудаков А.В., Стрельченко В.В. Проблемы внешней и внутренней безопасности: теория и практика. – М., 2005. – 172 с.

**Glazunov N.V., Terenteva A. N. THE SPACE OF SPIRITUALITY
IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY: THE PHILOSOPHICAL
ASPECT**

The article considers the role of spirituality as an ideological factor consolidating the nation in the light of ensuring national security.

Key words: spirituality, national security, spiritual security.

Глазунов Никита Вадимович – студент экономического факультета Белгородского государственного аграрного университета им. В. Горина (г. Белгород).

Терентьева Анна Николаевна – магистрант Институт русской и иностранной филологии Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир).

Рецензент: Звонок Н.С. – к. филос. н., доцент.

УДК:351:342.9

Колесник О.Р., Колениченко С.В., Воробьёва К.С.

**МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И
РЕАЛИЗАЦИИ**

В статье раскрыта сущность понятия «общественная безопасность», отражён ряд вопросов механизма обеспечения общественной безопасности в рамках прогрессивных процессов экономического и социально-политического характера – демократизации жизни общества, либерализации экономики, увеличения военно-политического потенциала государства.

Ключевые слова: общественная безопасность, реализация Концепции общественной безопасности, региональные системы обеспечения общественной безопасности.

Постановка проблемы. Само существование современного общества в той или иной государственной социально-политической форме напрямую зависит от того, в какой степени будет реализовываться механизм общественной безопасности государства. Вопрос общественной безопасности государства представляется актуальным на сегодня, ведь

именно общественная безопасность – это один из факторов дальнейшего развития общества, становления государства как самостоятельного, сильного и независимого публично-правового образования, которое способно отстаивать и защищать свои суверенитет и конституционный строй.

Одной из задач государства является устранение противоречий между состоянием защищенности общества в свете должного и сущего – на уровне ожидаемого и действительно.

Проблема обеспечения общественной безопасности Российской Федерации имеет общенаучный характер. Разработками концепций её обеспечения занимались ученые и специалисты из различных областей знаний. Сегодня существует потребность к разработке теоретико-прикладных концепций общественной безопасности, которые должны стать основой для нормативного регулирования обеспечения общественной безопасности в РФ.

Ввиду этого в работе представлен анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих общественную безопасность, обобщенны мнения различных ученых по проблематике общественной безопасности.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросом обеспечения общественной безопасности занимаются многие представители социогуманитарного знания. Важный вклад в теорию и практику реализации механизма общественной безопасности осуществил доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых основ развития государственного управления и гражданского общества А.М. Воронов, который посвятил ряд научных работ проблеме механизма общественной безопасности и разработал несколько концепций модернизации данного механизма. В январе 2006 года во ВНИИ МВД РФ им была защищена докторская на тему «Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения общественной безопасности». В Приложении №1 данной работы автором был представлен проект Концепции обеспечения общественной безопасности.

Важную роль в теоретическом исследовании проблематики общественной безопасности играет работа известного российского политика и дипломата, вице-преьера Д.О. Рогозина «Проблемы национальной безопасности России на рубеже XXI века» (диссертация на соискание степени доктора философских наук).

Исследованию проблем обеспечения общественной безопасности посвящены труды В.М. Безденежных, И.И. Веремеенко, А.М. Воронова, С.И. Гирько, М.И. Еропкина, И.Б. Кардашовой, Б.П. Кондрашова,

А.Ф. Майдыкова, Н.П. Мышляева, Л.Л. Попова, Ю.П.Соловья, Г.А. Туманова, В.И. Фризко, А.П. Шергина и другие ученых.

Помимо этого, исследование общественной безопасности осложняется отсутствием системности понятийного аппарата в этой сфере, а также обоснованных предложений по поводу внедрения современных методов и моделей управления общественной безопасностью России. Ввиду данного проблема обеспечения общественной безопасности приобретает особую актуальность на сегодняшний день.

Цель исследования. Исследовать проблемы обеспечения общественной безопасности РФ в свете реализации Концепции общественной безопасности РФ.

Основная часть. В философско-социологическом и политико-правовом смысле концепция общественной безопасности – это целостная система знаний, ставящая целью преобразование человечества на нравственной основе путём способствования осмыслению людьми происходящего, изживанию любых форм эксплуатации и манипуляции (путём дачи всех общественно важных знаний всем людям), и развитию заложенного в человеке потенциала (в преемственности поколений) во благо человечества в целом [1].

Термин «общественная безопасность» находит большое распространение в российском законодательстве. Понятие безопасности в широком понимании находит формулировку в законодательном закреплении: «безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». При этом к основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность [1].

Общественная безопасность наряду с государственной, экономической, военной, политической, экологической, информационной является отраслью национальной безопасности. В Указе Президента РФ от 12.05.2009 N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», понятие «национальная безопасность» толкуется как государственную стратегию, предполагающая защищенность личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [2].

Некоторыми учеными-правоведами общественная безопасность определяется как совокупность нормальных общественных отношений, установленных нормативно-правовыми актами, обычаями и традициями, обеспечивающих достаточный уровень личной безопасности членов общества и самого общества в целом. Состояние и уровень общественной

безопасности характеризуется удельным уровнем преступлений и правонарушений, влияющих на состояние безопасности общества в целом и отдельных граждан в частности.

Наиболее интересной представляется позиция А. А. Тер-Акопова. Он предложил рассматривать безопасность личности (личностную безопасность), общества (общественную безопасность) и государства в рамках единого понятия — социальной безопасности, «которая включает условия, обеспечивающие сохранение и развитие основ социальной организации: государственно-политической, экономической, экологической и др., а также отдельные элементы, в том числе человека как самостоятельную ценность, являющуюся наиболее важной основой существования и функционирования общества» [7, с. 45].

На протяжении двух десятилетий в сфере регулирования обеспечения общественной безопасности было принято более 50 федеральных законов, десятки указов Президента Российской Федерации, более ста постановлений Правительства РФ, ряд нормативных актов субъектов РФ. Но иногда складывалась такая ситуация, когда не было целостной и урегулированной законодательной системы в сфере обеспечения общественной безопасности, да и правовое регулирование не охватывало всю совокупность общественных отношений, которые напрямую были связаны с противодействием различного рода угрозам социально-политического характера.

На наш взгляд, не дало ожидаемых результатов и принятие Федерального закона от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» [1], проблема целостного регулирования обеспечения общественной безопасности так и не решена. Хотя принятие данного закона сыграло немаловажную роль в развитии теории общественной безопасности. Отметим, что за весь период действия закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» радикально изменились характер соотношений реальных внешних и внутренних опасностей и угроз, стали не редким явлением природные и техногенные катастрофы, все чаще возникают конфликты межгосударственного и международного характера. Появившиеся угрозы и вызовы направляют в новое русло содержание и направленность обеспечения общественной безопасности. Ввиду данного, механизм обеспечения общественной безопасности требует срочной корректировки действующего закона «О безопасности», расширение и уточнение целей и задач, стоящих перед Россией в этой области, а также полномочий органов государственной власти по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В Федеральном законе от 28.12.2010 №390-ФЗ «О безопасности» закреплены основные принципы обеспечения безопасности, определяются полномочия Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области общественной безопасности. В нем, в соответствии со статьей 83 Конституции Российской Федерации, закрепляется статус Совета Безопасности Российской Федерации, его задачи, функции, состав и порядок организации деятельности. Законодательно определены задачи Совета Безопасности Российской Федерации. Так, согласно Федеральному закону к ним относятся:

- обеспечение условий для реализации Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности;
- формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией;
- прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации, а также ряд других.

Анализируя положения действующего Федерального закона от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности», мы можем сделать вывод о том, что он не только не дает определение понятия «общественная безопасность», но и не устанавливает перечень объектов общественной безопасности и ряд других вопросов.

Так, в ст. 1 закон указывает лишь на то, что он определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и не раскрывает при этом механизма обеспечения безопасности(!). Из этого напрашивается вывод о том, что законодатель «игнорирует» четкое формулирование правовых дефиниций и вообще уходит от каких-либо ответов. Из 20 статей данного Закона лишь 7 могут представлять правовой интерес в плане механизма обеспечения общественной безопасности и определения статуса Совета Безопасности.

А.М. Воронов посвятил десятки лет разработке концепции общественной безопасности. Им был создан проект Концепции общественной безопасности. В данном документе закреплено определение общественной безопасности, охарактеризован качественный уровень её обеспеченность и указано, что в стране он недостаточно высокий. Среди

главных угроз названы терроризм, экстремизм, коррупция, незаконная миграция, высокий уровень преступности, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера[5].

В 2013 г. Президент РФ своим Указом утвердил Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации. В данном акте установлены основные цели и задачи обеспечения общественной безопасности [4].

Главные задачи:

- укрепить правопорядок;
- сохранить гражданский мир, политическую и социальную стабильность в обществе;
- снизить уровень преступности.

Концепция относит к основным угрозам общественной безопасности терроризм, экстремизм и преступность. Не менее опасным явлением признана коррупция: «Наблюдаются устойчивые тенденции к сращиванию интересов бизнеса и чиновников, включению в коррупционные схемы должностных лиц и представителей бизнеса иностранных государств» [6,с.50]. Это является проблемой нормально функционирования государственных органов и органов местного самоуправления. Коррупция вызывает недоверие граждан к аппарату государственной власти.

Официально признанной угрозой общественной безопасности остается нелегальная миграция. Так как она является идеальной средой для развития террористических, националистических и экстремистских организаций.

Еще одним деструктивным фактором обеспечения общественной безопасности признано считать степень износа объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, гидротехнических сооружений. Так как это способствует повышению вероятности возникновения чрезвычайных ситуаций.

Анализируя проблему обеспечения общественной безопасности в теоретическом аспекте, отметим, что требуется глубокое изучение теоретико-прикладных вопросов модернизации механизма обеспечения общественной безопасности. Особое значение стоит уделить проблеме сущностно-содержательного определения общественной безопасности.

Выводы. Развитие правовых правового и политического регулирования общественной безопасности – одна из важнейших задач государства. Она должна выражаться в правовом определении таких понятий как: «общественная безопасность», «угрозы общественной безопасности», «обеспечение общественной безопасности», «система обеспечения общественной безопасности», «региональная система обеспечения общественной безопасности», «функционирование региональной системы

обеспечения общественной безопасности». При этом теоретическое исследование проблем функционирования региональных систем обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации нуждается в их экспериментально-правовом анализе с учётом федеративного устройства России, её многонациональности и многоконфессиональности.

На современном этапе развитие законодательства в области обеспечения общественной безопасности имеется ряд проблем и пробелов. На наш взгляд, это обусловлено причинами как чисто бюрократически-технического (низкий уровень юридической грамотности парламентариев), так и политического (нежелание брать на себя ответственность) характера.

Подводя итоги на основе вышеизложенного, можно утверждать, что современное правовое регулирование механизма обеспечения общественной безопасности не имеет единой стратегии и направленности, что отрицательно влияет на уровень защищённости общества от угроз внутреннего и внешнего характера. Многие аспекты общественной безопасности до сих пор не регулируются правовой системой, что недопустимо. Это требует реформирования современного законодательства, как об общественной безопасности, так и, в целом, национальной.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, N 1, ст. 2;
2. Федеральный Закон Российской Федерации от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» // «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 900;
3. Указ Президента РФ от 06.05.2011 N 590 (ред. от 25.07.2014) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с Положением о Совете Безопасности Российской Федерации // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, N 1, ст. 2;
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 20.10.2014);
5. Воронов А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения: автореф. дисдра юрид. наук. – М., 2006. – 76 с.;
6. Саманюк Э. В. О соотношении понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок» // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 671-675;
7. Тер-Акопов, А. А. Безопасность человека. Социальные и правовые основы. М., 2005. – С.83–90;
8. Хамхоев Б. Т. Проблемы определения общественной безопасности / Хамхоев Б. Т. // Административное право и процесс. 2011. – N 7. – С.307.

Kolesnik O.R., Kolinichenko S.V., Vorob'eva K.S. MECHANISM OF PUBLIC SAFETY: REGULATION AND IMPLEMENTATION ISSUES

The article reveals the essence of the concept of «public security», reflects a number of issues of the mechanism of ensuring public security in the framework of progressive processes of an economic and socio-political nature - democratization of society, liberalization of the economy, increasing the military-political potential of the state.

Key words: public safety, implementation of the Concept of Public Security, regional systems for ensuring public security.

Колесник Оксана Романовна – студентка Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ», г. Белгород).

Колениченко Сергей Васильевич – студент Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов).

Воробьёва Кристина Сергеевна – студентка Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ», г. Белгород).

Рецензент: Звонок Н.С. – к. филос. н., доцент.

УДК: 327

Терещенко Б.И., Лопина Е.М.

**НОВЫЕ ФАКТОРЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В МИРЕ КАК СЛЕДСТВИЕ
РАЗВАЛА СИСТЕМЫ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА**

В статье раскрыта сущность понятия «многополярный мир» и причины, которые повлияли на его появление и становление, а также факторы, обуславливающие современные очаги напряженности в мире. Авторами определены факторы современной геополитической нестабильности в мире, осуществлен её поэлементный анализ.

Ключевые слова: национальная безопасность, мультиполярный мир, геополитика.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием факторов современной геополитической нестабильности в мире сегодня занимаются многие видные ученые и мировые научно-экспертные организации. Существенный вклад в изучение геополитических проблем современности внесли ведущие западные и российские ученые, такие как: Н. Нартов, Р. Мухаев, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, С. Хантингтон, К. Гаджиев, А. Дугин и др., а также такие организации как: РИСИ (Российский институт стратегических исследований), «Изборский клуб», Комитет по вопросам разоружения и международной безопасности при ООН. В то же время вопреки появлению большого количества публикаций, посвященных данной проблематике, сохраняется много нерешенных геополитических проблем международных отношений, что обусловлено быстро изменяющейся конъюнктурой в мировых военно-политических процессах. Помимо этого, ситуацию усложняет отсутствие системности понятийного аппарата в сфере геополитики. Все это и обусловило актуальность избрания нами этой темы исследования.

Цель исследования. Рассмотреть факторы, которые влияют на отрасли глобальной безопасности и системы миропорядка сложившегося за последнее десятилетие.

Основная часть. В геополитическом плане текущая ситуация напоминает хаос, связанный с переделом сфер влияния по всему миру, который создает очаги напряженности в разных частях света. Она обусловлена переходом от однополярной системы мироустройства к многополярной.

Однополярный мир – система мирового устройства, характеризующаяся явным доминированием одного государства (США), обладающего большими возможностями в экономической, политической и военной сфере, чем любое другое государство или межгосударственный союз [1].

Причин перехода от биполярной системы мироустройства (которая существовала в годы Холодной войны между СССР и НАТО) к однополярной было несколько:

1. Глобальное могущество американской экономики (на США приходится около четверти всей мировой экономики). Это могущество было достигнуто благодаря так называемому «Новому курсу», который заложил Ф. Рузвельт, основываясь на теориях кейнсианства в период после периода Великой Депрессии [2]. Эта политика значительно ускорила рост экономики США в послевоенное время и он продолжался вплоть до краха Бреттон-Вудской системы в 1974 г.;

2. Военная мощь (у США самая сильная и современная армия мира,

обладающая на данный момент самыми передовыми технологиями в области электронных и геоинформационных систем). Причиной повышения военной мощи армии США стало построение грамотной послевоенной внешней и внутренней политики (план Маршалла, создание и укрепление блока НАТО, развал Советского Союза и ликвидации основного потенциального противника, которым до 1991 года был СССР);

3. Господство в мировой науке. Оно проявляется в том, что США проводят политику направленную на привлечение из стран Азии (Индия, Китай, Япония) и бывшего постсоветского пространства специалистов в различных областях науки, создании им благоприятных условий для работы. Это особенно заметно по количеству Нобелевских лауреатов, которые были выходцами из постсоциалистических стран и стран «третьего мира»;

4. Разветвленная система слежения и сбора метаданных по всему миру, которая курируется АНБ и ЦРУ, система средств информационной и электронной борьбы, способная проводить так называемые «кибератаки» на уязвимые объекты воздействия по всему миру;

5. Воспитание мировой элиты в американских университетах. Основная доля российской «золотой молодежи» обучается в ведущих университетах США, так как их дипломы высоко ценятся во всем мире;

6. Культурное влияние запада и в целом американского образа жизни на весь мир, который культивируется голливудскими фильмами, передачами, играми.

Концепция однополярного мира плотно вошла в систему баланса сил после распада Советского союза. Это позволило США чувствовать себе мировым гегемоном и спокойно отстаивать свои национальные интересы, даже в обход решения Совбеза ООН, эту тенденцию гипертрофированного применения силы, по мнению Путина, можно охарактеризовать так: *«Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да по сути, – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам»* [3]. Как, например, это было в Панаме в 1989 г. (военная операция США под видом защиты своих граждан) или Югославии в 1999 г. (военная операция НАТО под видом защиты этнических народов от сербских войск), а также во время операции «Буря в пустыне» на территории Ирака в 1990-1991 гг. (задачей было завоевание Кувейта и разгром иракской армии в целях установления контроля над арабской нефтью), а потом и в 2003 во время иракской войны против войск Саддама

Хуссейна. Однако эта концепция не смогла долго продержаться в глобальной системе миропорядка. Её сменяет многополярная модель мироустройства.

Многополярность – система мирового устройства, при котором множество (по крайней мере, не менее трех) государств обладают приблизительно равным экономическим и военным потенциалом [4]. В теории баланса сил считается наименее стабильной из всех. На протяжении истории многополярность подразумевала скорее войну, чем мирное сосуществование примерно равных по могуществу государств. Однако, с другой стороны, многополярная система – наиболее устойчивая из всех существующих и может существовать неограниченный промежуток времени. В то же время в биполярной системе рано или поздно будет выигравший, а однополярная система неизбежно приходит к деградации и краху с течением времени. Однако это может произойти только по конкретным причинам, каждую из которых необходимо спрогнозировать, чтобы найти соответствующее противодействие. Многополярной была Европа XIX-XX веков, глобальной многополярность стала в начале XXI века [4].

Причинами перехода от однополярной системы миропорядка к однополярной послужило:

1. Формирование новых центров силы, этому послужил активный экономический и военный подъем Китая за последние 10 лет, формирование нового центра силы во главе с Россией, которая пытается вернуть утраченные позиции на мировой арене. До недавнего времени эти 3 полюса силы (Китай, США, Россия) были безальтернативными в системе многополярного мира, однако сейчас ученые включают и Индию, так как экономически и демографически она уже догоняет Китай, также она активно наращивает свои вооруженные силы.

2. Американский гегемонизм начал пошатываться после терактов 11 сентября, когда величайшая американская военно-разведывательная система не смогла предотвратить эту трагедию.

3. Необдуманная политика навязать свои амбиции и порядки на Ближнем Востоке встретили негодование, как среди мирового сообщества, так и со стороны держав-конкурентов и жертв американского гегемонизма. Как следствие, мы видим очаги напряженности во всех районах планеты, вызревает интерес к формированию общего единого фронта против США и блока НАТО, которыми могут стать ОДКБ, ШОС, БРИКС.

4. Экономический гегемонизм США был подорван финансовым кризисом 2008 года, после которого первую позицию в мире стал занимать Китай.

В условиях многополярного мира возникают геополитические трудности, связанные с обеспечением баланса интересов десятка великих держав и обеспечением глобальной стабильности. Поэтому каждая из этих держав будет думать о возможных и полезных для нее коалициях. Поиск вариантов стабильных политических союзов осложняется отсутствием пока четкого понимания мировых трендов посткризисного развития. В этой ситуации хаоса мир, возможно, скоро вернется к блоковой модели, когда будут созданы 2-3 полюса мирового тяготения. Либо мир в условиях многополярности может оказаться на пороге глобальной войны, где каждая страна будет стремиться защищать свои национальные интересы, которые чаще всего будут совпадать с интересами других геополитических игроков, что будет выражаться в переделе и контроле сфер влияния над отдельными регионами на мировой арене [5]. Что уже и происходит.

На сегодняшний день факторами нестабильности в мире является:

1. Международный терроризм, увеличение политического и военного потенциала запрещенной в России ИГ, которая стремится создать своё квазигосударство.

2. Передел сфер влияния с учетом отставания и соблюдения сторонами своих национальных интересов, особенно между ведущими странами, в частности между США и Россией. Сегодня возможно выделить несколько дуг геополитической нестабильности: Ближний Восток и Северная Африка (Сирия, Ирак, Йемен, Турция, Иран, Ливия), страны южнее Сахары (Мали, Конго, Южный Судан), страны постсоветского пространства (конфронтация ДНР и ЛНР с Украиной, геoinформационное противостояние за Крым, Приднестровье, Нагорный Карабах), отдельно можно рассматривать Афганистан, Пакистан и Северную Корею [6].

3. Не меньшую напряженность создает расширение блока НАТО на Восток, за счет принятия в нее стран бывшего Варшавского договора, размещение на территории Польши и Чехии систем ПРО [7], которые должны противостоять ядерной агрессии Ирана и КНДР, однако с военной точки зрения им не выгодно так атаковать США, а, следовательно, эти системы направлены на сдерживание российских сил в случае возможной конфронтации, что вынуждает нас активнее наращивать свой военный потенциал на данном направлении.

4. Фактором напряженности и по настоящее время составляет гонка ядерных потенциалов, что с учетом подписанного в 2009 г. договора ОСВ-3, направленного на снижение количества стратегических наступательных ядерных боеголовок до 1500 [8], не снижает напряженность между США и Россией, хотя определенный паритет в этом вопросе соблюдается. Однако существующий паритет сводит на нет возможный ответ на наращивание

своего ядерного потенциала странами, которые не подписали договор по ядерному разоружению: КНДР, Китай, Пакистан, Иран (отрицает наличие ядерного оружия).

5. Несовершенство современной системы миропорядка в рамках Совбеза ООН, когда некоторые ее представители в обход коллективного мнения членов организации, проводят свою политику нарушая нормы Международного права и устава ООН, и при этом пытаются изменить саму структуру системы, чтобы им было выгодно законно обходить некоторые запреты ООН, в частности право вето одним или несколькими участниками на определенную резолюцию, которая при этом не позволяет принимать то или иное решение, как это было с ветированием Китаем и Россией резолюций о бомбардировках Сирии странами международной коалиции.

Выводы. Таким образом, последние тенденции мировых геополитических процессов, вышеизложенные факторы геополитической нестабильности мировой системы, которые вызваны резкой сменой существующего миропорядка и в тоже время переделом сфер влияния в ключевых для главных центров сил регионах, еще больше усугубляют состояние неустойчивости уже сложившегося миропорядка, разрушение которого может иметь критические последствия для всего человечества. Ввиду этого необходим полный пересмотр и выработка на базе ООН новой системы коллективной безопасности и новой политической системы на основе концепции многополярности, которая будет учитывать национальные интересы того или иного государства, с целью снижения, а возможно и прекращения передела сфер влияния в мире.

Литература

1. Леонов Ю. Мечты пентагоновцев несбыточны // Независимая Газета. – 1993. – № 50. – С. 1.
2. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов по спец. «Юриспруденция» / С.А. Чибиряев, Е.В. Сафонова, С.Г. Евтушенко, М.М. Борисевич] Отв. ред. Чибиряев С.А. – Москва: Былина, 2002. – 471 с.
3. Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. – 2007 : [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
4. Мухаев, Р.Т. Геополитика: учебник / Р.Т. Мухаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010 – 839 с.
5. Барабанов О.Н. Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2016 : [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Voina-i-mir---XXI-veka-Mezhdunarodnaya--stabilnost-i--balans--novogo-tipa-17971>
6. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // NB: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С.66-80.

7. Румыния готова разместить на своей территории ракеты ПРО США // РИА новости. – 2010 : [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/defense_safety/20100204/207716041.html

8. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: Договор от 08 апреля 2010 г. : [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/512>

Teretschenko B.I., Lopina E.M. NEW FACTORS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY IN THE WORLD AS A CONSEQUENCE OF THE COLLAPSE OF THE SYSTEM OF AN UNIPOLAR WORLD.

In the article reveals the essence of the concept of «multi-polar world» and reasons that influenced his appearance and formation, as well as the factors causing the current tensions in the world. Authors identifies factors the current geopolitical instability in the world, its partial analysis was done.

Key words: national security, multi-polar world geopolitics.

Терещенко Богдан Иванович – студент факультета горного дела и природопользования Белгородского государственного национального исследовательского института.

Лопина Елена Михайловна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, геоэкологии и безопасности жизнедеятельности Белгородского государственного национально исследовательского института.

Рецензент: Ильченко В.И. – к. пед. н., доцент.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

УДК 130:2

*Деревянко К.В.,
архим. Варфоломей (Кузнецов)*

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Духовная безопасность в христианском понимании этого слова обеспечивается благодатью Святого Духа. При этом человек со своими духовными качествами, и прежде всего волей, должен пребывать в состоянии синергии с волей Бога. Вхождение в это состояние, как правило, достигается святыми в практике аскезы. Противоположный полюс духовной жизни представлен людьми, одержимыми враждебными человеку духами. Между этими крайними полюсами находится множество промежуточных ступеней. Все разнообразие духовных ориентаций представлено в духовной культуре человечества. Христианская культура начинает репрезентацию всех возможных вариантов в Библии, а продолжает в искусстве и литературе.

Ключевые слова: *дух, духовная безопасность, благодать, синергия, аскетическая практика, культура, литература.*

Смысл концептов «духовное здоровье», «духовная безопасность», «духовная опасность» видоизменяется в зависимости от того, как мы понимаем «дух». А значение последнего меняется в зависимости от контекста: человеческий дух, божественный дух, дух времени и т. д. Для христиан важнейшим из контекстов является евангельский. Святой Дух в Новом завете носит имя Παράκλητος, что в переводе означает Заступник, Защитник, Ходатай, Помощник или Утешитель. Это слово является производным от греческого существительного παράκλησις (ободрение, вселение мужества; помощь, опора; утешение; спасение, освобождение) или глагола παρακαλέω (побуждать, ободрять, вселять мужество; утешать). Очевидно, что духовная безопасность христианина

без помощи Святого Духа просто недостижима. Или другими словами: «И где, кроме Тебя, полная безопасность?» (Августин. Исповедь. 2, 6, 13).

Особенностью православного учения о Троице является то, что Дух Святой исходит только от Бога Отца и объединяет воедино Отца и Сына. Всей полноте исхождения Святого Духа от Отца соответствует вся полнота воли Отца в Троице. От кого исходит Святой Дух, того и воля. Поэтому Иисус Христос неоднократно повторял, что пришел исполнить волю пославшего его Отца. Обращаясь к Отцу с молитвой, Сын говорит: «Да будет воля Твоя». Этой молитве Он научил апостолов, а они – всех христиан. Творить Божью волю и впускать в себя Дух Святой – процессы сопряженные.

Однако свободный человек может и противоречить воле Бога. Что он и делает регулярно с весьма сомнительными результатами. Все разнообразие проявлений человеческой воли простирается в диапазоне от полной комплементарности по отношению к божественной воле (у святых) до полной зеркальной симметрии и противоречия Богу (например, у сатанистов). В первом случае человек стяжает Духа Святого, а во втором – на нем паразитируют духи падшие. Между этими крайними полюсами имеется множество промежуточных ступеней, на которых располагается подавляющее большинство людей. Выражаясь языком Библии, все эти ступени заполнены персонажами в диапазоне от Авеля до Каина.

Такое многообразие находит отражение в христианском искусстве и литературе. Чем больше художник, тем шире его антропологический охват. Например, в мире Данте все души распределены между кругами ада и чистилища, а также «небесами» рая. В мире Гете одни герои заключают договор с врагом человеческого рода, другие уповают на божественную благодать, а третьи находятся на позициях промежуточных.

Аналогичный мир моделируется в классических романах Достоевского: «Преступление и наказание» (от Сони до Раскольникова), «Бесы» (от Тихона до Ставрогина), «Братья Карамазовы» (от Зосимы до Смердякова). В населении города Скотопригоньевска, как известно, выделяется три поколения. И в каждом из них представлен широкий спектр мировоззренческих ориентаций. Направленность личности в старшем поколении варьирует от старца Зосимы до сластолюбца Федора Павловича Карамазова. Поколение сыновей характеризуется диапазоном от Алеши до лакея Павла Смердякова. Поколение «мальчиков» находится в стадии становления личности.

Таким образом, один крайний полюс представлен христианами, другой – богоборцами или атеистами. Между ними можно обнаружить множество переходных или смешанных ступеней, которые легко заселяются персонажами произведений писателя (не обязательно художественных, но также публицистических). Архетипичность этой картины состоит в том, что структура общества была аналогичной не только в XIX-м, но и в XVIII-м, и в XX-м веке. Mutatis mutandis она остается той же и в XXI-м веке.

Это касается любой истории христианских стран. Достоевский (и русская литература) учились у Гете (и литературы европейской). Однако пришло время – и литература мировая стала учиться у русской. Томас Манн в своем вершинном романе «Доктор Фаустус» опирался не только на «Фауста» Гете, но и на романы Достоевского. Ему это было просто необходимо для того, чтобы в «романе своей эпохи» описать катаклизмы человеческой истории (в том числе – истории духа) XX века с ее тоталитаризмами и мировыми войнами.

Образ Адриана Леверкюна для писателя является «героем своего времени», «человеком, несущим в себе боль своей эпохи» (разумеется, по контрасту он дополнялся противоположными образами). В финале автор заставляет заключившего договор с врагом героя произнести приговор своей жизни и творчеству: «Кто призвал нечистого и прозаложил ему свою душу, дабы вырваться из тяжкого злополучья, тот сам повесил себе на шею вину времени и предал себя проклятью. Ибо сказано: бди и бодрствуй! Но не всякий склонен трезво бодрствовать...Иной сворачивает с прямой дороги и предается сатанинским неистовствам. Так губит он свою душу и кончает на свалке с подошедшей скотиной» [Цит. по: 1, 230].

Возвратившись к творчеству Достоевского, можно заметить, что дифференцировать своих героев по национальному признаку писатель только начинал. В его романах и публицистике можно встретить поляков, немцев или евреев. Однако, выделять среди русских людей украинцев или белорусов писателю не приходило в голову. А между тем, в «Народной воле», например, были широко представлены малороссы (Желябов, Кибальчич и пр.). До поры до времени они вливались в общее революционное движение и вовсе не страдали сепаратизмом. Однако уже в середине XIX века зародился украинский национализм и сепаратизм. У его истоков стояли богоборец Т. Шевченко, атеисты И. Франко, Л. Украинка и их эпигоны. Характерно, что в переписке Украинка называла себя и своих родственников «героями Достоевского». Другие украинцы были менее

склонны к рефлексии и поэтому являлись такими «героями», не отдавая себе в том отчета. Поэтому на украинском материале легко можно представить такие романы, как «Украинские бедные люди», «Украинские униженные и оскорбленные», «Записки из украинского мертвого дома», «Украинские бесы», «Записки из украинского подполья», «Украинский идиот» или «Украинский подросток».

Разумеется, всякий народ имеет своих бесноватых. Но не каждый народ имеет своего Достоевского. Этот писатель сознательно работал в библейской парадигме и поэтому его открытия не устареют никогда. Его открытиями пользуются многие. Так поступал, к примеру, национал-большевик Н. Хвылевой. Персонажи его романа «Вальдшнепы», Дмитрий Карамазов и Аглая, оценивая свое поколение украинских революционеров, определяют их как «братьев Карамазенко». Мемуаристы вспоминают, что сам Хвылевой постоянно (к месту и не к месту) повторял известные пушкинские строки «сбились мы, что делать нам, в поле бес нас водит видно, да кружит по сторонам» – вплоть до последней минуты перед самоубийством. Как известно, у Достоевского эти стихи служат одним из эпиграфов к роману «Бесы», а другой – взят из Евангелия от Луки.

Разумеется, у русских или украинцев нет никакой монополии на мировоззренческие архетипы. Поэтому белорусы имеют право на свой роман «Братья Карамазович», немцы – на свой («Братья Шварц»), евреи – на свой («Братья Шварцман»). Инославные культуры имеют свою классику, в которой нашли отражение свойственные им архетипы. Для католиков это – корпус текстов от «Божественной комедии» до «Человеческой комедии» и далее. Мировоззрение протестантов показано в героях Шекспира, Гете, Манна и позднейших писателей.

Зрелый Достоевский писал в пореформенной России, где буржуазные отношения только утверждались. Его актуальность усугубляется тем, что сегодня страна проживает вторую редакцию капитализма. Разумеется, между этими двумя попытками имеются не только естественные различия, но и очевидное сходство. Миллионы наших современников обретаются в информационном обществе и общими усилиями создают гипертекст под названием «Братья Карамазовы в мировой паутине» (или: «Братья Карамазовы в социальных сетях»). Каждый легко составит список сайтов, завсегдаями которых могли быть Федор Павлович Карамазов или лакей Смердяков. Так же легко найти ресурсы, которыми мог воспользоваться Алеша. Разумеется, как христианин, он легко осознал бы простую истину: «В интернете Бога нет. Не спасает интернет». И не только не спасает, но губит. Ибо без благодатной помощи человек никогда не выберется из сплетенной им же

паутины, а всегда будет опутан все новыми и новыми сетями. Благодать же Духа Святого легко сжигает любые путы и возвращает человеку первозданную свободу, напоминая ему о Том, Чьим образом он является.

Однако, безопасность – дело добровольное. А доброй воли хватает далеко не всегда. Поэтому зачастую человек реализует не самый безопасный вариант своей судьбы. Дмитрий Карамазов мечтал о том, чтобы как-нибудь сузить «слишком широкого» человека. Но у Творца, по-видимому, другие планы. И широкое амбивалентное творчество свободного человека будет продолжаться до конца времен. В этих условиях духовную безопасность можно обеспечить не утопическим отсечением «негативного» полюса, а посильным укреплением полюса противоположного: исполнением благой воли Творца и стяжанием Святого Духа. Тем самым до конца времен сохранится духовная альтернатива, к которой всегда смогут присоединиться те, кто еще не сделал свой выбор. «Многое может усиленная молитва праведного» (Иак. 5:16).

Выводы. Таким образом, духовная безопасность в христианском понимании этого слова обеспечивается благодатью Святого Духа. При этом человек со своими духовными качествами, и прежде всего волей, должен пребывать в состоянии синергии с волей Бога. Вхождение в это состояние, как правило, достигается святыми в практике аскезы. Противоположный полюс духовной жизни представлен людьми, одержимыми враждебными человеку духами. Между этими крайними полюсами находится множество промежуточных ступеней. Все разнообразие духовных ориентаций представлено в духовной культуре человечества. Христианская культура начинает репрезентацию всех возможных вариантов в Библии, а продолжает в искусстве и литературе по настоящее время.

Литература

1. Дирзен И. Эпическое искусство Томаса Манна. Мировоззрение и жизнь / И. Дирзен. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.

Derevyanko K.V., archim. Bartholomew (Kuznetsov). THE RELIGIOUS ROOTS OF SPIRITUAL SECURITY

Spiritual security in the Christian sense of the word is provided by the grace of the Holy Spirit. A man with his spiritual qualities, especially the will, must be in a state of synergy with the will of God. Entry into this state, usually achieved by the saints in the practice of asceticism. The opposite pole of the spiritual life represented by the people, possessed by hostile spirits. Between these two extremes are many intermediate steps. The diversity of spiritual orientations represented in the spiritual culture of mankind. Christian culture

begins the representation of all possible variants in the Bible, and continues it in the art and literature.

Key words: spirit, spiritual security, grace, synergy, ascetic practice, culture, literature.

Деревянко Константин Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Архимандрит Варфоломей (Кузнецов Денис Владимирович) – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск), наместник Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря.

УДК 17-177

Протоиерей Алексей Слюсаренко

ШАФАРЕВИЧ. IN MEMORIAM

Некролог памяти академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича (1923-2017), выдающегося математика, мыслителя, общественного деятеля России XX-XXI веков.

Ключевые слова: любовь, культура, русская история, философия, социализм, диссиденты, русофобия, катарсис, Сретение.

Смерть православного долгожителя в Сретенские дни всегда утешительна. Покойный удостаивается сравнения с Симеоном Богоприимцем... Так было в 1976-м, когда в праздник Сретения Господня представился 98-летним старцем Василий Витальевич Шульгин, так было и в нынешнем году, когда упокоились почти столетний старец архимандрит Кирилл (Павлов) и 93-х летний академик РАН Игорь Ростиславович Шафаревич...

Уроженец малороссийского Житомира, своё детство и отрочество будущий математик провёл в Москве, получив великолепное домашнее образование. Как учёный Шафаревич состоялся очень рано, настолько рано, что его следует признать самым молодым в истории Российской науки исследователем. В 17 лет он окончил механико-математический факультет МГУ, а в 19 он уже кандидат физико-математических наук

(1942). Докторскую диссертацию Шафаревич блестяще защитил в 23 года (1946). Область исследований учёного – высшая математика, теория алгебраических чисел. В 1958-м Шафаревич, в возрасте 35-лет избирается членом-корреспондентом АН СССР. Спустя год, за решение обратной задачи Галуа для разрешимых чисел, Игорь Ростиславович был удостоен Ленинской премии (1959). Казалось ещё немного и учёный получит высшее признание коллег и станет действительным членом АН СССР, а может быть получит и Звезду Героя? Однако математика не была единственной любовью учёного. Частью домашнего воспитания Игоря Ростиславовича была русская литература и история. Мама учёного, Юлия Яковлевна, филолог по образованию, выпускница Бестужевских курсов, сумела привить ребёнку любовь к родной культуре, которая не покидала Игоря Ростиславовича никогда.

Впервые, гражданская позиция Шафаревича проявилась в 1955 г., когда он поставил свою подпись под т.н. «Письмом трёхсот», в котором советские учёные выступили против мракобесной лысенковщины. В конце 60-х, когда были растоптаны ростки хрущёвской оттепели, Шафаревич публично выступает как критик советских порядков. Одной из жертв карательной психиатрии оказался тогда сын Сергея Есенина, математик Александр Вольпин. В защиту гонимого учёного выступили коллеги. 9 марта 1968 г. было написано и опубликовано Открытое Письмо девятиста девяти. Первым под текстом поставил свою подпись Шафаревич. В подобных поступках, видится нам образ великого Сократа, голосующего в совете пятисот против казни афинских стратегов.

В разгар травли академика А.Д. Сахарова, Шафаревич выступил с открытым письмом «О жертвах гонений» (1973). Часто Игоря Ростиславовича причисляют на основании этих выступлений к диссидентам. Однако это ошибочная квалификация. Высшей ценностью диссидентского движения в СССР были права человека. Социальным идеалом наших правозащитников всегда был Запад. Не таков был Игорь Ростиславович Шафаревич. Он тяготел к русской религиозно-философской традиции. Неслучайно Шафаревич оказался среди авторов сборника статей «Из-под глыб» (1974), который, по своему содержанию и стилю продолжал дело «Вех». Публикация этого сборника в парижском издательстве YMCA-Press, а также открытые выступления в защиту, изгнанного из Советского Союза А.И. Солженицына, делали невозможной дальнейшую карьеру Шафаревича в советской науке. И это был осознанный выбор учёного. Он приносил в жертву Истине своё благополучное положение в советском обществе. Учёный был отстранён от преподавания в МГУ, для советских СМИ его имя стало запретным.

В 1977 г. в Париже вышла лучшая философская работа Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Предисловие к работе написал А.И. Солженицын. В нём писатель отметил, что «книга Шафаревича бросает вызов нынешним теоретикам социализма: показать в деловой публичной дискуссии арсенал своих аргументов» [1, с. 501]. Казённые идеологи КПСС вызов не приняли. Дискуссию о прошлом и настоящем социализма с Шафаревичем никто вести не стал. Нашёлся только один автор, попытавшийся защитить идеалы коммунизма перед разрушительной критикой московского математика. Этим автором был Рой Александрович Медведев, сам почитавшийся в ведомстве Сулова ревизионистом марксизма. Медведев продолжал гнуть линию шестидесятников: сталинизм плох, а вот ленинский проект хорош. Шафаревич ответил и Медведеву, указав те места в трудах основоположников, которые вполне определённо обосновывали реки крови, пролитые при строительстве коммунистического парадиза. Широкому читателю эта книга Шафаревича стала доступна только в 1991-м, когда издательство «Советский писатель» выпустило в свет сборник его трудов «Есть ли у России будущее?» Именно тогда прочёл Шафаревича и я, в ту пору студент исторического факультета Луганского педагогического института. Меня поразила эта книга, я прочёл её залпом, не отрываясь... К тому времени, я уже изучил в институте курс истории КПСС, политэкономии, диамат и истмат. Эти псевдонауки представляли собой железобетонную схоластику в худшем смысле этого слова. Минимум мысли, никакой свободы и горы конспектов основоположников. Однажды мне отказали в зачёте по истории КПСС, на том основании, что в толстой тетради конспектов Ленина оказались не те работы, которые рекомендовались преподавателем. Среди отвергнутых конспектов вождя мирового пролетариата оказалась листовка «Смерть шпионам!» и статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Мне пришлось за ночь написать новую общую тетрадь (96 листов!) ленинских творений... И вот, на фоне этого уходящего мракобесия, появилась, как глоток живой воды, книга И.Р. Шафаревича. Помню, как оглушило меня открытие: «Манифест коммунистической партии», издававшийся в СССР отредактирован нашей цензурой! Изъят пассаж об общности жён при коммунизме. Впечатлял и литературный стиль автора, в нём чувствовался *человек русской культуры*. Оппоненты Шафаревича из лагеря социалистов *так* писать не могли... Уже одной этой книгой Шафаревич заслужил себе почётное место в истории русской философии. Знакомство с философией Шафаревича было для меня не меньше чем катарсисом. И сам автор ставил перед собой эту цель – очистить читателя от власти кумиров. В одной из своих работ, Шафаревич напоминает хрестоматийный сюжет: когда Геродот читал афинянам свою Историю, один мальчик расплакался... Этим

мальчиком оказался Фукидид... Русская и греческая философия едины в главном. Наши религиозные философы были охвачены пафосом катарсиса. Таков и Шафаревич.

Оказавшись фигурой умолчания в СССР, окружённый вниманием недремлющего КГБ, Шафаревич немедленно получил заслуженное признание на Западе. Он становится Иностраннным членом Национальной академии деи Линчеи (Италия), членом Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», членом Лондонского Королевского общества, Национальной академии наук США (он покинет её в 2003-м в знак протеста против разгрома Ирака), Американской академии искусств и наук, Почётным доктором университета Париж XI. Ему присуждают Хайнемановскую премию Геттингенской Академии наук.

Скоро на Западе поняли, что Шафаревич вовсе не апологет западной системы ценностей.

Более того, после выхода новой работы философа «Русофобия» (1980), Игорь Ростиславович становится объектом нападок как раз с западной стороны. Следует признать, что сам термин «русофобия» ввёл в литературный оборот именно Шафаревич. Сегодня он широко используется в СМИ, правда, далеко не всегда удачно. «Русофобией» Шафаревич заслужил себе репутацию антисемита. Но, объективно говоря, автор «Русофобии» выступает апологетом русской культуры, русской истории перед наветами современной ему еврейской интеллигенции. Шафаревич коснулся темы участия евреев в Революции 1917 г. Этого было достаточно, чтобы учёного объявили антисемитом и обскурантом. Справедливости ради, следует признать, что в работах Шафаревича о еврейском вопросе есть и слабые места. С нашей точки зрения, это, прежде всего, попытка вывести деструктивное поведение радикального еврейства из Библейского учения. Разумеется, посягательство на Священное Писание не могло привести к плодотворной дискуссии с автором.

В последние месяцы существования Советского Союза, И.Р. Шафаревич, наконец, был избран академиком АН СССР. Центральное телевидение выпустило в эфир встречу с выдающимся учёным в Останкино. Казалось, что период замалчивания фигуры мыслителя окончен. Но разговор молчания на этом не закончился. В годы правления Ельцина, Шафаревич вновь оказался не ко двору. Он не принял реформы Гайдара, поддерживал Верховный Совет в борьбе с президентом. Голос мыслителя можно было услышать на парламентском радио, выпуски которого были редки. Статьи Шафаревича публиковались в патриотических газетах и журналах, тиражи которых были невелики.

В «лихие» 90-е, годы национального обморока в России, слово и поступки Шафаревича укрепляли и утешали, наполняя душу надеждой на

оздоровление нашего самосознания в будущем. Так было в 1992-м, когда Шафаревич появился в окопах Приднестровья, так было, когда учёный выступил в защиту русского Севастополя... Нынешняя Русская весна во многом плод усилий и Шафаревича.

Один мой друг в начале 2000-х писал диссертацию по социальной философии. В связи с этим он интересовался философской литературой об утопизме. Я предложил ему прочесть «Социализм...» Шафаревича. Оказалось, он не читал эту книгу и был поражён её высокими качествами. Коллега удивлялся: почему в философском сообществе так мало цитируют этого автора? Ничего удивительного в том молчании не было. Обычный интеллигентский бойкот инакомыслящим.

Определённое недоумение вызывает у нас увлечение Шафаревичем «Розой мира» Даниила Андреева, оккультной утопией, принятой Игорем Ростиславовичем за подлинную религиозную мистику. Complimentarные отзывы о творчестве Д. Андреева звучали из уст Шафаревича в конце 80-х – начале 90-х. В последние годы жизни об Андрееве Игорь Ростиславович, кажется, не вспоминал. Возможно и переоценил значение его творчества? В целом же круг чтения Шафаревича огромен. Его литературные рекомендации, как правило, были, по крайней мере, для меня, очень полезными и интересными. Так, именно благодаря советам Игоря Ростиславовича, я открыл для себя труды Л.А. Тихомирова, И.Л. Солоневича, И.А. Ильина и многих других неизвестных советским читателям мыслителей.

В 2001 г. по приглашению архимандрита Тихона (Шевкунова) И.Р. Шафаревич прочёл курс лекций религиозно-философского содержания в Сретенской семинарии. В современной России, 85-летний юбилей учёного не прошёл незамеченным. Благоклонный сюжет о юбиляре был показан на телеканале «Россия 1». Тем поразительней, что о смерти мыслителя крупнейшими телеканалами страны не было сказано ни слова. Отпевание Игоря Ростиславовича было совершено в московском Сретенском монастыре 22 февраля. На погребение не пришли вожди патриотического движения. Почему? Очевидно потому, что Игорь Ростиславович, будучи патриотом России, никогда не соблазнялся сталинизмом, в том время как в лагере современных российских патриотов фигура Джугашвили пользуется всё большим и большим авторитетом. Зато на похоронах была Н.Д. Солженицына. После возвращения писателя в Россию Игорь Ростиславович и Александр Исаевич регулярно встречались. Незадолго до ухода мыслителя, Наталья Дмитриевна и сын писателя Игнат, посещали Шафаревича на его квартире. Как это символично, ведь в 1974 единственным, кто проводил Солженицына в изгнание был Шафаревич.

Слово в память о новопреставленном Игоре Ростиславовиче мы

произносим накануне сорокового дня после его кончины. По нашей вере, в 40-й день, душа усопшего предстаёт пред Богом на частный суд, чтобы обрести своё место до всеобщего Воскресения мёртвых. Верю и надеюсь, что это Сретение для Шафаревича будет светлым и радостным. Вечная память, рабу Божию Игорю!

Литература

1. Солженицын А. И. О книге И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» (февраль 1976) // Публицистика. В трёх томах. Т.3. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. С.499-501.

Slusarenko A.V. SHAFAREVICH. IN MEMORIAM.

Obituary memory of Academician Igor Rostislavovich Shafarevich (1923-2017), an outstanding mathematician, philosopher, social activist Russia the XX-XXI centuries.

Key words: *love, culture, russian history, philosophy, socialism, dissidents, russophobia, catharsis, Candlemas.*

Слюсаренко Алексей Владимирович – протоиерей, кандидат богословия, клирик храма святых мучеников и исповедников Гурия, Самона и Авива г. Луганска. Старший преподаватель кафедры мировой философии и теологии Луганского университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 141.135

Протоиерей Сергей Воронкин

ДРЕВНИЙ ТЕТРАГРАММАТОН «ЙХВХ» КАК ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

На сегодняшний день ученые мира считают ЙАХВЕ более правильным прочтением слова, вместе с тем оставляя возможность дальнейших исследований в данном вопросе. Можно утверждать, что его прочтение как «Иегова», вероятнее всего, ошибочно. Хотя и нет полной аргументированной уверенности в том, что имя Бога, зашифрованное в тетраграмматоне, звучит иначе, нежели «Иегова», большинство современных гебраистов и библеистов считают, что это имя является подлогом. В то же время для христиан имя Иисус Христос дороже иных имен Бога, ибо открывает для нас Его как Спасителя, как Сладчайшего в напоминание о самых дорогих для нас событиях и благорасположении к нам Господа.

Ключевые слова: имена Божию, Ветхий Завет, тетраграмматон, ЙХВХ, масоретская огласовка.

Актуальность исследования. Комплексная реконструкция и анализ смысла и происхождения древнего тетраграмматона ЙХВХ, его масоретской огласовка, и позднейшего подлога, совершенного в Римско-Католической церкви в XIX веке с прагматическими целями обращения иудеев, важен как для формирования осознанного отношения православных христиан к Имени Божию, так и для понимания истока многих современных ересей.

Степень исследованности проблемы. До настоящего времени классическим исследованием данной проблемы остается книга известного подвижника XX века архиепископа Феофана (Быстрова) «Тетраграмма или Божественное Ветхозаветное Имя יהוה» (1905) [3]. Книга Ж. Жерту [10], а также работы академика С.С. Аверинцева, А.А. Алексеева и А.А. Десницкого [1; 2; 4] в настоящее время являются обобщениями результатов исследований как богословов, так и библеистов-текстологов последних двух веков.

Общий богословский смысл священной тетраграммы, из которого мы будем исходить в дальнейшем, глубоко сформулирован архиепископом Феофана (Быстрова) следующим образом: «истинный смысл его составляет как нам кажется, самоутверждение Богом Себя как абсолютной личности. «Я есмь, Который есмь», т. е. я имею бытие независимо ни от чего, Сам в Себе, и в нем самоопределяюсь так же независимо ни от чего, исключительно Сам Собою. В этом общем определении Бога как Сущего, в качестве необходимого содержания, *implicite* заключаются все те свойства божественного бытия, которые обычно различными экзегетами выдвигаются поочередно и разрозненно: самопричинность, неизменность, свобода, самоожесточенность и т. д. Каждое из таких частных определений божественной личности, конечно, справедливо, поскольку в основание определения здесь полагаются действительно элементы личного бытия; но полной истины ни одно из них в отдельности от остальных не выражает. Эту истину дает нам только представление цельной личности божественной. Естественный ум языческий не поднялся до этой великой идеи. Здесь божество или пантеистически сливается с миром и, лишенное сознательной, разумной самоопределяемости, развивается по законам космической необходимости, или, если представляется лично, то самая личность берется антропоморфно и антропатически со всеми чертами человеческой ограниченности и греховности. Бога, как истинно-сущего самостоятельного существа, здесь не было; был лишь обожествленный космос или человек. Только наиболее сильные философские умы

разрывали эти роковые пути языческого ума, но и то лишь отчасти. До чистого понятия абсолютной живой личности истинно Сущего Бога не дошел ни один из них, не исключая и Платона» [3, с. 104-105].

Цель исследования в данной статье состоит в определении основных богословских проблем, связанных с трактовкой тетраграмматона ЙХВХ, их исторического контекста и значения для современного богословия.

Основная часть. Средневековые христианские ученые, не поняв истинного смысла вокализации Имени YHWH гласными значками от слова Адонай, транслитерировали масоретское hwhy как Иегова. Обычно считается, что первым данную транслитерацию использовал в 1518 году исповедник папы Льва X Петр Галатин. Имя «Иегова» использовалось христианами теологами, учеными, литераторами вплоть до середины XIX века, когда Г. Эвальд показал, что его следует читать как YAHWEH. Эта вокализация подтверждается, в частности, передачей тетраграмматона с греческих букв раннехристианскими авторами Епифанием Саламинским (315-403 гг.) и св. Феодоритом Киррским (390-466гг.) как «Iabe». Огласовку первого слога подтверждает и сокращенная форма Имени Бога Yah, встречающаяся в поэтических текстах (например, в Исх. 15:2; Пс. 68[67]:5), окончания -yah и -yah во многих еврейских Теофорных именах (например, Элияху, Ишайаху, Ирмийаху), а также такие греческие транскрипции Имени, как Iauoe, Iauoi [10, p. 65].

До падения Иерусалима и разрушения Первого Храма в 587/586 году до н. э., произношение тетраграмматона, по-видимому, еще происходило. Однако с III века до нашей эры, в силу ограничительной интерпретации третьей заповеди (Исх. 20: 7, Втор. 5: 11: «Не произноси Имени Господа, Бога твоего, напрасно (всуе)»; ср. также Лев. 24:11, 163), а также, вероятно, из благоговения, евреи стали избегать произносить Имя YHWH, говоря вместо него ynda – Адонай, то есть Господь (буквально «мой Господа»), что явствует из Септуагинты, передающей YHWH через слово κυριον – Господь. Когда же в Библии встречалось комбинированное обозначение Адонай – YHWH, то оно читалось как Адонай – Элохим, то есть «Господь Бог». В раннем средневековье, при огласовке консонантного текста Библии масореты, вокализируя тетраграмматон, ставили гласные значки, используемые при огласовке слова Адонай, с одним отличием – под первой буквой йод в Имени YHWH они ставили значок шева (обозначающий ультракраткий звук, близкий к э) вместо значка хатаф-патах (обозначающего ультракраткий звук с оттенком а), стоящего под алефом в слове Адонай. Эта огласовка указывает на то, что вместо YHWH следует читать Адонай (так называемый qeri perpetuum, или постоянное).

Когда же само Имя Адонай предшествует тетраграмматону, то, чтобы избежать повторения этого Имени, масореты снабжали это тайное «Nomen Ineffabile» гласными значками Имени «Мухла» (Элохим), так что в этих случаях вместо YHWH читают «Элохим» (буквально «Бог»).

Имя YHWH, по-видимому, представляет собой форму третьего лица единственного числа имперфекта породы qal глагола hwh (haway) – древняя форма глагола hwh (hayah) «быть» (Исх. 3:14-15). Имперфект глаголов в еврейском языке может использоваться, в частности, как для обозначения будущих действий (= русское будущее время), так и для обозначения действий, начавшихся в прошлом и продолжающихся в настоящем. Таким образом, Имя Господа может быть интерпретировано как «Он был, есть и будет». Согласно книге Исхода (3:14), Сам Господь так истолковывает Свое Имя: «Я есмь Сущий» (или: «Я есмь Тот, Который есмь»; huha gsa huha). В этой самохарактеристике, выражающей конечное основание доступной для человеческого постижения сущности Божества, апофатическая (негативная) теология достигает своего апогея.

Имя, с которым Бог открылся древним евреям, – Yahweh (Яхве) «יהוה» означает «Сущий», имеющий существование, имеющий бытие, оно происходит от глагола hayah – быть, существовать, или скорее от первого лица этого глагола ehyeh – «Я есмь». Греческий вариант «Эго эйми». Однако этот глагол имеет динамический смысл: он означает не просто сам по себе факт существования, но некое всегда актуальное бытие, живое и действенное присутствие. Когда Бог говорит Моисею «Я есмь Сущий» (Исх. 3:14), это означает: Я живу, Я здесь, Я рядом с тобой. Вместе с тем это имя подчеркивает превосходство бытия Божьего над бытием всего существующего: это самостоятельное, первичное, вечное бытие, это полнота бытия, которая есть сверхбытие: «По своему значению Сущий сверхъестественно превосходит всю совокупность бытия, являясь единоличной Причиной и Создателем всего сущего: материи, сущности, существования, бытия; Сущий – начало и мера вечности, причина времени и мера времени для всего существующего и вообще становление всего становящегося. Из Сущего исходят вечность, сущность, сущее, время, становление и становящееся, поскольку в Сущем пребывает все сущее – как изменяющееся, так и неизменное... Бог – не просто Сущий, но Сущий, Которого вечно и беспредельно заключает в Себе совокупность всех форм бытия – как настоящих, так и будущих», – пишет автор трактата «О Божественных именах» [5, с. 45].

Древнее предание говорит о том, что евреи в эпоху после вавилонского плена не произносили имя Яхве – Сущий из благоговейного трепета перед этим именем. Только первосвященник один раз в год, когда

входил для каждения во Святое святых, мог там внутри произнести это имя. Если же простой человек или даже священник в храме хотел сказать что-либо о Боге, он заменял имя Сущий другими именами или говорил «небо». Была и такая традиция: когда требовалось сказать «Бог», человек замолкал и прикладывал руку к сердцу или показывал рукой на небо, и все понимали, что речь идет о Боге, но само священное Имя не произносилось. На письме евреи обозначали Бога священной тетраграммой (YHWH, יהוה).

Во втором параграфе «Септуагинта как достоверный перевод древних Священных текстов» показано, что Еврейские Писания были завершены к концу V века до нашей эры. В течение последующих столетий ученые из евреев – преимущественно соферимы и масореты – делали все возможное, чтобы сохранить подлинность текста Еврейских Писаний. Однако самые ранние библейские книги были написаны еще во времена Моисея и Иисуса Навина, то есть за тысячу лет до соферимов. Материалы, на которых писались те книги, были недолговечными, и, скорее всего, свитки переписывались все снова и снова. Самые древние библейские манускрипты, дошедшие до нас, обнаружены среди рукописей Мертвого моря. Некоторые из них датируются III и II веком до нашей эры.

Изучая древние тексты Священного Писания, мы сталкиваемся с первой попыткой дать огласовку древнееврейскому тексту хранителями преданий и правил – масоретами. В данном пункте мы проведем исторический и богословский анализ труда масоретов в силу того, что сама их огласовка изначально несла в себе сакральный смысл. Масоретский текст (от евр. масора, «передача», «предание») – название древнееврейского оригинала текста Ветхого Завета, который в неискаженном виде передавали из поколения в поколение еврейские ученые-книжники. Масора – это совокупность норм и правил, связанных с записью и произношением названного текста, первоначально передававшихся в устной форме, а впоследствии записанных. Масора создавалась в течение приблизительно тысячи лет. Сначала было зафиксировано правильное (каноническое) написание текста Торы, а затем и других книг. Текст записывался с помощью только 22 согласных букв древнееврейского алфавита. Главным из ученых-книжников среди возвратившихся из вавилонского плена и называемых «старшими масоретами» считается Ездра. До конца III в. по Р.Х. центрами еврейской учености являлись палестинские синагоги. Уже со II в. первенство Палестины в сохранении иудейской религиозной культуры стала оспаривать Вавилония, знаменитая своими учебными заведениями, академиями (иешивами) в городах Суре, Пумпадите, Нагардее и др. Вавилонские иешивы сохраняли свою роль до X в. С VII в. возобновилась

деятельность палестинских центров учения. В VII-IX вв. особую известность приобрела школа раввинов в Тиберии (Твери) [6, с. 131].

Следует различать палестинскую и вавилонскую традиции, причем роль палестинской школы, функционировавшей в Тиберии, оказалась решающей в окончательном завершении Масоры. Главной целью масоретов было не только сохранить правильное произношение текста Ветхого Завета, но и зафиксировать это произношение на письме с точностью до знака.

Первоначально использовались три системы вокализации текстов Ветхого Завета – «Тивериадская», «вавилонская» и «страны Израиля»; первая из них стала в конце концов повсеместно принятой и дожила до наших дней. Знаки вокализации, а также свои примечания масореты помещали на полях текста. В Палестине различали «малую Масору» (пометки на полях сбоку от текста) и «большую Масору» (пометки на верхнем и нижнем краях свитка). Вместе они составляли «сопроводительную Масору», которую, в свою очередь, следует отличать от «заключительной Масоры», помещавшейся в конце каждой книги Ветхого Завета и заключающей в себе сведения о количестве слов, букв и т.д. данной книги. Некоторые списки содержат в конце Ветхого Завета весь масоретский материал в алфавитном порядке. Наиболее авторитетной стала школа масоретов, действовавшая в IX-X вв. Ею руководили представители семейства Бен-Ашер. Если в основу первых двух печатных изданий древнееврейской Библии (конец XV в.) был положен текст масорета Иакова бен-Хайима, то уже третье издание базировалось на тексте масорета Бен-Ашера (так называемая, Санкт-Петербургская рукопись), начиная X в. Со времени открытия рукописей Мертвого моря (III в. до Р.Х. – II в. по Р.Х.) «кумранские свитки» ученые получили возможность познакомиться с большей частью текстов Ветхого Завета в их домасоретских редакциях, причем получило подтверждение древнее происхождение масоретской традиции. Поскольку, тексты кумранской общины, и Масоретский кодекс совпадают. Мы можем лишь подчеркнуть то, в книге пророка Исаяи есть некоторые разночтения между Септуагинтой, и некоторыми древними свитками [2, с. 255].

Существует масса примеров, когда под одним и тем же именем подразумевалась совершенно разная сущность. Господь говорит: «Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с [именем] «Бог Всемогущий», а с именем [Моим] «Господь» не открылся им» (Исх. 6:3). Сам Бог указывает на то, что «Господь» – это не слово обозначающее власть имеющего, конечно же, это не какой не титул Бога, (как учат Свидетели Иеговы), это полноценное имя Бога. Такое же как и другие имена. Итак, Бог, открыл Себя с именем

Господь. Есть ли для нас примеры в древних текстах, когда это имя, но уже к другой сущности было применимо с божеской почестью? Да, было. Имя идола Ваал, хоть и на другом языке, но означало «господь». Мы специально указали в этом случае слово господь с маленькой буквы, поскольку в данном случае к истинному Богу оно отношения не имеет. Не каждый сектант, любящий оперировать единственно «истинным» именем Божиим осмелится признать свою не правоту в этом вопросе. Сначала Имя из двенадцати букв сообщали любому человеку; когда же умножились нескромные люди, стали сообщать его более скромным и воздержанным из священнического рода чтобы им благословляли народ после утренней жертвы. Они быстро и стремительно произносили его, пока их братья священники в этом торжественном благословении ритмично выпевали Имя Тетраграмму.

На еврейский народ была возложена величайшая миссия, а именно: возведение всем народам веры в Единого Бога. Но это еще не все: веру в Единого Бога проповедовали уже греческие мыслители, как Сократ и Платон, хотя и очень искаженно, но уже приближаясь к Евангельским истинам, познание которых от них было закрыто. Это еще раз убеждает нас в том, что для полноты Божественного откровения ало только обладать пытливым умом, и развитой эрудицией, в этом деле еще нужно и вдохновение свыше.

Сущностью еврейского избранничества было выявление Самого Бога на земле, откровение о пути к непосредственному общению с живым Богом в лице Его воплощения Мессии. Все религии мира с разной степенью напряжения и глубины устремляются к Богу, ища доступа к Нему. Жажда найти путь к Нему присуща всем народам: она-то и создала потребность в Спасителе, Который должен придти и преобразить человека, приблизив его к Божеству. Эту веру в Посредника и Искупителя можно наблюдать в неясных чаяниях древних сказаний и обрядов, в греческих мистериях, в учении Зороастра и других мудрецов Востока (из их среды и пришли «три волхва» для поклонения Иисусу Христу, когда он родился в Вифлееме). Самый же факт пришествия Мессии должен был совершиться в среде еврейского народа. Свойственный ему так наз. «священный материализм», способность воплощать духовное начало и одухотворять материю, и был той чертой, в силу которой, по мнению В. Соловьева, Бог благоволил воплотиться именно в среде этого народа. Веками шло приготовление последнего к восприятию Мессии. О Нем пророчествовали священнодействия храма, самое его устройство и все священные предметы (вплоть до первосвященнических одежд), о нем «говорили в законе Моисей и пророки».

Имя Яхве воспринималось как наивысший момент откровения славы Божией и как точка встречи между человеком и Богом. К прочим именам Божиим, упоминаемым в Библии, тоже относились с благоговением, однако воспринимали их прежде всего как толкования имени Яхве, стоявшего в центре богооткровенной религии [7, с. 133]. Внутренняя и безусловная цель Откровения есть священное и страшное Имя Божие в его существе, т. е. в его премирной славе и в неизреченных глубинах его Божественных свойств, а не отсветы и зарницы Имен Божиих. Потеря этого Имени древними евреями после разрушения Иерусалимского храма была Божией карой за неприятие этим ранее богоизбранным народом своего Мессии – Иисуса Христа.

Основным источником, которым обычно пользуются для установления значения имени hwhy, является текст (Исх.3.14). Однако это имя нередко встречается и в книге Бытие, в частности (Быт.4.260), где говорится, что еще во времена Сифа призывали имя hwhy. Этот факт позволяет некоторым богословам считать, что имя Яхве было в употреблении в языческих религиях народов Ближнего Востока и, возможно, даже было заимствовано евреями у них. Все эти теории, а также попытки доказать кенитское, ассирийское, набатийское и другие происхождения hwhy, не достоверны и сомнительны. В самом Ветхом Завете имя Яхве, в противоположность Элохим и Адонай, не употребляется по отношению к другим богам, но предназначено исключительно для Бога Израиля.

Традиционно происхождение тетраграмматона связано с фразой из (Исх. 3. 14): «Я есмь Сущий» – именно так Бог открылся Моисею в ответ на вопрос об имени Божьем. Помимо этимологических трудностей, существует неопределенность в установлении грамматической формы слова. Является ли оно именной или глагольной формой? По внешнему виду имя hwhy представляет собой третье лицо ед. числа настоящего (будущего) времени «Qal» от глагола *chayah* – быть. Однако у этого взгляда есть немало противников, среди них известные американские богословы Кросс и Фридман, которые придерживаются интерпретации, основанной на имперфекте *Hiphil* – евр. глагольной основе, несущей каузативную коннотацию. В соответствии с этой теорией имя будет обозначать: «Тот, который производит бытие» или «Он (кто) вызывает к существованию». Тогда Божественное имя, по всей вероятности, должно быть ранним выражением поклонения Богу как Творцу, Жизнодавцу. Несмотря на привлекательность этого подхода, он едва ли убедителен.

Имена, которые человек нарекал Богу, – Adonay, El Shadday, Elohim, Zebaot, – следует отличать от имени (Yahweh – Яхве) – того единственного

имени, с которым Сам Бог открылся человечеству. Культ этого священного имени занимает в Библии совершенно исключительное место. Книга Исход связывает откровение этого имени с Моисеем, которому Бог явился на горе Хорив, когда Моисей увидел куст, который горел и не сгорал: «И воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я, [Господи]! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте. Итак, пойди, я пошлю тебя к фараону [царю Египетскому]; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых. И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «как Ему имя?» Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам. И сказал еще Бог Моисею: так скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род». Понимание точного смысла этого рассказа крайне затруднено. Дело в том, что употребленное здесь еврейское выражение (ehyeh asher ehyeh), переведенное в Септуагинте как εἶμι εἶμι ὁ ὢν и на славянский как «Я есмь Сущий», буквально означает «Я есмь Тот, Кто Я есмь»: это можно воспринять как формулу, указывающую на нежелание говорящего ответить прямо на вопрос. Иными словами, повествование может быть понято не как откровение Богом Своего личного имени, а как указание на то, что на человеческом языке нет слова, которое было бы «именем» Бога в еврейском понимании – то есть важнейшим всеобъемлющим символом, полностью характеризующим его носителя. Ответ Бога Моисею на вопрос об имени Божиим, таким образом, имеет тот же самый символический смысл, что «отказ» Бога назвать свое имя Иакову [8, р. 65].

Этимология самого священного имени («Яхве»), с которым Бог открывается Моисею, представляет большие затруднения для толкователей и переводчиков. Изначальный смысл этого имени однозначно установить невозможно, и все научные толкования его этимологии – не более чем гипотезы. Даже огласовка составляющих его четырех согласных букв является гипотетической. Дело в том, что после вавилонского плена, во всяком случае, не позднее III века до Р. Х., евреи из благоговения перестали вообще произносить священное имя Яхве, которое стало восприниматься как *poen progrium*, как собственное имя Бога. Лишь однажды, в день Очищения (Yam Kippur), первосвященник входил во святое святых, чтобы там произнести это священное имя. Во всех же прочих случаях его заменяли на (Adonay) или другие имена, а на письме

обозначали четырьмя согласными (YHWH – традиционно называемый «священный тетраграмматон»), которые, однако, не произносили: даже комбинированное обозначение Adonay Yahweh (Господь Яхве) читалось как Adonay Elohim (Господь Бог). В III-V веках память о произношении тетраграмматона сохранялась, – поэтому греческие авторы этого периода транслитерировали тетраграмматон как αωε, αωοά (Климент Александрийский), αή (Ориген) и αβέ (Епифаний Кипрский и Феодорит Кирский), а латинские как uahō (Иероним), – однако впоследствии правильное его произношение окончательно забылось. С XVI века на Западе стали употреблять искусственную вокализацию Yehowah (Иегова), появившуюся в результате добавления к согласным YHWH гласных из имени Adonay, и только в середине XIX века ученые показали, что тетраграмматон следует читать как Yahweh. Хотя такая вокализация имени YHWH считается в современной библеистике общепринятой, сохраняются значительные расхождения между учеными в толковании смысла этого имени [9, р. 765]. Большинство исследователей, тем не менее, сходятся во мнении о том, что это имя связано с глаголом (הוּאָh), означающим «быть», «существовать», «иметь бытие», и что само имя означает «Я есмь», или «Я есмь то, что есмь» (в частности, греческий перевод этого имени – ο ων – указывает в первую очередь на существование: отсюда происходит патристическое понимание смысла имени «Сущий» как указания на то, что Бог – источник бытия всего существующего [4, с. 177]).

Воплотившись на земле Второе Лицо Пресвятой Троицы, Господь наш Иисус Христос исполнил обетование, данное еще в Раю Адаму и Еве. Предсказывая пришествие Господне, пророки Ветхого Завета не редко называли имена, которыми надлежало быть названному Сыну Божию. Кульминация Нового Завета в отношении имени нашего Спасителя и Бога достигнута апостолом Павлом в его послании.

Полным контрастом с Ветхим Заветом является и Евангельское учение о праведности. Если «Закон» устанавливает две правды, две различные морали: одна – для внутренних взаимоотношений среди евреев, другая – для их отношений ко всем другим народам (подробнее об этом см. ниже), то евангельская праведность – едина и требует любви ко всем людям без исключения. Новый Завет дает уже принципиально иное понимание богоизбранности. Богоизбранным является не тот, кто рожден от плоти и крови иудейской, «но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2:28-29). «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5:6). С пришествием Христовым оканчивается избрание внешнее, национальное, прекращает свое

существование вся религия ветхозаветная со всеми жертвами, установлениями и законами, «потому что конец закона – Христос» (Рим. 10:4; см.: Мф. 5:18). С Его явлением «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел... некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Пет. 2:9-10) – это Церковь. Это пребывающие в ней христиане, среди которых “нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все... одно во Христе Иисусе. Если же... Христовы, то... семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3:28-29). Благовестие Нового Завета дает возможность видеть, насколько несовершенным был и сам принцип духовной жизни в ветхозаветной религии, которая вся утверждалась на «рабско-наемнической» психологии человека, на понимании заповедей Божиих как извне данных человеку, как юридического закона.

Выводы. Человек, благодаря Имени Бога, познает Его как Личность и вступает с Ним в отношения. Но в Писании Имя Божье не обозначает Его сущности, но как Он обнаруживает Себя по отношению к творению. Имя Яхве воспринималось как наивысший момент откровения славы Божией и как точка встречи между человеком и Богом. К прочим именам Божиим, упоминаемым в Библии, тоже относились с благоговением, однако воспринимали их прежде всего как толкования имени Яхве, стоявшего в центре богооткровенной религии. Внутренняя и безусловная цель Откровения есть священное и страшное Имя Божие в его существе, т. е. в его премирной славе и в неизреченных глубинах его Божественных свойств. Потеря этого Имени древними евреями после разрушения Иерусалимского храма была Божией карой за неприятие этим ранее богоизбранным народом своего Мессии – Иисуса Христа.

Имена, которые человек нарекал Богу, – Adonay, El Shadday, Elohim, Zebaot, – следует отличать от имени (Yahweh – Яхве) – того единственного имени, с которым Сам Бог открылся человечеству. Культ этого священного имени занимает в Библии совершенно исключительное место. Оно может быть понято не как откровение Богом Своего личного имени, а как указание на то, что на человеческом языке нет слова, которое было бы «именем» Бога в еврейском понимании – то есть неким всеобъемлющим символом, полностью характеризующим его носителя.

Литература

1. Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Новая Европа. – 1995. № 7. С. 66-78
2. Алексеев А.А. Септуагинта и ее литературное окружение // Богословские труды. Вып. 41. 2007. С. 234-256.

3. Архиепископ Феофан (Быстров). Тетраграмма или Божественное Ветхозаветное Имя יהוה. Киев: Пролог, 2004. 356 с.

4. Десницкий А.А. Септуагинта как художественный перевод // Библия: литературоведческие и лингвистические исследования. 1999. Вып. 3. С. 157-186.

5. св. Дионисий Ареопagit. Божественные имена // Мистическое богословие. – К.: Путь к истине, 1991. С. 13-93.

6. Имена Божии // Еврейская энциклопедия. – М.: Терра, 1991. Т.8. С. 129-148.

7. прот. Свиридов И.К богословию имени // Путь православия. – 1993. № 1. С. 123-134.

8. Archer L.G. A Survey of Old Testament Introduction. Chicago: Moody Press, 1994. 362 p.

9. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Wide Margin Edition. Peabody, MA: Hendrickson Publishers, 2007, LXXII + 1574 pp.

10. Gertoux G. The Name of God Y.eH.oW.aH Which is Pronounced as it is Written I_Eh_oU_Ah. New York 2002 Ed. University Press of America, 292 p.

Voronkin S.V. THE ANCIENT TETRAGRAMMATON JHVH AS A THEOLOGY PROBLEM

The article is a theological research of sacred Names of God in a wide historical context. Kinds of Names of God interpretations of meaning of sacred tetragrammaton JHVH are defined. Basic directions of Names of God contemporary interpretations development are described; possibilities and perspectives of Orthodox interpretation of sacred Name are defined here. It appears to be, first of all, as one of the most important in patristic tradition. The paper gives analysis of Holy Trinity theology dimension of the concept of sacred Names that makes it possible to discover hidden dimensions of God existence and cultural forms of Christian religion. Made a convincing conclusion that the main merit of sacred Names in the canonical Orthodox doctrine consists in its saving power.

Key words: *Names of God, tetragrammaton, JHVH, masoretic.*

Воронкин Сергей Викторович – доктор богословия, протоиерей храма св. Иоанна Златоуста (г. Луганск). Старший преподаватель кафедры мировой философии и теологии Луганского университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Ильченко В.И.

СВЯТОСТЬ ХРИСТОЦЕНТРИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Освящайте себя и будьте святы,
ибо Я Господь, Бог ваш, свят.*

Лев. 20:7

Христоцентризм – привнесенное христианством понимание Иисуса Христа как Основания для правильного познания Бога, человека и всего мироздания, учение об Иисусе Христе как «мере всего в мире».

арх. Софроний Сахаров

В статье рассматриваются пути и возможности построения системы безопасности современного социума, выстроенной на базе использования базовых культурных и вероисповедательных ценностей, присущих и исповедуемых нашим народом на протяжении уже более тысячи лет. Проблема состоит в том, что современный социум и адекватная ему система образования, еще не осознали идею о том, что гармоническую и совершенную личность можно сформировать исключительно только в пространстве Христоцентризма через воцерковление человека.

***Ключевые слова:** целостный человек в единстве внутреннего и внешнего, Христоцентризм, обожение, благодать.*

Для обеспечения надежной, адекватной и эффективной социальной безопасности, необходимо выявить содержание, уровень и потенциал тех опасностей, вероятность реализации которых угрожает современному социуму. Учитывая, что проблема безопасности предельно многомерна, ограничим наше исследование сферой духовной безопасности. Ибо, зная архитеконику сотворенного человека в виде совокупности **тела – души – духа**, убеждены (К.Гёдель), что самым действенным в этой троице является дух. Дух же бывает оживотворяющим и спасительным, если он от Христа, и разрушающе-убивающим, если он от антихриста и дьявола (1Иоан.4:1-4).

Он, этот дух разрушения и гибели, давно уже в мире и он целенаправленно и с дьявольским усердием творит свое зло греховное дело.

В сфере духовной опасности, угрожающей нашему социуму, можно выделить опасностью внешние и внутренние. Запад на протяжении столетий Русь православную все время пытался окатоличить силовым путем под лозунгом: «или католическая вера, или тевтонский меч!». Но кто подымал на нас тевтонский меч или турецкий ятаган из дамасской стали, тот погибал от меча булатного, который поражал врагов руками воинов, в сердцах которых светилась непобедимая вера православная. Славные победы русского православного воинства прославлены во все века и во всем мире. Для поднятия духа русского воинства, неопределимую роль сыграли полковые и военные священники. Эта тенденция проявилась и боевых действиях при защите Донбасса, начиная с 2014 года.

Но страшнее всего угрозы внутренние, возникающие от неисполнения Божиих заповедей, от атеизма и богоборчества; от революций, обещающих создать рай на земле; от образования, построенного и функционирующего по кальке секулярной методологии, построенной сугубо на основе материалистической диалектики. Отрицательных уроков по этому поводу в истории человечества можно извлечь огромное количество. Зло творилось и приумножалось. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт.6:5-8). И истреблял Господь, и наказывал народы (всемирный потоп, Садом и Гоморра, Вавилонское столпотворение, пленения еврейского народа и его рассеяние по миру и др.). Спустя времена, вочеловечившийся Иисус Христос увещевает народы, указывая на спасительный фундаментальный камень для любого строительства, в том числе и социально-государственного: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Матф.7:24-29). Значит, строительство на камне Господнем – всегда абсолютная безопасность. Вот вектор, методология, концепция и идея спасения, а также пресечение любых

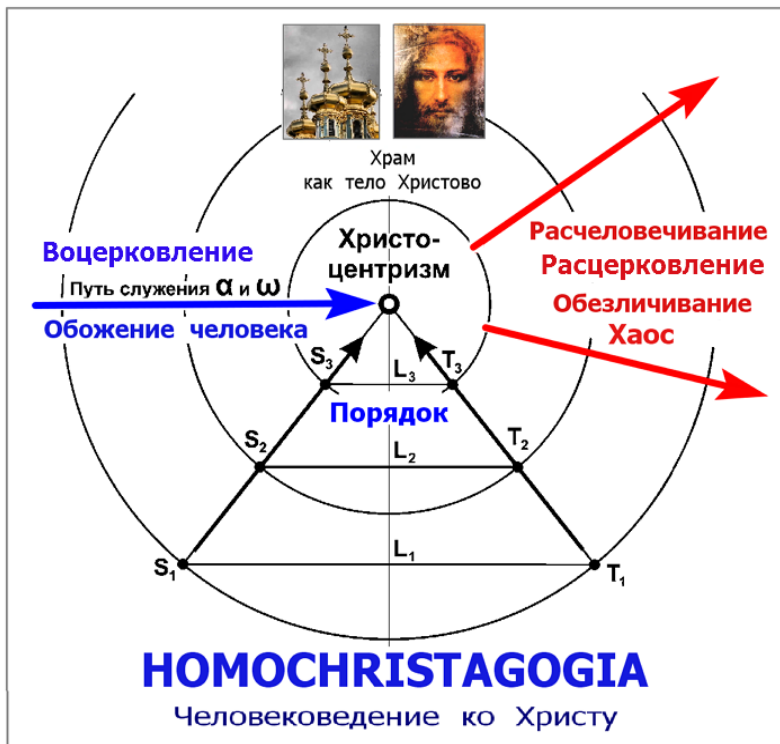
вызовов и опасностей. Но, к великому сожалению, во все времена и почти все народы созидают на песке, презрев Божественный Камень, устрояющий и мир временный (дольный), и мир вечный (Горний). А камень этот спастительный – Христос.

Любая опасность прорастает и концентрируется из фундаментальных оснований зла, греха, ненависти, гордыни и других составляющих inferнального. Откуда же берутся и вбрасываются в мир неиссякаемым потоком эти зловещие дары «ящика Пандоры»? И почему на дне этого захлопнувшегося ящика осталась только «НАДЕЖДА»? Неужели «НАДЕЖДЕ» не суждено вырваться из этого плена и осуществиться? Суждено! Ведь «НАДЕЖДА» сакральным образом связана с «ВЕРОЙ», «ЛЮБОВЬЮ» и «МУДРОСТЬЮ-СОФИЕЙ», а в своей неразрывной целостности – они освящены немеркнущим ликом Иисуса Христа.

Источником всех нестроений, кризисов и войн является падший человек, водимый дьяволом (Стивен Манн: теории «усиления эксплуатации критичности» и «создания управляемого хаоса», цветные революции, арабская весна и т.д.). Евангелист Матфей прямо говорит об этом: «исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления...» (Матф.15:18,19). Весь этот inferнальный хаосуужас, истекающий из сердец человеческих, насыщает своим потенциалом, в той или иной степени концентрации, каждый социум во всем мире, потому всякий человек – ложь (Пс.115:2). А это значит, что происходит нескончаемая война всех против всех. Бушует, все разрастающаяся оргия «пира во время чумы» в планетарном масштабе. Мир не просто лежит во зле (1Иоан.5:19), а он с мазохистским упорством погружается в его inferнальные глубины. В этом погружении человек все более и более расчеловечивается и осатаняется, превращаясь в духовного уродца, подонка, горделивого эгоиста, до беспредела оскотинившегося (якоже бо свинья лежит в калу, тако и аз греху служу) – т.е. во внешнего, душевного человека, который не понимает и не воспринимает всего высокого, святого и духовного (1Кор.2:14,15). А истоки и причины этой духовной чумы связаны, как уже отмечалось выше, с грехопадением наших прародителей, которое четко и последовательно прописано в Библии. Нам Богом, от времён сотворения, дана «дорожная карта» спасения, которую нужно не только внимательно изучать, но и целенаправленно, с полным напряжением всех сил, действовать в её логике, исполняя предписанное.

Логика спасения проста. Спасение, излечение человека из архитектурной греха – это исполнение человеком той грандиозной задачи,

которую ему определил Господь: созидание своей личности в процессе движении от Образа к Подобию Божию (обожение, теозис). Необходимо восстановить утраченный, по вине человека, союз с Богом (Re-ligare). Ибо мятущаяся страстями и грехом душа, только после покаяния, может успокоиться во Господе.

Эффективность процесса движения к Подобию определяется не только целеустремленностью самого человека, но и от дарованной нам благодати самого Бога. Подобное, при возрастании духовного потенциала Духа Святого в человеке, все более и более притягивается к Абсолютному Подобному, вводя человека в непорочное пространство Христоцентризма. А это уже метафизическое и трансцендентное пространство святости. Доступ к нему, повторимся, возможен только через воцерковление (вхождение в Церковь как тело Христово), молитвенный подвиг, исполнение заповедей Божиих, покаяние, исповедь, Литургийное действо и

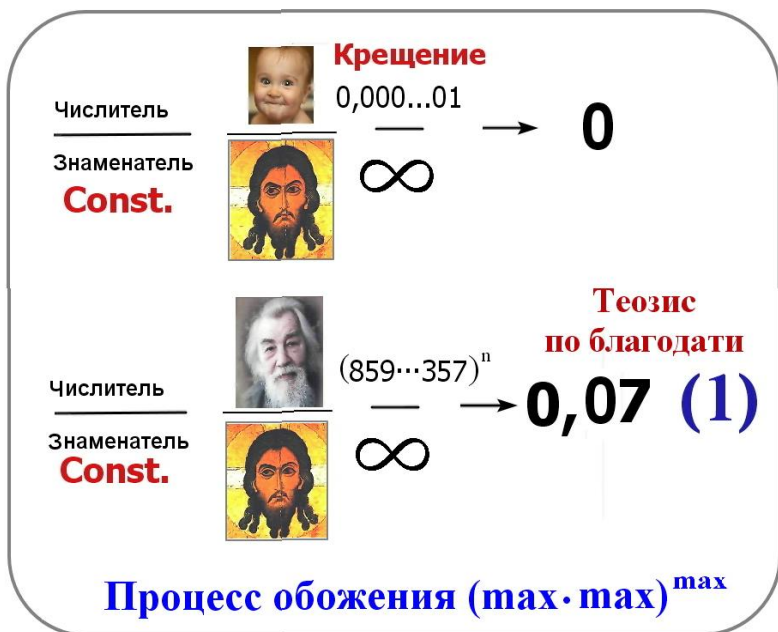

Евхаристию. Вхождение в Святую Троицу может быть только через Иисуса Христа, сказавшего «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Иоан.10:9). Потому войти в эту дверь может только человек духовный, внутренний, все время обновляющийся (2Кор.4:16). Изложенное позволяет констатировать диалектическую, парадоксальную ситуацию, в которой находится целостный человек, внутри которого бытийствуют двое: внутренний и внешний. Векторы их духовного движения противоположны. Внешний человек устремляет свое движение по траектории расчеловечивания, обезличивания и хаоса, удаляясь от Бога (обезбоживание, обезличивание), превращаясь в «живой труп» (предложенная схема построена автором на основании идеи преп. Аввы Дорофея). А.Мень указывал по этому поводу, что если человек с усердием не ищет Бога, то его, рано или поздно, находит дьявол и, заключив в свои объятия, венчает смертельным поцелуем. Но в этом движении к дьяволу внешнему человеку мешает внутренний, у которого «вопиет» совесть, которая подаёт внешнему человеку сигналы SOS о спасении души. Потому-то задача внешнего, падшего человека, водимого дьяволом, состоит именно в том, чтобы избавиться от внутреннего, совестливого и стыдливого, отключить его от благодати Духа Святаго, отправив в метафизический обморок (внешний человек просто не имеет того божественного духовного органа, который бы смог ему подсказать, что именно во внутреннем, духовном человеке – его спасение, ибо у внешнего – «вместо сердца – пламенный мотор»).

В этом плане, все бытие атеистического, а далее либерально-информационного социума, активно помогает внешнему человеку в этом отключении через: организацию богоборческого образа жизни, секуляризованного образования, лживых, продажных и двуликих СМИ, всемирную паутину Интернет, политику глобализации-вестернизации, «окна Овертона» и др. Всё это стимулирует целостного человека, при доминанте внешнего, не просто самотёком плыть, спускаясь по течению жизни в пучины inferнального, а с усердием грести к своему гибельному концу.

А что же наш внутренний человек? А внутренний – жаждет общения с Богом и не может успокоиться, пока не осуществит это молитвенное общение и не услышит от Него благую весть (со-весть). Подобное тяготее к подобному. Еще Тертуллиан утверждал, что душа человеческая по природе своей христианка. Вот она и устремляет Духом (душею души) человека с любовью ко Христу. Потому энергией, которой осуществляется это движение, есть любовь, которую заповедал Господь наш, Иисус Христос, в двух заповедях. Только тогда человеку будет понят сакральный

путь обожения (дорог расчеловечивания много, а путь к Богу один: $\acute{a}$ и ω – путь служения и путь преобразования – метанойи). Для каждого человека этот путь четко определен (например, на схеме: S1, S2, S3, и T1, T2, T3). Но в духовном пространстве это не просто путь в пространстве земной жизни человека в мире дольнем. Это не просто уготовленная лестница Якова, это ступени, которые нужно с неослабевающим усердием рубить, поднимаясь (продираясь) по предельно узкой тропе в мир Горний, Царство Небесное. Вот с каким трудом внутренний тащит сопротивляющегося внешнего в это Царство Вечности.

В древние времена утверждалось, что все пути ведут в Рим, а для внутренних человек, все пути ведут ко Христу, в святое пространство Христоцентризма. Именно на этом пути человек обоживается, вкушает из чаши (потира) Тело и Кровь Христовы (Святые дары), приобретает статус ЛИЧНОСТИ, стяжает Подобие Иисуса Христа по благодати. Понимание ЛИЧНОСТИ (модель которой так и не разработана ни в философии, ни в психологии) можно представить посредством математической дроби, которую предложил Л.Толстой, указывая, что человек подобен дроби,

числитель есть то, что человек есть, а знаменатель – то, что он о себе думает.

Эту формулу можно развернуть и усилить, если определить содержанием знаменателя то предельное значение ЛИЧНОСТИ, которое исходно было присуще Иисусу Христу еще в недрах Святой Троицы до творения мира и человека. Ведь тот Образ, а значит и предельное значение Подобия, к которому стремится человек в своих думах и мыслях, как раз и есть Христос. На это указывал еще Ф.М.Достоевский: «Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит, как в свою правду, в чем он ее полагает, как ее себе представляет, что ставит лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа Христос» (это и есть та незыблемая и ∞ Const., которая заявлена на представленной схеме). Но если такое представление было предельно ясно и понятно для человека XIX столетия, то сегодня, в XXI столетии, содержание этой формулы нужно возрождать заново ибо безжалостно-богоборческий XX век, практически полностью ампутировал её онтологическую сущность.

Таким образом, смысл и значение знаменателя ясно и актуально, это незыблемая константа и абсолютно-непререкаемый аргумент в трансцендентно-метафизическом пространстве. А вот числитель – функционален и призван к постоянному духовному приращению самого человека от $\min$ – $\minimogum$ в детстве и до возможного $\max$ – $\maximogum$ в зрелости. Интенсификация духовного роста числителя, в конечном итоге, должна дорасти до такого состояния, чтобы содержательный результат отношения к знаменателю тяготел к единице (1). Это и будет устремление к обожению, устремление к Подобию Христа. Чем большее количество людей будет к этому стремиться, тем тенденция к богоуподоблению будет возрастать. И потому расстояние между воцерковляющимися людьми становится все меньше (L1, L2, L3), они всё ближе и ближе друг к другу, ибо сказал Христос: возлюби другого, как самого себя. И если в социуме таких воцерковленных (целостных человек при доминанте внутреннего) людей обретается достаточное количество (духовно-критическая масса соборности), то их совокупность становится народом по благодати. Недаром (было время), когда о нашей земле говорили – РУСЬ СВЯТАЯ, а РУССКИЙ – значит – ПРАВОСЛАВНЫЙ! Такой народ – НЕПОБЕДИМ, ибо его личностным идеалом является Иисус Христос (Ф.М.Достоевский, К.Д.Ушинский, С.С.Гогоцкий и др.)! И вся наша история, начиная с 988 года (Крещение Киевской Руси в Днепровской купели), незыблемо утверждает этот победоносный факт.

Проблема. Внешняя угроза, опасность и агрессия со стороны взаимопротивостоящих социумов (цивилизаций) порождается как внутренней духовной болезнью отдельного человека, так и сообществом людей (народа), при доминанте огреховленного, расчеловеченого внешнего человека.

Гипотеза. Если в социуме (семья – система образования – общественные организации – культура – Церковь) создать на государственном уровне (де-факто и де-юре) прецедент реального осуществления духовно-нравственного воспитания и развития освящающейся христоцентрической личности и воцерковляющегося народа (доминанта внутреннего человека), то уровень противостояния, опасности и агрессии как внутри сообщества, так и в пространстве внешнего мира, должен существенно снизиться (устойчивое возрастание социальной безопасности).

Задачи, возможности и средства реализации. Для реализации выдвинутой гипотезы необходимо:

- Разработать концепцию духовно-нравственного воспитания освященной христоцентрической личности и воцерковляющегося народа в системе богословских, философских и психолого-педагогических представлений. Теоретическим ядром данной концепции может стать содержательный аспект докторской диссертации В.Д.Исаева «Антропос цивилизации и теос культуры»;
- Концепция должна быть утверждена в статусе государственного документа, как основы государственной образовательной политики;
- Практическое использование в образовательном десекуляризованном пространстве «Сакральной педагогики святости» по воспитанию внутреннего человека, восходящего в своем становлении от Образа к Подобию Божию (Homo Christagogia – человековедение ко Христу);
- Переориентировать систему образования с традиционно предметноцентрической, информационно-знаниевой, мнемоническо-компетентностной парадигмы на уровень парадигмы личностного формирования в пространстве Христоцентризма. Социальный заказ во исполнение новой парадигмы должен быть обращен к педагогическим Вузам на подготовку соответствующего кадрового корпуса (в том числе специалистов по богословию, религиоведению, философии и этике), способного решать поставленные задачи: кем учить и воспитывать тех, кто будет в будущем воспитывать и учить детей и юношество в школах и Вузах;

-
- Воспитатели детских садов, учителя школ и преподаватели всех образовательных структур высшей школы должны быть объединены неким сакральным документом, для решения этой глобальной задачи не только в ЛНР, в пространстве Русского мира, но и в планетарном масштабе. Таким документом является «Клятва учителя», разработанная автором в соавторстве еще в 1999 году. Данную Клятву приняли несколько тысяч выпускников Педагогического университета им. Т.Шевченко г. Луганска. Клятва написана на русском, английском, немецком, испанском и французском языках, что поможет объединить учительство всего земного шара, для духовно-нравственного воспитания всего человечества на основе ценностей мира, добра и взаимопонимания.
  - Реализация основных педагогических задач, решение которых в системе образования, позволит обеспечить не только повышение уровня социальной безопасности, но и:
    - вырабатывать представления о смысле жизни, как о сверхзадаче личностного бытия в мире дольнем до инобытия в мире Горнем (от временного через смерть к вечному);
    - формировать знание целостной картины мира (научно-религиозной, временно-вечной, физическо-метафизической, материально-духовной);
    - создавать условия для самосозидания индивидуального системного мировоззрения (научно – философско – религиозно – культурологического);
    - для эффективной реализации вышеобозначенных задач, школа и Вуз в процессе изучения конкретных учебных предметов и дисциплин должны помочь выработать у школьников и студентов: системно-диалектическое, логико-вариативное, вероятностно-прогностическое, трансцендентно-метафизическое (знаково-символическое) мышление.
    - ориентировать все учебные предметы на реализацию не только на дидактических, но и воспитательных целей.

Выводы. Для обеспечения социальной безопасности одним из основополагающих направлений является интенсивная, оптимальная и эффективная работа в духовной сфере, посредством воспитания внутреннего человека в процессе формирования личности в многомерном пространстве сопряжения теоцентризма – христоцентризма и кордоцентризма, сакральная ось которого устремлена в пространство святости. И здесь основная нагрузка ложится на семью и систему образования, которые должны находиться в доминантных синергичных отношениях с Церковью. Процесс этот не скоротечен (вспомним, что Моисей созидал свой народ в экстремальных условиях сорокалетнего

педагогического действия в пустыне), он должен непрерывно, с сакральным напряжением, продолжаться до скончания века, духовно связывая приходящие и ушедшие поколения. В решении данной проблемы пророческим и вечным остается призыв преп. Серафима Саровского: «Стяжайте Дух Святый и тысячи вокруг вас спасутся». Только упорным и непоколебимым стяжанием Святаго Духа преодолеваются все вызовы, угрозы и опасности мира дольнего.

Возможные риски. Чтобы данное содержание статьи не превратилось в прожект, иллюзию или утопию, необходимо использовать деятельностный подход и оценочный критерий, давно известный и эффективно работающий: практика – критерий истины. Нужно незамедлительно запускать педагогическую практику по подготовке педагогических кадров нового поколения, для реализации поставленной задачи. Да, сегодня осуществляются некоторые исходные минимизированные точки роста по апробации духовно-нравственного воспитания (экспериментальная работа в Луганских школах № 27 и № 30, Свердловской гимназии № 2, Научно исследовательская лаборатория «Духовное воспитание и образование в ЛНР» (НИЛ ДВОЛНР) и кафедра «Мировой философии и теологии» в Луганском национальном университете им. В.Даля, Центр Нестора Летописца в Луганском государственном университете им. Т.Шевченко). Но эти точки роста не объединены единым концептуальным смыслом и сверхзадачей. Над разноуровневыми экспериментами не осуществляется системный контроль. А сложение разнонаправленных векторов в итоге может дать минимальный результат. На что же нам, ученым и исследователям, можно опереться в движении к намеченной цели? Опереться можно на святые и немеркнущие слова Гимна ЛНР, особенно на конечный смысл его припева: «Луганская Народная Республика свободная! /С нами сила земли, /С нами воля людей, /С нами Бог!». А если Бог с нами и за нас, как утверждает в своей Новозаветной мысли ап. Павел, то кто против нас? Но самое главное, чтобы эта уверенность в том, что Бог с нами и за нас было объективной реальностью.

Литература

1. Исаев В.Д. Антропос цивілізації та теос культури // Автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. д-ра филос. наук: (09.00.04) / Луганськ, 2012. – 35 с.
2. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры /В.Д.Исаев // Лугань. Сборник научных трудов, посвященный 200-летию города Луганска. Юбилейное издание. – Луганск, Изд-во АО "ЛКТ-Электронике", 1995. – С. 92-108
3. Ильченко В.И. Духовно-нравственные основы возрождения системы образования в ЛНР / В.И.Ильченко // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных

трудов Луганского государственного университета им. В.Даля. Выпуск № 1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В.Даля, 2016. – С. 134-145 с.

4. Ильченко В.И. Смерть как переход внутреннего человека из бытия в инобытие в архитектонике сакрального и святого / В.И.Ильченко // Філософська та релігійна антропология: Збірник наукових праць СНУ ім. В.Даля. Випуск №1. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2012. – С.39-56

5. Ильченко В. И. Личностный идеал как императив осуществления духовно-нравственного воспитания человека и народа в пространстве культуры Русского Мира (методология тео, христо и кордоцентризма) / В.И.Ильченко // в сб.: «НЕСТОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: НОВАЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ» Материалы I-х Международных научно-образовательных чтений, посвященных дню памяти преподобного Нестора Летописца 9-10 ноября 2015 года, Луганск – 2015. – С. 20-27

6. Ильченко В.И., Шелото В.М. Духовная культура в пространстве сакрального / В.И.Ильченко, В.М.Шелото: Монография. – СПб: Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. – с. 432-594

7. Ильченко В. И. Смена образовательной парадигмы Донбасса (созидание целостной личности средствами сакральной педагогики) / В.И.Ильченко // Філософська та релігійна антропология: Збірник наукових праць СНУ ім. В.Даля. Випуск № 3-4. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2014. – С.241-254.

8. Ильченко В.И. Сакральная педагогика сердца Памфила Юркевича (Хрестоматия научно-христианской педагогики) / В.И.Ильченко Научное издание. – Луганск: ОАО "ЛОТ", 2000. – 400 с.

9. Ильченко В.И. Сакральная педагогика: воспитание совершенного человека / В.И. Ильченко // Філософські дослідження. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. – Випуск № 8. – Луганськ, 2007. – С. 56-68.

10. Ильченко В.И. Феномен внутреннего человека в архитектонике Христоцентризма / В.И. Ильченко // Філософські проблеми людини // Матеріали науково-практичної конференції. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2011. – С. 208-212.

11. Ильченко В.И. Сакральная педагогика в духовном пространстве культуры восточных славян. / В.И. Ильченко // Релігія. Особистість. Громадянське суспільство. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. – Луганськ, 2003. – С.24-30.

12. Ильченко В.И., Синельникова Л.Н. Нужно ли современному учителю подтверждать под присягой высокий смысл своей профессии. Он ведь не врач... / В.И.Ильченко, Л.Н.Синельникова // Экспресс-клуб, 24 июня, 1999 г., № 25, С. 3

13. Костюк Н.Я – Вчитель! Благородне, світлоносне і святе мое заняття! (Клятва Вчителя) / Н.Я. Костюк // Український форум. Газета світового Українства. 8 – 15 січня, 2001 р., С. 5

14. Драгнев Ю.В. Православная педагогика физической культуры в информационном обществе (на основе православной святоотеческой традиции) / Ю.В.Драгнев. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В.Даля, 2017. – 801 с.

15. Тишкина С. Здоровые всходы духовно-нравственного воспитания / С.Тишкина // XXI век, № 53 от 13.03.17.

Pichenko V.I. THE HOLINESS OF THE CHRISTOCENTRIC PERSON AS THE IMPERATIVE OF SOCIAL SECURITY

The article examines the ways and possibilities for building a security system for a modern society built on the basis of using the basic cultural and belief values inherent and professed by our people for over a thousand years. The problem is that the modern society and its adequate education system have not yet realized the idea that a harmonious and perfect personality can be formed exclusively only in the space of Christocentrism through the churching of a person.

Key words: integral man in the unity of the internal and external, Christocentrism, deification, grace.

Ильченко Валерий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 235.3

Евстратов С.М.

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ
ОФИЦЕРОВ НА ВОЕННОЙ КАФЕДРЕ УНИВЕРСИТЕТА
КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА**

Решение задач по организации духовно-нравственного воспитания молодежи обуславливает необходимость объединения усилий представителей различных институтов. В статье анализируются типичные проблемы методика духовно-нравственного воспитания студентов на военной кафедре университета.

Ключевые слова: культура, духовность, нравственность, воспитание, педагогика, студент, воин, преподаватель.

Выступая на всемирном Православном соборе в Москве в 2016 году патриарх Кирилл в своем докладе сказал: «Самым острым конфликтом современности является не столкновение цивилизаций, не борьба религий и

национальных культур между собой, как нередко хотят представить сильные мира сего, и даже не противостояние Востока и Запада, Севера и Юга, а столкновение транснационального, радикального, секулярного, глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и со всеми локальными цивилизациями. И эта борьба проходит не только по границам, разделяющим государства и регионы, но и внутри стран и народов, – это происходит и внутри нашей страны. И здесь происходит столкновение двух миров, двух взглядов на человека и на будущее человеческой цивилизации. Происходящий на наших глазах подрыв нравственной основы человеческого бытия, грозит расчеловечением мира. Не случайно футурологи все чаще поднимают тему постчеловека, а трансгуманизм – учение о скором преодолении человеческой природы и появлении нового класса разумных существ – становится все более популярным». Альтернатива этому – укрепление государственности и единение русского народа на духовно-нравственной основе.

2016 год в Луганской Народной Республике был объявлен годом духовно-нравственного воспитания молодежи. Подготовка молодежи к будущей профессии на духовно-нравственных основах – это своеобразная инвестиция общества в будущее, это залог его духовного развития и процветания. Что же такое духовно-нравственная культура? Обращаясь к словарю С.И. Ожегова, мы находим, что духовность определяется как свойство души состоящее в преобладании духовных, моральных и интеллектуальных интересов над материальными. Нравственность определяется как этические нормы, правила поведения, которыми руководствуется человек в жизни согласно сформированным духовным качествам. В педагогическом словаре нравственность определяется как «форма общественного сознания», которая ориентируется на общечеловеческие ценности и направленные на созидание общества в целом и раскрытие человека в отдельности. Обратимся за разъяснением, что такое духовно-нравственная культура к нашему знаменитому земляку В.И. Далю. Культура – это возделывание земли, в отношении к человеку – это воспитание, образование, развитие, умное и нравственное. Почему же человек здесь сравнивается с землей? Обратимся к библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою». Согласно учениям философов, святителей, ученых таких как авва Дорофей, Иоанн Златоуст, Тихон Задонский, Феофан Затворник, доктор медицинских наук архиепископ Лука, доктор физико-математических наук Виктор Вейник – человек состоит из внутреннего (душа и дух) и внешнего (тело). Внешний человек временный, внутренний человек вечен. Есть культура и для внешнего человека – это

физическая культура, культура питания и здоровья и т. д. Но нас интересует духовно-нравственная культура, а она относится к внутреннему человеку. Обратимся опять к словарю В.И. Даля. Дух – все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, высшая искра Божества, стремление к небесному. Нрав (нравственность) – одно из двух основных свойств человека: ум и нрав слитно образуют Дух; ко нраву относятся, как понятию подчинения: воля, любовь, милосердие, страсти и пр., а к уму: разум, рассудок, память и пр. Согласно союз нрав и ума, сердца и думки, образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку. Человек должен добиваться единства путем: убеждения, обузданием страстей, сознанием долга и т.д. К умственному относится умение различать истину и ложь, к нравственному умение различать добро и зло. Христианская православная вера заключает в себе правила самой высокой нравственности, где судьей сам Бог и совесть человека. Так говорит русский ученый и писатель Владимир Даль. Но раз сам Бог судит человека и дает ему правила духовной нравственности, то следующий вопрос, какие это правила? Эти правила духовно – нравственной культуры Бог дал сначала через пророка Моисея еврейскому народу в десяти заповедях. А затем всем людям через Сына Своего Иисуса Христа в Новом Завете. Вот эти заповеди: первая – возлюби Господа Бога своего всем сердцем, всей душой своей, всем разумением своим, всей крепостью своею. Вторая – возлюби ближнего своего, как самого себя и желай ему то, что ты желаешь себе. Любить Бога – это познавать Его, благодарить Его, выполнять заповеди Его. Любить ближнего – это накормить голодного, напоить жаждущего, помочь больному, не гневаться, не раздражаться на ближнего и т.д. Любовь это понятие в христианстве – жертвенное, это отдавать себя и свое. Знание и выполнение закона Божия – вот что такое духовно-нравственная культура человека. Все остальные культуры, а это эстетика, этика, живопись, музыка и другие, те которые совершенствуют, а не разрушают душу человека, имеют основой духовно нравственную культуру. Высшая задача педагогики состоит в том, чтобы дать человеку фундамент в виде знаний и нравственных ориентиров для свободного открытия образа Христа в своем реальном жизненном опыте. В функции педагогики входит воспитание и образование, а значит и в обязанности педагога, преподавателя входит обязанность не только образовывать, но и воспитывать студента. Духовно-нравственная культура – это плод воспитания. Выступая в Москве на конференции «Духовно-нравственная культура в высшей школе», игумен Киприан назвал симфонией мировоззренческих парадигм единство целей профессорско-преподавательского коллектива, администрации вуза и духовенства

университетского храма в воспитании здоровой в духовно-нравственном отношении личности студента. Митрополит Луганский и Алчевский Митрофан, выступая с проповедью в храме «Святого благоверного князя Александра Невского» определил статус храма как университетский, а работу, как священников храма так и преподавателей вуза – миссионерской. Преподаватель должен нести студентам не только профессиональные, специальные знания, но и знания духовные. Ведь, в конечном счете, преподаватель несет долю ответственности за то, каким человеком, какой личностью стал его студент. Один из краеугольных камней личностных качеств преподавателя – глубокая и искренняя вера в Бога, воцерквленность, определенный духовный опыт. Интересен в этом отношении опыт преподавателей кафедры военной подготовки в Луганском университете им. Даля. В 2015 году кафедра приняла на обучение 250 человек студентов 4-5 курсов. Задача – подготовить из них офицеров запаса, которые в любой момент могут стать действующими офицерами и стать на защиту своей Родины, своего народа. Офицер – это специалист, командир и воспитатель своих подчиненных, ему просто необходимо обладать духовно-нравственной культурой. Ведь ему идти в бой, вести за собой солдат, возможно придется жертвовать даже жизнью и своей и подчиненных. Современный воин – это система: человек плюс вооружение. Вооружение мощное, технически сложное. Это спутники, ракеты, самолеты, танки, корабли и т. д. Но главный в этой системе – это человек. Он принимает решение и приводит его в исполнение. Генерал-фельдмаршал обеих империй, Германской и Российской фон Мольтке говорил: «Одно знание, однако, не доводит еще человека до той высоты, когда он готов пожертвовать жизнью ради идеи, во имя выполнения своего долга, чести и Родины; эта цель достигается его воспитанием». Так какое же это должно быть воспитание? Патриотическое? Да. Военно-патриотическое? Да. Но и в патриотическом и в военно-патриотическом воспитании есть ключевые слова: любить свою Родину и свой народ, и готовность при их защите отдать свою жизнь. Жертвенная любовь. А это уже критерии духовно-нравственной культуры. То есть в основе патриотического и военно-патриотического воспитания лежит духовно-нравственное воспитание, Заповеди Божьи: нет большей любви, чем отдать жизнь свою за други своя. Кстати, эта заповедь Божья была девизом наших предков донских казаков, которые по признанию Наполеона, были лучшей легкой кавалерией в мире. Вспомним евангельскую притчу о строительстве домов. Один дом был построен на песке, и пошли дожди, и подмыли дом, и рухнул он. Второй дом был построен на каменном фундаменте, и пошел дождь, и устоял дом. Камень который удержал дом – Русь Святую, это

Христианская Православная Вера. Не зря ее выбрал равноапостольный великий князь Владимир и наши предки основой, фундаментом русского государства, Святой Руси. На Руси, воин – это святой воин, готовый принести в жертву свою жизнь за русский народ, за Родину. А идеалом у русского воина был богочеловек Иисус Христос, который добровольно отдал жизнь свою за грехи человеческие, за людей. Посмотрите сколько святых воинов было на Руси; святой благоверный князь Александр Невский, святой воин Илья Муромец, святой благоверный князь Дмитрий Донской, святой воин-богатырь схимонах Александр Пересвет, святой адмирал Федор Ушаков и другие. Непобедимый генералиссимус Суворов, принимая новое подразделение, первым делом строил в нем за свои деньги храм. И каждое утро в его войсках начиналось с молебна, чтобы укрепить дух солдата, а потом обед и учения, либо сражение. Девиз Суворова был: «Мы русские, с нами Бог! А если Бог с нами, кто против нас?» Но не только древние времена богаты героями. В Отечественную войну Луганская область дала около 500 Героев Советского Союза. А Афганистан, Чечня. Вспомним святого русского солдата Евгения Родионова, который в наше время стал мучеником за Россию, за Веру Православную. Вспомним наш Донбасс 2014 год, «Русскую весну», когда русский народ поднялся против украинского фашизма под лозунгом «За Русь святую! За Веру Православную! Вчерашние шахтеры и сталевары взяли в руки оружие, чтобы защищать свое право на родной русский язык и веру православную. По городам Донбасса прошли крестные ходы с иконами Богородицы. Университетский храм «благоверного великого князя Александра Невского» свои службы не прерывал даже под обстрелами, только перешли с верхнего храма в нижний, в верхнем храме взрывной волной от мин разбились окна, повредилась штукатурка стен, но храм устоял и люди устояли. Священники храма совместно с епархией и прихожанами организовали для населения бесплатную столовую, помогали продуктами и вещами. Началось восстановление разрушенного жилья, инфраструктуры, открытие школ и университетов. Военная кафедра в университете им. Владимира Даля возникла не на пустом месте, она имеет свою историю. Ее создали офицеры-преподаватели Луганского Высшего Военного Авиационного Училища Штурманов, которое было организовано на базе Луганской школы пилотов, а это 240 Героев Советского Союза, маршалы и космонавты. Такие славные у нас традиции, есть с кого брать пример. Проанализировав уровень знаний и подготовку студентов, мы пришли к выводу: знание у студентов истории государства, духовно-нравственной культуры находятся на недостаточном уровне. Согласовав с администрацией вуза, с ректором, было решено наряду с военно-

специальными дисциплинами проводить занятия по военной истории, истории государства, истории края в комплексе с духовно-нравственным, военно-патриотическим воспитанием студентов. Был приглашен священник из храма «Святого благоверного князя Александра Невского», кафедра военной подготовки освящена, прочитан молебен на начало учебного года, проведены лекции-беседы среди студентов и преподавателей на тему «духовно-нравственная культура». Здесь на лицо совместная работа духовенства университетского храма, преподавателей кафедры, администрации вуза и студентов. На военной кафедре введен по приказу ректора единый день. Это значит, что студент с утра и до вечера, становится курсантом военной кафедры. Введена военная форма одежды, как для преподавателей, так и для студентов. Форма «обязывает» студента стать военным курсантом, быть опрятным, дисциплинированным, вести себя культурно в транспорте и на улице, быть примером для детворы и помощником для престарелых соседей. Проходят занятия по строевой подготовке и уставам, где учат студентов жить по воинским законам, послушанию старшим начальникам. А дальше наряды на службу, занятия. Так как первая офицерская должность наших студентов – командир взвода, на которой командир учит своих солдат своим примером, делай как я, офицеры – преподаватели применяют этот прием для обучения студентов. В каждом военном предмете, будь то тактика, военная история, огневая или другие предметы – есть место для духовно-нравственного воспитания. К примеру: Основы военной медицины. На этом предмете преподаватель учит студента не только позаботиться о себе, но прежде всего, как помочь раненому товарищу, как оказать первую помощь любому пострадавшему человеку. Вот вам и выполнение второй Божьей Заповеди «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Предмет: радиационная, химическая и биологическая защита, т.е. защита от оружия массового поражения. Сейчас появились новые виды оружия массового поражения – это метеорологическое, экологическое, генетическое, инфразвуковое, информационное и другие. Вот об информационном оружии и хотелось бы поговорить. Средством поражения у этого оружия является Слово. Носителем этого оружия являются средства массовой информации – это интернет, телевидение, радио, журналы, газеты и пр. Это сатанинское оружие подается в красивой упаковке, где не разберешь, где истина, а где ложь, где добро, а где зло. Силу этого оружия мы испытали, когда рухнула Российская империя, а затем и Советский Союз, когда прокатились цветные революции и майдан. Что можно противопоставить этому мощному оружию? Только Божье Слово, крест Господень! А для этого нужно вооружить нашего солдата, офицера верой православной, знанием

истории, культуры и традиций своего народа. Летом студенты проходят военные сборы, где студенты на практике проходят военную подготовку. Где не словом, а делом проверяется плод духовно-нравственного воспитания у студентов. Воздержание в пище, послушание в приказах, внимательность и сосредоточенность на стрельбах, смиренность и терпение тягот и лишений солдатской службы. Поддержка и настоящая товарищеская выручка на учениях. В этом году военная кафедра университета им. Владимира Даля выпустила первых офицеров Луганской народной Республики. Военная кафедра становится более открытой. По просьбе некоторых факультетов, у них вводится предмет общевоинская подготовка. Хотелось бы укрепить сотрудничество с кафедрой «Всемирная философия и теология» и клириками университетского храма святого благоверного князя Александра Невского, и вместе работать над духовно-нравственным воспитанием будущих офицеров. Знания и навыки, привитые студентам во время обучения в вузе, послужат им своего рода духовно-нравственным компасом в дальнейшей жизни, помогая делать осознанный и правильный выбор в профессиональной и научной деятельности и во всех сферах личной жизни.

Выводы. Решение задач по организации духовно-нравственного воспитания студентов обуславливает необходимость объединения усилий представителей различных институтов: администрации вуза, педагогического коллектива, клириков университетского храма и других.

Литература

1. Библия. Российское библейское общество. Москва, 2002. – 1371 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь. Т.4. – М., 684 с.
3. Ильченко В. И., Шелюто В. М. Феномен сакрального в историко-культурном пространстве. – К.: АО ИТН, 2002. – 324 с.
4. Исаев В. Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. Луганск: Светлица. 2003. – 188 с.
5. Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге: Хрестоматийный сборник. – М.: Воениздат, 1995. – 368 с.
6. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Доклад на всемирном православном соборе. – М., 2016.
7. Русские святые воины. М., 1995. – 158 с.
8. Святитель Феофан Затворник. Созерцание и Размышление. – Краматорск. 2001. – 639 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 2006. – 986 с.
10. Суворов А.В. Наука побеждать. – М., 1996.
11. Творения Святителя Игнатия епископа Ставропольского. – М.: Сретенский монастырь, 1996. – 412 с.

12. Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии. – М.: – Военный университет. 1997.

Evstratov S.M. SPIRITUALLY-MORAL EDUCATION OF FUTURE OFFICERS AT THE MILITARY DEPARTMENT OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF STRENGTHENING SECURITY COMPANIES

The task of organization of the spiritually-moral education of youth requires joint efforts of representatives of various institution. The article analization typical problems and methods of spiritually-moral education of students at the military department of the university.

Kew words: culture , spirituality, morality, pedagogy, education, warrior, teacher.

Евстратов Сергей Михайлович – старший преподаватель военной кафедры Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 342.7, 349.6

Воронцова Е.В.

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы соотношения и взаимодействия права на охрану здоровья и права на благоприятную окружающую среду в процессе формирования правового механизма обеспечения экологической безопасности в России.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, право на благоприятную окружающую среду, экологическая безопасность, экологические проблемы, окружающая среда, мирное сообщество.

Развитие человеческой цивилизации на основе техногенного антропоцентристского подхода, наряду с несомненными достижениями, привело к целому ряду проблем, нерешенность которых ставит под угрозу

существование самого человека как биологического вида. В первую очередь речь идет о глобальной экологической проблеме, отрицать существование которой не имеет смысла, поскольку с ее последствиями каждый из нас сталкивается в процессе своей повседневной жизни.

Уменьшение видового разнообразия флоры и фауны, непригодность для использования в хозяйственных целях земельных и водных ресурсов, увеличение количества заболеваний напрямую связанных с состоянием окружающей среды – вот неполный перечень результатов непродуманного отношения человека к природе, его сугубо потребительского подхода к окружающей среде. В настоящее время глобальная экологическая ситуация как проблема мирового сообщества, зачастую, отодвигает на второй план многие иные проблемы человечества. «По глубине негативного воздействия на человечество, катастрофическим последствиям для всего живого экологические проблемы приобретают приоритетный характер во всем мире» [4, с. 126]. С данной оценкой следует полностью согласиться, тем более, что экологические проблемы отнюдь не являются «вещью в себе», поскольку провоцируют возникновение целого ряда иных социальных и политических проблем – голода, пандемий, неконтролируемой миграции, военных конфликтов и т.д. Таким образом, обеспечение экологической безопасности как насущная задача всего мирового сообщества в своей основе далеко выходит за рамки только лишь природоохранной деятельности, поскольку позволяет решать целый спектр важнейших проблем, казалось бы, с состоянием окружающей среды не связанных. При этом, обеспечение благоприятной окружающей среды уже само по себе является материализацией важнейшей гуманитарной ценности, позволяющей человеку не только выживать как виду, но и использовать свой «человеческий» потенциал, т.е. реализовывать себя как существу социальному. Не случайно поэтому право на благоприятную окружающую среду занимает одно из первых мест в общем массиве основополагающих правовых установлений, содержащихся как в международно-правовых актах, так и в актах национального законодательства. Во многом этому способствует и то, что право на благоприятную окружающую среду самым тесным образом связано с другим фундаментальным правом каждого человека – правом на охрану здоровья, реализация которого в полном объеме не мыслима в условиях природной среды не отвечающей требованиям экологической безопасности.

В Российской Федерации право на благоприятную окружающую среду, равно как и право на охрану здоровья закреплено на конституционном уровне (ст. 42 и 41 Конституции РФ соответственно).

Законодатель не случайно расположил данные нормы друг за другом, поскольку очевидна их системная взаимосвязь, обусловленная зависимостью состояния здоровья населения от состояния окружающей природной среды. Более того, являясь самостоятельным комплексным правом, право на благоприятную окружающую среду по отношению к праву на охрану здоровья выполняет роль его конституционно-правовой гарантии. Данное обстоятельство только усиливает их юридическую взаимосвязь в общем механизме конституционно-правового регулирования прав и свобод.

Следует отметить, что юридическая форма установления взаимодействия права на охрану здоровья и права на благоприятную окружающую среду в том виде, как это сделано в российской Конституции, в общем и целом соответствует международному взгляду на содержание данных видов деятельности (т.е. деятельности по охране здоровья и деятельности по охране окружающей среды). Согласно распространенному за рубежом подходу, в целом охрана здоровья представляет собой деятельность собственно по охране здоровья (в первую очередь оказание медицинской помощи) и деятельность по обеспечению основных предпосылок здоровья (здоровых условий проживания) [3, с. 220-234], к которой относится и обеспечение благоприятной окружающей среды. Так что «жесткая увязка» права на охрану здоровья и права на благоприятную окружающую среду не является особенностью исключительно российского законодательства. Подобный подход характерен и для правовых систем других стран, и для актов международного права, тем более, что негативное воздействие антропогенного фактора на окружающую среду, а через нее и на здоровье самого человека в настоящее время осознается практически всеми.

Осознание экологических угроз для здоровья людей подтверждается повышенным вниманием к вопросам экологической безопасности, проявляемым на международном уровне. В последние десятилетия были приняты многочисленные документы, отражающие общую позицию мирового сообщества к названной проблеме, среди них: Универсальный кодекс экологически корректного поведения, Стокгольмская декларация по проблемам окружающей человека среды, Стокгольмская декларация по окружающей среде, Всемирная стратегия охраны природы, Всемирная хартия природы, Хартия предпринимательской деятельности в интересах устойчивого развития (Принципы природоохранной политики), Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, Хартия Земли, Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Конвенция о доступе к информации, участии общественности в

процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция), Европейская хартия по окружающей среде и здравоохранению и др. При этом кардинального улучшения экологической ситуации не происходит, как не происходит и улучшения состояния общественного здоровья (несмотря на увеличение продолжительности жизни в ряде высокоразвитых стран). Всемирная организация здравоохранения представляет печальную статистику, согласно которой в мире от онкологических заболеваний ежегодно гибнут около 8 млн. человек по всему миру. Факторы окружающей среды играют решающую роль в 19% случаев данного заболевания, включая условия работы, что ежегодно исчисляется в 1,3 миллиона случаев смерти. К ним относятся ультрафиолетовое излучение, радон внутри помещений и, конечно, загрязнение атмосферного воздуха [2]. 24% всех болезней в мире, возникают и развиваются из-за плохих условий окружающей среды. При чем у детей с этим связано 33% всех случаев заболеваний. В то же время, по мнению экспертов, болезни, прогрессирующие из-за вредных факторов окружающей среды, можно предотвратить, тем самым, ежегодно спасая 4 млн. человеческих жизней [1].

Что касается России, то вопросам правового обеспечения экологической безопасности посвящены Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, Экологическая доктрина Российской Федерации, Государственная стратегия Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 10.07.2001 № 92-ФЗ «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории» и др. Свое развитие правовой механизм обеспечения экологической безопасности получил и на уровне субъектов Российской Федерации. К примеру, в Курской области приняты: Закон Курской области от 01.03.2004 № 3-ЗКО «Об охране окружающей среды на территории Курской области», Закон Курской области от 05.07.1997 № 16-ЗКО «Об экологической безопасности» и др. Таким образом, мы можем констатировать наличие разветвленной и разноуровневой нормативной базы регулирующей отношения как в сфере экологии в целом, так и в сфере обеспечения экологической безопасности. Однако, несмотря на обилие нормативных установлений, практическое обеспечение экологической безопасности в

нашей стране наталкивается на ряд теоретических и технико-юридических проблем. Теоретические проблемы связаны с определением приоритета эколого-правовой охраны, т.е. выделением его главного объекта – является ли им природа в целом или только благоприятные условия для жизни человека. На доктринальном (концептуальном) уровне в российской правовой науке существуют две несовпадающие позиции о приоритетах эколого-правовой охраны. Согласно первой, охрана природы должна осуществляться исключительно в интересах жизни и здоровья человека. Согласно второй, приоритетом является сохранение природы в целом. Как ни парадоксально это звучит, но в российском законодательстве обе эти позиции находят свое отражение. Техничко-юридические проблемы касаются внутренней логики и соподчиненности самих норм российского права, регулирующих экологические отношения.

Выводы. С учетом вышеназванных теоретических и технико-юридических проблем, вопрос о создании эффективного правового механизма обеспечения экологической безопасности в России остается открытым. При этом очевидным является то, что и право на охрану здоровья, и право на благоприятную окружающую среду должны выступать в качестве неразрывных элементов данного механизма, поскольку неразрывными являются те социальные блага, которые в данных правах закрепляются.

Литература

1. Наше здоровье зависит от окружающей среды, утверждают ученые // The Epoch Times – международное издание : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.epochtimes.com.ua/ru/health/health/nashe-zdorove-zavysyt-ot-okruzhajushhej-sred-utverzhdayut-uchen-e-74431.html> – дата обращения 15.04.2017.
2. Раковые заболевания, обусловленные факторами окружающей среды и профессиональной деятельности // Информационный бюллетень №350 : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs350/ru/> – дата обращения 15.04.2017.
3. Тобес Бриджит. Право на здоровье. Теория и практика. М.: Устойчивый мир, 2001. С. 220-234.
4. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю., Пожарова Л.А. Международно-правовые основания формирования в России системы экологической безопасности // Научные ведомости. 2015. №2(199). Вып.31. С. 126.

Vorontsova E.V. THE RIGHT TO HEALTH AND THE RIGHT TO A FAVOURABLE ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL SECURITY

The article concerns issues of correlation and interaction of the right to

health and the right to a favorable environment in the process of forming the legal mechanism of ensuring ecological safety in Russia.

Key words: *right to health, the right to a favorable environment, environmental safety, environmental issues, environment, global community*

Воронцова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

УДК: 323

Кравцов Д.Н.

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассмотрены философско-религиоведческие аспекты духовной безопасности как отрасли национальной безопасности. Исследована сущность духовной безопасности современного российского общества как аксиологического феномена цивилизационного характера.

Ключевые слова: *духовность, духовная безопасность, национальная безопасность, система духовной безопасности, источник угроз духовной безопасности.*

Актуальность исследования. Такие ментальные понятия как духовное, духовность всегда имели в научной системе знаний фундаментальное философско-религиоведческое значение. Они играют определяющую роль в решении ключевых проблем современной социогуманитарной сферы, определении сущностных характеристик социума, человека, его места и назначения в мире, модуса бытия. В современной философии сформировано представление о духовной жизни общества как реальном процессе жизнедеятельности людей, тесно связанном с производством, обменом, распределением и потреблением духовных ценностей, удовлетворением духовных потребностей человека и его общностей. Под духовной жизнью человека понимается процесс реализации индивидом мировоззренческих установок, осознаваемых им

целей и смысла жизни. Но все эти процессы зависят от ряда факторов, которые способны или утвердить их стабильность, или разрушить всю систему духовного развития человека, общества и государства. Ввиду этого возникает необходимость обеспечения духовной безопасности человека, общества и государства, создания институциональной комплексной системы её обеспечения. Речь идет о таких условиях духовного становления и цивилизационного развития современного общества и человека в нем, в которых система обеспечения духовной безопасности, будучи индивидуально выраженной защитной формой бытия духовности как системы ценностей, приоритетов, оценок, мотивов, убеждений и установок, будет иметь возможность своевременного выявления, предотвращения, ослабления или устранения (предотвращения или нейтрализации) угроз развития общечеловеческого уровня граждан, их творчески-познавательного потенциала, морально-нравственного внутреннего мира.

Весь комплекс системы обеспечения духовной безопасности обуславливает прогрессивное развитие всего общества путем использования социополитического потенциала как каждой личности, так и различных социальных групп. В современных условиях международной нестабильности и попыток дисбалансировки внутривнутриполитических процессов в Российской Федерации извне, для российского социума особенно актуален вопрос обеспечения его духовной безопасности как фактора стабильного прогрессивного развития.

Цель исследования. Целью данной статьи является выявление сущностных характеристик духовной безопасности современного российского общества и системы её обеспечения.

Анализ научных источников и публикаций. В содержательно-смысловом ключе проблема духовной безопасности и её обеспечения в специальной литературе почти не поднималась. Современного состояния разработки явно недостаточно для полноценного раскрытия сущности и особенностей духовной безопасности.

Что касается отдельных аспектов проблемы, то следует сосредоточить внимание на двух основных – это понятие духовности и безопасности.

Проблема духовности издавна нашла свое место в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. В своих работах некоторые аспекты духовности рассматривают Платон, Аристотель, А. Августин, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, Гегель, Кант, Руссо, А. Тойнби, К. Ясперс и др. Особую значимость в исследовании проблемы духовности имеют философские идеи религиозной направленности, к авторам которых

относятся российские философы Н. Бердяев, И. Ильин, В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк.

В работах, направленных на исследование сущности человека как духовного феномена, духовность рассматривается в качестве атрибутивного свойства человека, определяющего смысл его жизни и деятельности (И. Абель, Е. Бех, Л. Буева, В. Жадько, А. Канапацкий, Н. Караульная).

В концептуальном плане принципиальное значение для разработки темы имеют исследования представителей современной российской философской мысли И. Абеля, Р. Авакова, М. Бахтина, Г. Горака, А. Кива, А. Козлова, В. Ксенофонтова, С. Пролеева, Н. Хамитова, В. Шмидта и др.

Отмечая обоснованность и высокий уровень всех исследований, а также значительный объем литературы по проблеме духовности и формам ее проявления и функционирования в обществе, необходимо понимать, что интерпретации категории «духовность» сегодня далеки от однозначности, а отдельные важные вопросы пока вообще остаются вне поля зрения исследователей.

Что касается второго ключевого понятия данного исследования, то проблема безопасности широко рассмотрена в контексте национальной безопасности и безопасности общества в целом. В отечественной науке категория «национальная безопасность» стала использоваться лишь в начале 90-х гг. XX в. и исследовалась в трудах Л.А. Абалкина, Г. Алпровица, В.В.Асташина, А.И. Васильева, С.П. Глазьева, В.И. Глебова, Н.А. Гловацкой, С. В. Гущина, Н.Е. Дементьева, Ю.И. Дерюгина, М.И. Дзлиева, Г. Киссинджера, Р. Кокса, С.А. Лазуренко, В. Лафебра, М.А. Мазинга, В.Е. Манилова, Е.С. Мелкумяна, В.И. Митрохина, Г.В. Осипова, А.А. Прохожева, В.П. Сальникова, В.А. Сенчагова, С.В. Степашина, Э. Стеттиниуса, Л. И. Шершнева, А.Д. Урсула, Г. Ярмоша и др.

Наличие данных исследований свидетельствует о том, что на внутригосударственном и международном уровнях ведётся активная работа по аккумулярованию знаний в области теории национальной безопасности и практики её обеспечения. Вместе с тем остается нерешенной проблема духовной безопасности как сегмента национальной, ее значение, содержание и место в системе обеспечения национальной безопасности.

Основная часть. Жизнь общества – сложный целостный процесс активно-творческой деятельности людей, направленный на освоение и преобразование мира, созидание, сохранение, увеличение, освоение ресурсов, в ходе которого удовлетворяются, продуцируются, развиваются человеческие потребности [1, с. 186]. Духовная жизнь общества имеет

первичное по отношению к сознанию отдельного человека положение. Социализируясь, человек рецепирует духовный потенциал социума, который уже сформировался предыдущими поколениями. Сохраняясь в духовной культуре народа, духовность и духовные традиционные ценности общества передаются из поколения в поколение, создавая преемственность знания и духа. Каждое человеческое поколение смертно, но в культурной деятельности оно преодолевает смерть, создавая предпосылки духовного развития будущих поколений. В реальной общественной жизни наблюдается неразрывное переплетение материально-вещественного и идеально-духовного модусов бытия. При этом духовное имеет интегральное значение, оно пронизывает все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую, религиозную. Это обусловлено тем, что в любом виде деятельности человек стремится удовлетворить не только материальные, но и духовные потребности, преследует те или иные цели, реализует конкретные планы, использует определенные идеальные схемы деятельности, опирается на ценностно-нормативную (аксиологически-правовую) систему общества, то есть постоянно формирует и использует закодированную в идеальных образах социальную информацию [7, с. 19].

Так, на современном этапе развития бытия российского социума остро стоит вопросы защиты и сохранения качественных характеристик такой информации; обеспечения эффективного функционирования деятельности человека и общества по выбору ценностей, приоритетов, потребностей; формирования соответствующих и необходимых в конкретное время исторического развития общества критериев такого отбора и выбора. То есть вопрос формирования системы духовной безопасности российского общества.

По мнению известного философа и социолога А.К. Уледова, духовная жизнь общества включает в себя такие элементы, как духовная деятельность, духовные потребности, духовное потребление, духовные отношения [7, с. 21]. Защищенность и позитивно-нравственная направленность этих элементов позволяет сформировать эффективно действующую общую систему обеспечения духовной безопасности общества.

На формирование духовности современного человека влияет противоречивость, конфликтность традиций прошлого и современного в связи с общественно-политическими, историческими и экономическими динамическими изменениями. Социально-культурное пространство, выступающее в роли экономической, политической, культурной целостности и системы отношений, в процессе политических реформаций,

с которыми Россия столкнулась в последние два с половиной десятилетия, претерпевает коренные изменения. Учитывая опыт развития предыдущих поколений (революционные и контрреволюционные события 1917-1925 гг., послевоенные процессы 1945-1953 гг. в СССР), надо акцентировать внимание на идеях гуманизма, федерализма, духовных ценностях единого многонационального народа России, патриотизме как неформальной общегосударственной идеологии РФ, которые способствуют формированию современных идеалов и традиций в культуре нового бытия и мышления.

Формы общественного сознания выступают как факторы генезиса, формирования и стабильного функционирования всей системы духовной безопасности человека, проявляя в себе функционально-аксиологическую сторону системы духовной безопасности общества, то есть деятельность по производству и воспроизведению соответствующих духовных ценностей и потребностей. К таким формам общественного сознания относятся наука, искусство, идеология, СМИ, религия, образование и воспитание.

Указанные формы общественного сознания характеризуются признаками взаимозависимости и взаимодействия, включением определенных типов духовной деятельности, также они являются институционализированными подсистемами общества [7, с. 25]. Так, наука основывается на познании законов природы, общества, самого человека. Религия – на своеобразной интерпретации сил природы, общества и самого человека, их собственной сущности. Искусству присуще эстетическое отражение действительности.

Все они – это не совокупность знаний и идей о своем предмете, а сложный процесс человеческой деятельности, духовного производства таких знаний и идей. То есть, наука, идеология, СМИ, искусство, религия, образование и воспитание стали в обществе специализированными видами духовного производства, формой духовной деятельности. Все указанные формы общественного сознания формируют общественное мнение, которое в свою очередь является социологически оформленным общественным институтом [2, с. 336], показателем качества и стабильности развития общества в целом. Таким образом, элементы духовной сферы и система духовной безопасности общества образуют определенную межсистемную взаимосвязь.

Система духовной безопасности осмысливается нами как многосложное образование, интегрирующее духовный потенциал общества, который выступает фактором объединения различных сторон деятельности общественных субъектов, результаты которой представлены и в сфере общественного сознания, и в ряде материальных явлений и

процессов, и в специфических социальных технологиях и механизмах, и в конце концов духовности общества.

Различные аспекты системы духовной безопасности общества актуализируются в зависимости от тех или иных социальных потребностей и запросов, а также от содержания, характера и направленности ценностей и интересов различных социальных групп и сообществ людей. Все, что мы можем назвать общей системой духовной безопасности человека, общества и государства, состоит из множества отдельных субъектов, событий, явлений, процессов, фрагментов, имеющих бесконечное многообразие форм, свойств и связей.

Система духовной безопасности – это инструмент сохранения духовных ценностей общества, государства, нации, человечества, защиты функционирования всей духовной сферы общества. Именно в духовной сфере формируются аксиологические основы общества, производятся духовные блага и удовлетворяются духовные потребности нации и человечества благодаря функционированию социокультурных институтов науки, образования, морали, искусства, религии, о которых шла речь выше. В результате формируется духовный потенциал общества устойчивого развития, культура безопасности как ответ на вызовы глобализации и реализация потребности самосохранения человеческого рода. Но основой для функционирования духовной сферы являются высшие ценности – духовные смыслообразующие основы существования человечества, обеспечивающие духовное постоянство и целостность человека, моральное здоровье общества, его духовно-нравственный и религиозный иммунитет.

Несмотря на насущную социальную потребность, полномасштабное и глубинное осмысление духовной безопасности как важной проблемы современного российского общества и сегмента национальной безопасности, к сожалению, пока происходит пассивно, что объясняется рядом причин.

Осторожность исследователей в использовании термина «духовная безопасность» в определенной степени можно объяснить наличием в общественном сознании памяти о негативной роли некоторых деструктивных идеологий как средства духовного насилия над человеком и обществом периода советских антирелигиозных репрессий. Отождествление в массовом сознании понятий «духовность» и «религиозность» также мало способствует вхождению термина в научный оборот (хотя частичная корреляция между этими понятиями имеет важный характер не только с точки зрения генезиса понятия «духовность», но и его содержания).

Приходится констатировать, что в настоящее время формирование нравственных качеств и духовных ценностных ориентаций человека и общества как главную цель своей деятельности провозглашает только

Русская Православная Церковь. Это, безусловно, является результатом безграмотной государственной политики в области идеологии и провозглашения Конституцией РФ идеологического многообразия, которое в условиях бесконтрольности со стороны государства превратилось из политического «многообразия» в политическое «безобразия».

Другой субъективной причиной осторожного отношения к словосочетанию «духовная безопасность» может быть сложность и неопределенность ее объекта и невозможности установить четкие критерии, соответствующие устойчивому и здоровому состоянию духовности общества. Одной из причин неприятия термина «духовная безопасность» является отсутствие подобного понятия в научном обороте западноевропейской и американской социально-философской и политической мысли, что характерно для рационалистического типа мышления [6, с. 132].

Перечисленные и другие причины обусловили ситуацию, когда духовные факторы безопасности общества рассматривают в литературе как факторы в социальной, информационной или гуманитарной сферах национальной безопасности.

Проблемы, имеющие своим основанием духовность, авторы чаще относят к информационно-психологическому и информационному сегменту безопасности. В определенной степени с этим можно согласиться, поскольку информационное пространство частично совпадает с духовным, но только в цепи «информация–знания». Однако надо различать информацию – сведения, являющиеся объектом обработки и защиты техническими средствами, и знания – объект усвоения человеком и составляющие его мировоззрение, то есть техногенный и гуманитарный аспекты цепи «информация–знания». При рассмотрении информационной безопасности в техногенной аспекте смысловая нагрузка ложится, прежде всего, на проблему обеспечения защиты информации. Если же информационную безопасность анализируют в гуманитарном ключе, то информационные технологии рассматриваются преимущественно как средства пропаганды с целевой установкой на влияние, управление и манипулирование духовными процессами. Примером в данном случае может быть использование Интернета, СМИ и т.д. Однако духовная сфера гораздо шире информационной и содержит феномены, которые не вписываются в характеристики информационной. Широкая осведомленность человека еще не свидетельствует о его высокой духовности, как и уровень информатизации общества не является показателем его духовности.

В последнее время сформировалась тенденция, когда проблемы духовной безопасности начали рассматривать в совокупности с

проблемами, присущими гуманитарной сфере. С одной стороны, это оправдано, поскольку гуманитарная сфера действительно охватывает и духовные процессы как разновидность социокультурных. Но с другой – при таком подходе теряется специфика анализа духовных проблем безопасности общества, поскольку происходит расширение границ предмета исследования. Методологическим основанием выделения гуманитарной сферы является акцентирование внимания на социокультурном аспекте безопасности, в отличие от техногенного [4, с. 102].

По нашему мнению, в целях наиболее качественного и системного научного исследования проблем безопасности общества будет целесообразным наряду с имеющимися сферами выделять в пределах гуманитарной духовный сегмент национальной безопасности.

Подытоживая доминирующие мысли о сущности и содержании духовных процессов в контексте исследуемой проблемы, будет логичным определить объекты духовной сферы, функционирование которых является важным для полноценной жизни общества и его устойчивого развития, требующие соответствующей защиты со стороны государства и общества. Такими объектами являются: сознание (индивидуальное, групповое, национальное); свобода мысли, мировоззрения и убеждений; интеллектуальная деятельность, духовная культура и духовные ценности (познавательные, этические, эстетические, религиозные, национальные), традиции, социокультурные институты (наука, образование, мораль, искусство, религия), их стабильное функционирование, что обеспечивает духовные потребности социума.

Определение объектов духовной сферы, нуждающихся в защите со стороны общества и государства, является методологическим основанием для выявления угроз и опасностей общества, возникающих в его духовной сфере.

Выделение опасностей, которые возникают в духовной сфере и несут угрозы и ей самой, и функционированию соответствующих социокультурных институтов, и всему обществу, является важным теоретическим основанием для дальнейших исследований проблем обеспечения духовной безопасности.

Следует выделить основные группы угроз и опасностей духовной безопасности, имеющих место в современной России. К первой группе, по нашему мнению, относятся опасности разрушения духовного мира человека, угрожающие становлению его сознания, мировоззренческим основам, свободе мысли, убеждений, интеллектуальной деятельности. Вторая группа – это угрозы установившемуся функционированию всех

форм общественного и массового сознания и ментальности. К третьей группе целесообразно отнести угрозы развитию культуры всего общества, его этнических и конфессиональных сообществ, а также угрозы функционированию социокультурных институтов – науке, морали, образованию, воспитанию, искусству, религии, обеспечивающих удовлетворение духовных потребностей нации. Однако на практике сложно отделить эти группы, поскольку они взаимообусловлены. В то же время надо учитывать, что угрозы в духовной сфере хотя и имеют латентный, скрытый характер, однако негативно влияют на социально-политические процессы и безопасность общества.

К угрозам функционированию духовных основ российского народа исследователи относят постепенное вытеснение высших ценностей и идеалов утилитарными, прагматическими, технократическими ориентациями и глобализаторскими императивами мышления. Все более ощутимую угрозу безопасности российского социума создает девальвация духовно-нравственных и общечеловеческих гуманистических ценностей и идеалов, культурных национальных традиций. Следствием духовного вакуума в общественном сознании становятся моральный (этический) и правовой нигилизм, пропаганда культа жестокости и насилия, кощунства в отношении национальных и религиозных святынь, распространение материалов экстремистского содержания и порнографии.

Можно согласиться с авторами, которые рассматривают как угрозу российскому социуму и государственности «духовно-нравственный негативизм», который распространяется среди молодежи через Интернет и СМИ и порождает мораль вседозволенности, граничащую с аморальностью. В последнее время увеличивается количество публикаций, где декларируется рост аномальной зависимости человека от Интернета и компьютерных технологий. Данный рост необходимо расценивать как угрозу духовной безопасности человека и нации, как причину психических заболеваний, нарушения познавательных функций и социальной апатии.

Разрушение духовных основ российского народа сопровождается социальной anomией, девиантным и аморальным поведением, антисоциальной и антигосударственной направленностью сознания маргинальной части населения, социальной конфронтацией, этнически культурной напряженностью.

Опасность стабильному функционированию общественной жизни вызывает несформированность высоких духовных идеалов многонационального российского народа, способных объединить

разрозненные и часто разновекторные социальные общности (классы, страты, этносы и др.) в единую политическую нацию. Такие идеалы и ценности должны составлять основу для определения национальных интересов и духовного потенциала государства, отражающего способность нации отстаивать свою независимость и безопасность.

Угрозой для устойчивого развития полиэтнического и поликонфессионального народа России аналитики считают влияние ксенофобских, радикально националистических, тоталитарных и экстремистских идеологий. Использование политическими партиями и движениями конфронтационных идеологий, основанных на противоположных ценностных системах, спекуляция и игра на мировоззренческих, межконфессиональных и идеологических противоречиях, провоцирование культурно-языкового противостояния, манипулирование массовым сознанием с помощью современных информационных технологий, по мнению специалистов, угрожают России социально-политическим кризисом, результаты которого могут иметь катастрофические деструктивные последствия для единства Российского государства.

К угрозам развития гражданского общества относят возможность вмешательства в духовный мир личности и со стороны государства, и со стороны политических, коммерческих и других групп, которая граничит с духовным насилием и является нарушением права на свободу мысли, мировоззрения и совести. В условиях формирования в РФ гражданского общества противодействие этой угрозе приобретает актуальное значение.

Не теряет позиции своего деструктивного влияния на общество деятельность нетрадиционных неорелигиозных культов и тоталитарных сект, псевдодуховных и неформальных организаций. Используя в своей деятельности различные психотехники для покорения сознания adeptов, они навязывают собственные, часто антисоциальные системы ценностей, которые угрожают конституционному строю России, прививают социально-политическую индифферентность, разрывают семейные и социальные связи. Такую активность необходимо расценивать как форму духовно-идеологической диверсионной деятельности, которая фактически является угрозой устойчивости социально-политических процессов, а значит, и национальной безопасности России.

Следующей проблемой, решение которой необходимо для выявления смысловых контуров духовной безопасности, является определение сущности и содержания понятия «источники угроз духовной безопасности» общества. Источники угроз духовной безопасности – это формы воздействия на духовную сферу общества, направленные на

разрушение культуры, овладение массовым и индивидуальным сознанием и его ценностным содержанием с целью дестабилизации общественных процессов и управления поведением людей в политических, экономических и военных целях.

Содержательную сторону понятия «источники угроз духовной безопасности» необходимо рассматривать как информационную, идеологическую, психологическую, организационную деятельность, которая направленная, во-первых, на разрушение духовного мира человека, религиозных и моральных ориентаций и принципов, дестабилизацию его сознания, духовное и интеллектуальное насилие над ним с целью овладения психикой и подчинения сознания индивида. Во-вторых – на уничтожение духовной культуры общества, традиционных и общезначимых аксиологических базисов, его деморализацию, на культивирование идеологии насилия, ксенофобии, межэтнической, расовой, религиозной вражды с целью дестабилизации социума.

Результатом такого воздействия на индивидуальное и общественное сознание может быть духовная дезориентация, деформация сознания и психики человека, девиантное и аморальное поведение, антисоциальная, антигосударственная разрушительная направленность массового сознания, аномия, ксенофобия, враждебные настроения по отношению к представителям других национальностей и религиозных конфессий. Все эти и другие проявления негативного воздействия на сознание могут рассматриваться в качестве индикаторов угроз духовной безопасности общества и государства. В основу определения критериев духовной безопасности необходимо положить качественные характеристики состояния духовных процессов, функционирования социокультурных институтов и реальные ценностные ориентации в российском обществе [5, с. 48].

Смысловое поле духовной безопасности охватывает процессы и явления в духовной сфере и проявляется через: а) устойчивое функционирование общественной морали, науки, религии, искусства, духовных, нравственных, культурных, исторических, национальных ценностей и культуры от деструктивных воздействий и разрушения; б) минимизацию влияния на человека и общество духовного, идеологического и морального насилия, информационной агрессии, деструктивных воздействий тоталитарных идеологий, расовой, национальной и религиозной вражды; в) свободу мысли, взглядов, убеждений, интеллектуальной деятельности; г) поэтапное повышение интеллектуального и духовного потенциал народа России, духовного и нравственного здоровья нации.

Итак, принимая во внимание теоретические достижения в исследованиях духовных процессов и на основании подходов, сформировавшихся в теории национальной безопасности, определим сущностную сторону духовной безопасности. Духовная безопасность – это правовая, организационная, экономическая и социальная защищенность устойчивого функционирования духовной сферы как системного общественного института. Причём решение задач обеспечения духовной безопасности необходимо понимать как процесс актуализации системы духовных ценностей, который происходит на нескольких уровнях нормативно-ценностного механизма самоорганизации безопасности общества.

На идейно-теоретическом уровне духовная безопасность формализуется в создании научных теорий, концепций, идей, принципов и стратегий духовной безопасности как системного научного явления и обоснованием методологии решения проблемы. На этом уровне допускается разработка идеологии, которая представляет собой систему духовных идеалов, ценностей, норм в конституционном поле РФ, функционирование которых способствует социальной стабильности, устойчивому развитию и духовной безопасности российской нации.

На социокультурном уровне благодаря функционированию социокультурных институтов духовные ценности воплощаются и актуализируются в национальной культуре, общественном и индивидуальном сознании. Важную роль на этом уровне отведено образованию, воспитанию, искусству, религии, СМИ.

На социально-психологическом уровне механизма самоорганизации безопасности духовные идеалы, ценности и нормы, соответствующие состоянию безопасности, приобретают характер мотивов, убеждений, личных, групповых и социальных интересов, социально-психологических установок на их достижение. Они ориентируют личность, социокультурное сообщество на соответствующие действия, связанные с реализацией идеала устойчивого развития и духовной безопасности социума.

Нормы ценностных установок и идеалов как целей в жизни человека или общества направлены на обеспечении духовной безопасности общества, и реализуются на социально-динамичном уровне механизма.

Выводы. Духовность является формой человеческого сознания, совокупностью всех его функций, той частью психики, которая охватывает нравственность, чувство, собственные взгляды и ценности. Социальная духовность выступает как диалектическая взаимосвязь

процессов, состояний и уровней интеллектуальной, психологической, морально-этической, то есть сознательной деятельности определенного общества, которые продуцирует духовные ценности и удовлетворяет духовные потребности его членов. В своей диалектической взаимосвязи все формы общественного сознания влияют на становление, формирование и развитие системы духовной безопасности, которая в свою очередь призвана защищать и оберегать духовную сферу жизни общества.

В условиях трансформации российского социума общественная духовность характеризуется разорванностью, фрагментарностью, сосуществованием несовместимых представлений, расширяется сфера господства бездуховного примитивного прагматизма. Индивид перестает быть только объектом духовного влияния со стороны государства, религиозных организаций и других социальных институтов. Он все больше становится субъектом собственного духовного саморазвития. Человек приобретает духовную свободу, а жизнь человека трансформируется в ряд его собственных выборов, с помощью которых индивид сам контролирует и реализует себя как духовное существо.

Рассмотрение в нашем исследовании духовной безопасности как социального феномена выявило сложность и многогранность её осмысления в теории и несовершенство социальной практики по её достижению и обеспечению. Духовная безопасность как состояние действительности, направленной на отыскание морали, добра, красоты, истины, самосозидание личности, её самоопределение, выступает важным фактором социализации и полноценного бытия человека.

Для развития духовности общества важно гармоничное развитие духовности каждого члена общества. В данном контексте воспитание как процесс донесения необходимой духовной информации эффективно формирует систему духовной безопасности личности, общества и государства путем привития индивидам духовных чувств любви к труду и творчеству, влечения к интеллектуальному и волевому росту, к нравственной жизни. С помощью применения прямых и косвенных средств духовного воспитания общество создаёт условия повышения общего духовного уровня нации, эффективного обеспечения духовной безопасности России.

В системе национальной безопасности современной России духовную безопасность можно рассматривать как необходимый сегмент национальной, составляющую гуманитарной безопасности. Выявление содержательной стороны духовной безопасности требует дальнейшей научной разработки таких ее модальностей, как система и подсистемы,

структура и организация, механизм ее обеспечения и самоорганизации, ее общественный, муниципальный, региональный, федеральный и глобальный уровни. К сожалению, пока эти проблемы не нашли своего концептуального отражения в научной литературе.

Усиление влияния процессов, происходящих в духовной сфере, на национальную безопасность, все большая зависимость социума от состояния общественного сознания, его интеллектуальных достижений, культуры, наличие четко определенных объектов духовной сферы, нуждающихся в защите от угроз их устойчивому функционированию, социальная значимость духовной безопасности дают основания для исследования духовной безопасности не только как сегмента национальной безопасности, но и как ценностного феномена цивилизационного характера.

Итак, духовная безопасность в современных условиях развития общества в целом и российской нации в частности приобретает статус национальной ценности, является неотъемлемым условием продвижения России по пути устойчивого государственного развития и развития гражданского общества.

Дальнейшее комплексное и системное исследование проблемы духовной безопасности как сегмента национальной безопасности, обсуждение этого вопроса в прессе, на научно-теоретических конференциях и семинарах будет способствовать ее практическому достижению и обеспечению.

Литература

1. Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. – Изд. Второй. – М.: ФАИР-Пресс, 1999. – 560 с.
2. Исаев В.Д., Пономарёв А.В. Социальная реальность и духовный смысл Русского мира // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск №1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2016. – С. 83-89.
3. Кравцов Д.Н. К вопросу о безопасности личности, общества и государства в свете философских концепций // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск №1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2016. – С. 55–71.
4. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. – М., 2005 – 412 с.
5. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность: политологический анализ. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006. – 260 с.
6. Митрошенков А.А. Духовная культура и власть // Личность. Культура. Общество. – 2005. – №4. – С. 129-150.
7. Уледов А.К. Духовная жизнь общества. – М.: Мысль, 1980. – 291 с.

8. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – Париж, 1930. – 310 с.

9. Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. – М., 2005. – С. 27-28.

Kravtsov D.N. SPIRITUAL SECURITY OF THE MODERN RUSSIAN SOCIUM AS A VALUABLE PHENOMENON OF THE CIVILIZATION CHARACTER

The article reveals the philosophical and religious aspects of spiritual security as an area of national security. The essence of the spiritual security of modern Russian society as an axiological phenomenon of civilizational character is investigated.

Key words: *spirituality, spiritual security, national security, the system of spiritual security, the source of threats to spiritual security.*

Кравцов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Рецензент: Исаев В.Д. – д. филос. н., профессор.

УДК 323

Чилигин В.В.

**УГРОЗЫ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ ЛНР КАК
ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

В статье рассматривается роль духовно-религиозной сферы общества в процессе государственного строительства, характеризуются основные угрозы духовно-религиозной сферы ЛНР в свете необходимости минимизации их проявлений.

Ключевые слова: *Духовная сфера, духовная жизнь, государственность, национальная безопасность, духовная безопасность.*

Духовная сфера представляет собой высшую сферу жизнедеятельности общества и человека. Возникая как подсистема социума (политическая, экономическая, социальная), духовная сфера достраивается

над его общественно-политическим бытием – духовной жизнью. Духовная жизнь – это сфера общественной жизни, связанная с производством и распределением духовных ценностей, удовлетворением духовных потребностей человека. К объектам духовной жизни относят, как правило, знания, веру, чувства, переживания, потребности, способности, стремления и цели людей. Взятые в своём диалектическом единстве они составляют духовный мир личности.

Структурно духовная жизнь состоит из духовных потребностей, духовной деятельности (духовного производства) и созданных этой деятельностью духовных ценностей. Первым звеном в этой цепочке выступают духовные потребности, представляющие собой объективную нужду людей и общества создавать и осваивать духовные ценности. В целях удовлетворения духовных потребностей люди осуществляют «духовное производство». Под духовным производством понимают производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специализированными группами людей, профессионально занятыми квалифицированным умственным трудом. Целью духовного производства является воспроизводство общественного сознания в его целостности. В духовных ценностях выражаются общественная природа человека, а также условия его бытия. В понятиях прекрасного и безобразного, добра и зла, справедливости, истины и т.д. человечество выражает свое отношение к реальности и противопоставляет ей определенное идеальное состояние общества, которое должно быть установлено. Особо необходимо отметить, что духовное производство направлено на совершенствование всех остальных сфер общественной жизни – экономической, политической, социальной. Создаваемые в его рамках новые идеи и технологии позволяют обществу саморазвиваться.

Как форма существования общественного сознания духовная сфера воздействует на политическую систему государства, ведь именно в духовном сегменте общественно-политической жизни формируется идеократическая составляющая государства. Она проявляется в формировании идеологии, которая является квинтэссенциальным результатом духовной жизни общества. Ввиду данного духовная сфера детерминирует политические процессы в государстве, в зависимости от уровня своего развития положительно или отрицательно сказывается на государственном строительстве, развитии государственности. В Луганской Народной Республике, которая только претерпевает этап своего государственного становления это отчётливо видно. Каким же образом духовная сфера воздействует на становление государства и

государственности? Для того, чтоб ответить на данный вопрос, нужно вначале определить, что есть «государственность».

С.И. Ожегов определяет государственность как государственный строй, государственную организацию (толковый словарь Ожегова С. И.). Т.Ф. Ефремова государственностью называет приверженность принципам государственного устройства общества или какого-либо государственного строя». (Толковый словарь Ефремовой Т.Ф.). В контексте нашего исследования, безусловно, хотелось бы остановиться на второй варианте определения данного понятия.

«Приверженность принципам», что следует понимать под данной формулировкой? Прежде всего, наличие этих самых принципов, неких внутренних убежденностей, имея которые каждый отдельный человек и общество в целом выстраивает свои цели и соответственно способы их достижения в некую системную общность. От состояния и уровня обеспеченности общества духовными ценностями на этапе развития и становления государственности будет зависеть и степень участия каждого члена общества в строительстве государства, и форма, и мотивы этого участия, и, в принципе, видение конечной цели своего участия в этом процессе. Сегодня необходимо констатировать очень тесную, взаимосвязь между такими понятиями как «духовная жизнь» и «государственность», их взаимную обусловленность и когерентность [1].

В этой связи актуализируется тема обеспечения духовной безопасности человек, общества и государства как условия эффективного развития духовной сферы. Давайте определим, что же такое духовная безопасность через призму теории безопасности.

В Толковом словаре Владимира Даля «безопасность – отсутствие опасности; сохранность, надежность». Данное определение безопасности употребляется применительно ко многим процессам. Оно отражает не только присущие конкретным обстоятельствам специфические признаки безопасности субъекта, но включает в себя нечто общее, что и позволяет использовать это понятие в различных областях.

В российской правовой системе дано более расширенное определение категории «безопасность». В Законе РФ «О безопасности» от 05.03.1992 N 2446-1 в ст. 1 содержится юридическое определение безопасности, согласно которому безопасность – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Далее законодатель поясняет, что жизненно важные интересы – это «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности,

общества и государства». К сожалению, в правовой системе ЛНР данная категория пока не определена.

Под системой обеспечения национальной безопасности необходимо понимать совокупность субъектов обеспечения национальной безопасности, объединенных целями и задачами по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства, которые осуществляют согласованную деятельность в рамках законодательства о безопасности государства. Субъектами системы обеспечения национальной безопасности являются государственные органы, организации, общественные объединения, а также граждане [2].

Как многоэлементный феномен национальная безопасность имеет различные уровни по вертикали и горизонтали. Горизонтальное деление национальной безопасности осуществляется по отраслям безопасности – военная, политическая, социальная, экономическая, духовная и др. Духовной безопасности в этом ряду отведена роль относительно самостоятельного сегмента национальной безопасности.

Духовная безопасность – это правовая, организационная, экономическая и социальная защищенность устойчивого функционирования духовной сферы как системного общественного института.

Духовная безопасность предполагает наличие у граждан правосознания, преданности Отчизне, уважения к власти, социальным институтам, семье и, вообще, человеку, которые длительно вырабатываются на протяжении десятилетий под воздействием многих факторов, различающихся по своей социальной значимости. К важнейшим из них относятся религиозные и мировоззренческие, так как они определяют стратегические мировоззренческие позиции не только отдельных личностей, но и социальных общностей в отношении права, закона, власти, свободы, обязанности, гражданственности, патриотизма, справедливости, счастья, добра, совести и т.п. [3].

На этапе становления нового государства вопрос обеспечения национальной безопасности, а именно ее составляющей духовной безопасности, приобретает, возможно, принципиальное значение. Когда, если не в начале любого пути, определять желаемый конечный результат. Рассматривая любую общественную организацию, и раскладывая ее на структурные элементы, мы рано или поздно опустимся к элементу системы – человеку. Так же происходит и в государстве. Каждый отдельно взятый сотрудник любого государственного учреждения или службы каждый день выполняет свои служебные обязанности предписанные ему занимаемой должностью. Качество выполняемой им работы будет напрямую зависеть

от его отношения к ней. Лишь в полной мере понимая и осознавая значимость своего вклада в достижение общего результата, можно рассчитывать на успешное его достижение. Из этого можно сделать вывод, что именно человек и его взгляды и ценности, в конечном итоге, будут влиять на достижения государственной системой поставленных перед ней самой целей по самовоспроизводству и обеспечению своей безопасности.

Лишь сознавая ответственность за общее дело, мы можем минимизировать угрозы духовно-религиозной сферы ЛНР с той целью, чтобы вместе созидать государство социального благоденствия, в котором на первом месте будут провозглашены идеалы добра, справедливости и социального равенства.

Литература

1. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность: политологический анализ. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006. – 260 с.
2. Кравцов Д.Н. К вопросу о безопасности личности, общества и государства в свете философских концепций // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск №1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2016. – С. 55-71;
3. Основы национальной безопасности / Под общ. ред. М.Ф. Гацко. – Ногинск.: Издание Ногинского филиала РАНХиГС, 2014. – 130 с.

Chiligin V.V. THREATS TO THE SPIRITUAL AND RELIGIOUS SPHERES OF THE LPR AS A DESTRUCTIVE FACTOR OF STATE-BUILDING

The article discusses the role of spiritual and religious spheres of society in the state-building process, describes the basic threats to the spiritual and religious spheres of the LPR in light of the need to minimize their symptoms.

Key words: *Spiritual sphere, spiritual life, statehood, national security, spiritual security.*

Чилигин Виталий Валерьевич – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им В.Даля (г. Луганск).

Рецензент: Шелюто В.М. – д. филос. н., профессор.

ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Сделана попытка философско-культурологического анализа такого феномена как место внутреннего человека в информационном обществе, как образ человека виртуальной культуры, по образу которого можно судить не только специфику культуры этого типа общества, но и про специфичность внутреннего бытия человека информационной культуры.

***Ключевые слова:** внутренний человек, информационная культура, виртуальная культура, образ человека, миропознание.*

С внутренним человеком связаны не только изменения современной философских параметров, они имеют непосредственное отношение к практике самого осмысления «внутренний человек» в той или иной философской категории. Мы можем осмысливать сам феномен человека. Во-первых, речь идёт про ориентиры статуса субъекта, в рамках которого происходит осмысление этого феномена. Современный субъект, цельность которого в классическом мышлении придерживается сознанием, поддается деструкции. Именно поэтому на протяжении всего XXI века и философии вообще, в философской антропологии и в философии культуры отдельно не прекращался поиск «внутреннего человека» – одно из свидетельств этого антропологический поворот в современной философии. В современной культурной ситуации произошел сдвиг конституционных ориентиров, которые существовали раньше, особенно, феномен внутренний человек, который теперь занимает центральное место лишь условно. Поэтому появилась необходимость тщательного рассмотрения проблемы цельности субъекта, сквозь призму современных ориентиров философии культуры.

Философия антропологии и культурной концепции прошлого XX века занималась поиском «внутреннего человека», но в результате происходили лишь варианты трансформирования современного человека. Это можно объяснить тем, что человек в рамках исследований современной антропологии подразумевается как система, которая постоянно изменяется и приобретает новые характеристики, которые имеют принципиально новую основу своей природы, которые сводятся

к единой основе. Поэтому поисками утраченного субъекта становится желание выделить основу цельности, которая включает основные потребности человека, без которых происходит распад его как единицы личности. В совокупности эти характеристики и составляют философию культуры XXI века, очевидность дробления которой неизбежна.

Таким образом, актуальность проблемы внутреннего человека в современной философии культурной реальности вызвана нынешним состоянием, которая возникла в философской антропологии XXI столетия, в этом случае человек воспринимается не как личность, а как дробленный объект. Совершая попытки создать новую личность, без воздействия положительных действий мы получаем возникновение множества моделей человека, которые акцентируют ту или иную его составляющую. Исследования основных логических маршрутов, по которым происходит анализ и синтез человека в философской категории XXI века, даёт возможность раскрыть причины, из-за которых современный человек не может использовать весь свой потенциал, а все предложенные варианты следует воспринимать как искусственные версии по соединению разных частей.

Современный человек живёт в том пространстве, основные векторы которого много в чем определяются господством технологии. А поэтому образ человека, созданный философией культуры, содержит в себе целый спектр проблем, которые имеют важные характеристики современной культуры – технологическое развитие. История современной цивилизации показывает, что рациональное планирование, если оно оторвано от гуманных целей и ценностей, способно порождать иррациональные последствия разрушения основы человеческого бытия.

В проблеме философской антропологии бытие человека нас интересует информация культуры, которая имеет довольно давнюю и широкую традицию. А также собственно философско-антропологический состав проблемы человека связана с информационной культурой.

Цель исследования лежит в поисках самых важных стратегий осмысления внутреннего человека в современной философской антропологии XXI века, а также реконструкции наибольших моделей современного человека.

В концепции природы человека происходят столкновения уже существующих точек зрения и мысли, но имеют место также моменты элементов совпадения, тождества, похожие реакции на реалии в современном мире, однородные позиции. В ситуации классического кризиса личности выражено видимой тенденцией поиска новой

субъективности, что конструктивно повторяет классический субъект. Констатация происходит путём выделения одной составляющей основополагающей. Характерной чертой нового субъекта является дроблёность, которая происходит по разным причинам. Изменения в человеке происходят зависимо от культурных контекстов, в противном случае дроблёность остаётся неизменной константой. Вариантом дроблёного субъекта является возможность рассмотреть концепцию человека в единой теоретической системе, что создаёт перспективное поле для будущих научных исследований. Необходимость формирования философско-антропологических концепций на базе существующих теоретических систем диктуется различными тенденциями развития научной мысли.

Концепция внутреннего человека в условиях информационного общества многогранна, и в ней выражена чёткая точка зрения, относительно человеческого существования, которая даёт ответы на подобные вопросы. Современный взгляд как позитивный, так и негативный на технологическое видение внутреннего человека открывает её проблему во всей очевидности. Необходимо антропологическое осмысление человека в концепции социально-гуманитарном векторе. Будущие перспективы современного человека много в чём связаны с информационно-коммуникационными технологиями, и осмысление таких изменений много в чём связаны с философской антропологией. И именно философская антропология ставит вопросы про человека, но решения не могут ограничиваться рамками одного только какого-нибудь подхода.

Анализ бытия внутреннего человека показывает всю очевидность проблемы существования человека в условиях информационной среды, открывает нам тенденции раскрытия этой очевидности, её суть и механизм. Обращение к базовой модели человека в концепциях информационного общества, с одной стороны, облегчает исследование, открывая направление отрасли задания, связанных с рассмотрением антропологических направлений.

Онтологический статус виртуального человека рассматривается в категории становления. Его быт в основном лежит в таком направлении: он элемент системы их разделение и соединение обеспечивает распределение сингулярности.

Человек в сфере информационной культуры может быть охарактеризован как субъект, который создаёт сингулярности и, вместе с этим, является их случайным пересечением. Он всегда индивидуален и опирается на любое объединение, потому что можно назвать

частичным, так как он сам по себе.

Необходимость глобального способа мышления про человека в современных условиях требует внимательного рассмотрения антропологических построений. Важной составляющей является информатизация, которая сегодня активно развивается в нашем обществе, являясь необходимым условием успешного развития человека, формируя у людей новый кругозор, который соответствует реалиям XXI столетия. Поэтому способствуют практически неограниченным возможностям современных информационных и коммуникационных технологий. В данное время кардинально меняется вся информационная среда в научной деятельности, становясь неотъемлемой частью новой информационной культуры человечества. В этих условиях особенно важно антропологическое измерение технологического процесса, преодоление технократического подхода к осмыслению человека.

Развивая концепцию философскую антропологию в истории человечества, мы подходим к мысли, что на пути исследования прошлого и сегодняшнего возможно увидеть «отблеск будущего». Тут следует согласиться с Т. Ойзерманом, который считает, что «отблеск будущего» – выражение, которое указывает на то, что настоящее научное познание удалённого будущего человечества невозможно. На наш взгляд, исследование проблемы внутреннего человека в современной культуре может принести свои результаты в вопросе будущего человечества [2, с. 724].

Следует отметить, что культурные социальные трансформации, которые сопровождают большие культурно-технические революции прошлого были стихийными, никто не планировал и не предвидел, а так же не направлял их течение осознанно. Уникальность современного общества лежит в том, что «... время позволяет сейчас на стыке поколений не только проследить процесс возникновения и формирования информационной культуры, но и понять, что в экстремальных условиях общество должно целиком осознанно содействовать становлению таких культур».

Стоит подчеркнуть, что некоторые исследователи по-разному оценивают перспективы развития человека как биологического вида, но в целом лидируют два подхода к решению этой проблемы [4, с. 241]. Первый происходит из того, что радикальная смена окружающей среды приведёт к усилению антропологического разнообразия на Земле, а затем начнёт формироваться новая внешность. Второй подход основывается на том, что человек не есть завершающее звено. В этом

смысле возвращение человека к гуманизму, приоритету ценностей свободной творческой личности. После чего выступает главное отличие, связанное с информационным будущим человечества [3, с. 10].

Реалии современного общества ставят внутреннему человеку новые требования, для начала за все способности и готовности к смене деятельности. Перед человеком становится широкая свобода выбора, реализация которого способствует его индивидуальности. Внутренний человек в то же время актуальность проблемы личной идентичности в условиях информационного общества, где важно уметь пользоваться средствами технологизации и информатизации культуры и чем чётче понимать свою идентичность и причастность к какому-нибудь со авторства людей. Человек информационной культуры – это космополит, способный обнаружить свою индивидуальность. Человек информационного общества наделён свободой выбора в проявлении индивидуальности и приобретении идентичности любого уровня. Отсюда закономерность смены бытия человека в обществе, а также её ответственности и миропознания, что самым главным образом находит отпечаток в формировании образа человека как синтеза субъекта - объектного восприятия мира. С обозначенных позиций было совершено исследование внутреннего человека в культуре виртуальной реальности, в результате которого сформировались важные, на наш взгляд, выводы.

Объективный вектор формирования концептуальных моделей человека предоставляется современным историческим контекстом, суть которого, как уже говорилось, – в переходе от индивидуального к постиндивидуальному обществу – информационному. Данные модели отображают упрощенные представления о человеческом естестве в природоведении и технических дисциплинах. В них внимание сосредоточено на своих, характерных для данной дисциплины понятиях о человеке, логике его поведения, фиксируются признаки и особенности природы человека. Зато видение человека должно быть цельным и соединять как социальную так и биологическую природу.

Анализ базовых концепций внутреннего человека в информационном обществе позволяет сформировать основу нового направления в отечественных исследованиях по методологии междисциплинарных исследований. Философская антропология должна выполнять роль интегратора социально-гуманитарных, природно-научных и технологических дисциплин. Проведение исследования показало, что в условиях научно-технического прогресса, что всё больше концентрируется на человеке, наиболее востребованными есть информационно-коммуникационные технологии, которые размываются.

Коммуникативные процессы приводят к изменению циркуляции информации, которая приобретает возможность пути передачи, которые сложились. В концепции внутреннего человека нашло отображение, на наш взгляд, становление человека со сменной окружающей средой.

Литература

1. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. К.: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра; «Феникс», 2008. 1408 с.
2. Ойзерман Т.И. возможно ли предвидение отдалённого будущего? / Т.И. Ойзерман // Вестник Российской академии наук. 2005. № 8. Том 75. С. 724.
3. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. М.: Республика, 2001. С. 9.-11.
4. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. М.: 1991. С. 241-242.

Shvetsov G.Y. THE INNER MAN AS A MODERN PHILOSOPHICAL CATEGORY

The attempt of philosophical and cultural analysis of such a phenomenon as the place of the inner man in the information society as an image of a person of a virtual culture in the image of which it is possible to judge not only the specifics of the culture of this type of society but also the specificity of the internal existence of the information culture person is made.

Key words: *inner man, information culture, virtual culture, human image, world-knowledge.*

Швецов Геннадий Юрьевич – иерей, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы села Червоная Поляна. Аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Рецензент: **Исаев В.Д.** – д. филос. н., профессор.

МИСТИФИКАЦИЯ КАК НЕГАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОСТИ

В статье рассматриваются опыт понимания духовности при помощи мистицизма вне учения православной церкви. На примере рассмотрения индуизма, теософии и религиозного синкретизма.

Ключевые слова: *духовность, истина, христианство, человек, индуизм, теософия.*

Постановка проблемы. В связи с оскудением нравственности и потерей стремления к христианским ценностям в современном обществе «христианского мира» появилась тенденция приобретения и понимания духовности вне учения православной церкви, учением которой общество формировало на протяжении многих столетий свои нравственные и культурные ценности.

Таким образом, на сегодняшний день мы наблюдаем обострившийся кризис во всех формах жизнедеятельности человека, как в его частной жизни, так и во взаимодействии человека с обществом. В XXI веке в связи с большим технологическим прогрессом человечество по-прежнему интересуется вопросом о духовности в мистическом её понимании, но духовность, какого рода общество может приобрести, если эта духовность не согласна с догматическими основами христианской веры?

Основная часть. Каждый век ставит перед христианином свои новые проблемы и вопросы, требующие скорого осмысления и разрешения в духе православной святоотеческой традиции. Разум человека устроен так, что не терпит белых пятен, и если нет ясного и четкого ответа на возникшие вопросы, то образующийся вакуум все равно чем-то заполняется, пусть даже неправдоподобными, зачастую ложными мнениями. Принятие нехристианского эклектического взгляда на природу возникшего феномена может привести к искажению духовной жизни человека, увести его на гибельный, неверный путь [Люди и демоны]. Евангелие, предупреждает человека об опасности лжеучений, говоря: «берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. (Мф.7,15-16)».

Первым гибельным плодом, для личности человека можно назвать

индуизм и его аскетические практики для достижения духовности. Индуизм опасен тем, что он никогда не ограничивался чисто физическими методами. Он старается воздействовать на всего человека – не только на тело, но и на душу. Все индуистские физические упражнения – это религиозные обряды, которые «раскрывают» человека по отношению к таинственным «внешним силам», источник которых учителя индуизма замалчивается и старательно скрывают.

Этой внешней силой, по указанию христианского вероучения, может быть только сила демоническая, так как без помощи Христа, без правильного христианского подвига очищения души от страстей человек не способен выйти за пределы тварного, не в силах возвысится над своим падшим состоянием.

В том, что индуистские упражнения наносят вред душе человека, можно убедиться следующим образом. Индуизм не знает различия между добром и злом, что служит с точки зрения психиатрии признаком шизофрении. Так ещё в 19 веке французские психиатры людям не различающем понятий добра и зла ставили диагноз шизофрении. Из этого следует, что индуизм деструктивно влияет на психику человека делая его жизнь в социуме не возможной. По слову Свами Вивекананды: «Кто не может утверждать, что Бог не может проявлять себя в виде зла, как и в виде добра? Но только индуист осмеливается поклоняться Ему как злу» [1]. Таким образом, индуизм прямо проповедует идеологию разрушения, и не может дать человеку истинного понимания духовности, в виду его не ясности по отношению к понятиям добра и зла.

Вторым губительным плодом является религиозный синкретизм. Данный термин принадлежит теософии, которая утверждает, что корень всех религий, включая иудаизм и христианство, должен быть отыскиваем в немногих примитивных истинах, причем ни одна из них не может быть изъяснена в отдельности от всех других, так как каждая составляет некоторую деталь по отношению к совокупности всех остальных.

Результат подобных построений приведет к разрушению христианских понятий. Теософия помещает человека в область религиозных понятий, не связанных и не подкрепленных его религиозной жизнью. Выполняя над понятиями определенные операции, она создает особую систему, которую можно назвать «богословием хаоса». Употребляя знакомые христианские слова, она вкладывает в них совершенно иное содержание. Здесь нарушается неотъемлемый нравственный закон, согласно которому человек способен лишь на собственном опыте воспринять предмет. Авва Евагрий говорит: *«Бог открывает Себя не остроте ума, а чистоте сердца: блаженни чистиши сердцем, яко тиши Бога*

узрят (Мф. 5, 8). В духовной жизни для приобретения истинных знаний необходим труд, а теософия избавляет от этого. В теософии нет мучительного, напряженного и ответственного выбора, «что есть истина?» теософия провозглашает: «все есть истина!» [3].

Теософский девиз «все есть истина» растлевает ум человека сопряженный с растлением прочих духовных свойств. Растление ума и растление духа имеют тождественное значение по своему последствию. Принятием лжеучения или ложных мыслей о понимании Бога, искажением откровенного Богом догматического и нравственного учения при посредстве лжеучения приводит человека к ложному пониманию духовности путем её познания с помощью мистицизма [2].

Теософские и восточные мистические учения имеют общей истиной то, что человек сам является Богом и таким образом не признают факта грехопадения человека, либо интерпретируют его ложным образом, вследствие чего не осознают и необходимости исправления последствий этого грехопадения, прежде чем приступить к раскрытию в человеке сверх способностей. Вопреки догматическому и святоотеческому учению православной церкви, искусственно и насильственно отвержая чувства к общению с невидимым миром, они способствуют гибели души и повреждению человеческой природы, зачастую необратимо. Мистические практики этих учений являются катастрофическими для души человека. Самодовольство, тщеславие, гордыня, закрывающие путь человеку к покаянию и ведущие к сумасшествию, эгоизм, безразличие, бездушие, цинизм, искажение восприятия, физиологические расстройства, изменения личности, распад семей, склонность к самоубийству – вот немногие черты незаконного проникновения в сферы, скрытые от человека промыслом Божиим. То, что являлось исключительным правом немногих благочестивых подвижников, и даровалось им Богом во спасение как итог их жизни, проведенной в борьбе с грехом, предлагается в оккультных и восточных учениях всем без разбора на погибель, не взирая на греховность и нравственную нечистоту современного человека. Не учитывается, что непосредственному чувственному контакту с духовным миром должно обязательно предшествовать овладение духовным видением, совершенствование в котором может потребовать всей жизни. В свою очередь, этому духовному видению должен предшествовать долгий период усилий утвердиться в благочестивой христианской жизни по заповедям Христовым, в общении с Церковью и её Таинствами.

По учению православной церкви, которая придерживается истинного пути к Богу, являются: покаяние, сокрушение сердца, плач о собственных грехах, смирение, страх Божий, которые отличают православную духовную

практику от всякого рода медитаций – к каким бы учениям они не принадлежали. И наоборот, гордыня, высокоумие, своеволие, самочиние, тщеславие, самопревозношение отличают всех без исключения представителей оккультных и восточных не-православных учений [2].

Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «употребим всё тщание для стяжания познаний и состояний духовных, существенно нужных для стяжания познаний и состояний духовных, существенно нужных для спасения нашего. Постараемся снискать нищету духа, плач, кротость, алкание небесной правды. Умолим Бога, чтобы Он нам открыл грехи наши и сподобил принести в них истинное покаяние. Умолим Бога, чтоб Он даровал нам чистоту и смиренномудрие, плодом которых бывает духовное рассуждение, с верностью отличающие добро от зла. Умолим Бога, чтоб Он даровал нам духовное видение духов, при посредстве которого могли бы мы усматривать их в приносимых ими нам помыслах и мечтаниях, расторгнуть общение с ними в духе нашем, свергнуть с себя иго их, избавиться от плена! Удержимся от невежественного, пагубного желания и стремления к видениям чувственным, вне установленного Богом порядка! С благоговением подчинимся установлению Бога, покрывшего души наши густыми занавесами и пеленами тел на время нашего земного существования, отделившего ими нас от духов сотворенных, заслонившего и защитившего ими от духов падших. Не нужно нам чувственного видения духов для совершения нашего земного, многотрудного странствования. Для этого нужен иной светильник, и он дан нам: «Светильник ногамаоима – Закон Твой, и свет стезям моим» (Пс. 118, 105). Путешествующие при постоянном сиянии светильника – Закона Божия – не будут обмануты ни стастьями своими, ни падшими духами, как свидетельствует Писание: «Мир мног любящим закони Твоей, и несть им соблазна» (Пс. 118, 165).

В свое время, назначаемое единым Богом и известное единому Богу, мы непременно вступим в мир духов. Недалеко от каждого из нас это время! Всеблагий Бог да дарует нам так повести земную жизнь, чтоб мы ещё во время её расторгли общение с духами падшими, вступили в общение с духами святыми, чтоб мы, на этом основании, совлекшись тела, были причислены святым духам, а не духам отверженным. Тогда, в неизреченной радости, увидим и чины святых Ангелов, и чины святых человек в их чудных нерукотворенных обителях, на их вечном духовном празднике. Тогда познаем и узрим падшего херувима с его темными полчищами: тогда Богом даруемое зрение демонов – несчастнейших существ, удовлетворит вполне нашей о Господе любознательности, без всякой опасности для нас, как запечатленных перстом Божиим в неизменяемости и в неспособности к обольщению и повреждению злом.

Аминь» (5, т.3, с.65-67).

Выводы. Каждый век ставит перед человеком свои новые проблемы и вопросы, требующие скорого осмысления и разрешения в духе православной святоотеческой традиции. Разум человека устроен так, что не терпит белых пятен, и если нет ясного и четкого ответа на возникшие вопросы, то образующийся вакуум все равно чем-то заполняется, пусть даже неправверными, зачастую ложными мнениями. Принятие нехристианского эклектического взгляда на природу возникшего феномена может привести к искажению духовной жизни человека, увести его на гибельный, неверный путь.

Литература

1. Дворкин А.Л. Сектоведение / А.Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Издательство братства во имя св. князя Александра Невского, 2003.
2. Елисеев В. Православный путь ко спасению и восточные и оккультные учения мистические учения / Иерей Владимир Елисеев. – «Даниловский Благовестник», 1995.
3. Лжеучения нашего времени / Сборник материалов из серии «Троицкий Благовестник». – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001.

Negreev S.A. MYSTIFICATION AS A NEGATIVE ELEMENT IN THE UNDERSTANDING OF SPIRITUALITY

The article examines the experience of understanding spirituality with the help of mystification outside the teaching of the Orthodox Church. On the example of the consideration of Hinduism, Theosophy and religious syncretism.

Key words: *spirituality, truth, Christianity, man, Hinduism, Theosophy.*

Негреев Сергей Александрович – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Рецензент: Ильченко В.И. – к. пед. н., доцент.

ТРЕБОВАНИЯ

к публикациям в научном издании по философским наукам «Анропос: Логос и Теос» Луганского национального университета имени Владимира Даля

1. При оформлении текста: все поля 20 мм; шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5; абзац – 10 мм. Относительно символов. В тексте необходимо использовать только кавычки такого образца: «», дефис – это короткое тире «-». Не нужно ставить лишние пробелы, особенно перед квадратными или круглыми скобками, а также в них.

2. Разделы статей должны включать:

- Постановку проблемы (в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами). Статья по возможности должна содержать анализ последних исследований и публикаций.

- Цель исследования.

- Основную часть (изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов).

- Выводы.

3. Статья подается на русском или английском языках. Оптимальный объем текста статьи 10-12 страниц (не должен превышать 20 тыс. знаков), включая таблицы, схемы и рисунки. Графические материалы к статье должны направляться отдельными файлами. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

4. Вверху на первой странице статьи: индекс УДК – слева, без абзацного отступа. Ниже по правому краю строки курсивным полужирным выделением приводятся фамилии и инициалы автора(ов). Далее, через один интервал прописными буквами полужирным выделением название статьи без переносов с выравниванием по центру. Далее через один интервал с абзацного отступа – аннотация к статье.

5. После названия статьи помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5). В конце статьи (после списка литературы) на английском языке указываются инициалы и фамилии автора(ов), название статьи и представляется аннотация.

6. Если в статье присутствуют иллюстрации, необходимо располагать их по тексту, выровнивая подписи (рис. 1. Схема ...) по ширине с абзаца 1 см. Второй экземпляр иллюстрации необходимо представить на отдельном листе. Иллюстрации должны быть четкими и контрастными.

7. Таблицы располагать по тексту. Над таблицей поставить ее порядковый номер (Таблица 1) выровнивая по правому краю, под которой разместить название таблицы, выровнивая по центру.

8. Список литературы подается общим списком в конце статьи согласно установленным требованиям (ВАК РФ. ГОСТ Р 7.0.5 от 2008 и ГОСТ 7.82-2001) через 1 см от последней строки шрифтом Times New Roman, кегль 14, с полуторным межстрочным интервалом и выровнивается по ширине. Ссылки на литературу в тексте даются по такому образцу [7, с. 123]. Страница ссылки на несколько источников одновременно разделяется знаком точка с запятой и подается таким образом: [1; 4; 8] или [2, с. 32; 9, с. 48; 11, с. 257]. Ссылка на архивные источники оформляется согласно ГОСТ 11.3 и ГОСТ 11.4 – 2008. Упомянутые в тексте ученые, исследователи называются по алфавиту – Н. Бердяев, А. Лосев, В. Соловьев, Ф. Шеллинг и другие. В начале отмечается имя, а потом фамилию ученого. Необходимо выделять зарубежных и отечественных исследователей.

9. Обязательно подать электронный вариант статьи на диске CD-RW или по электронной почте – dmitriy3003@mail.ru.

При значительном объеме статьи архивировать с помощью WINRAR и подать на диске DVD-RW.

10. Публикация должна быть снабжена информацией об авторе (ах), включающей фамилию, имя и отчество, должность, место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, телефон, адрес электронной почты – подаются отдельным файлом.

11. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

12. Статьи аспирантов и соискателей без научной степени принимаются при наличии рекомендации кафедры (отдела) и рецензии доктора или кандидата наук.

13. Ответственность за точность изложенных фактов, цитат, цифр и фамилий несут авторы материалов. В статью могут быть внесены изменения редакционного характера без согласия автора. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить некачественные материалы без пояснения причин.

Авторы статей оплачивают 30 руб. за 1 стр. (или 300 руб. – за публикацию. В электронном варианте издания – 50 рублей (без сборника)). Каждый из авторов получает один печатный вариант издания. В случае, если нужно большее количество экземпляров, необходимо заранее предупредить редакцию и оплатить стоимость дополнительных экземпляров.

Редколлегия сборника «Анропос: Логос и Теос»

находится по адресу:

к. 314, корпус 2, кв. Молодежный 20а,

Луганский национальный университет

имени Владимира Даля,

г. Луганск, 91034

Главный редактор: Исаев Владимир Данилович

Ответственный секретарь: Кобылкин Дмитрий Сергеевич

e-mail: dmitriy3003@mail.ru тел. 066-321-68-44

Контактные телефоны: тел. (0642) 41-80-53

e-mail кафедры мировой философии и теологии: kaf.fil-teo@mail.ru.

АНТРОПОС: ЛОГОС И ТЕОС

Выпуск 3

Сборник научных трудов

Оригинал-макет

Е.А. Гриниченко

Подписано к печати 17.07.2017
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типогр. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Услов. печат. листа 17,43. Учет изд. листа 18,2.
Тираж 300 экз. Изд. № 0046. Заказ № _____. Цена договорная.

**Издательство
Луганского национального университета
имени Владимира Даля**

Свидетельство о регистрации серия № ПИ 000102 от 08.06.2017 г.

Адрес издательства: 91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а
Телефон: (0642) 34-48-48. Факс: (0642) 34-48-28

E-mail: dahl.univer@yandex.ru. www.dahluniver.ru

